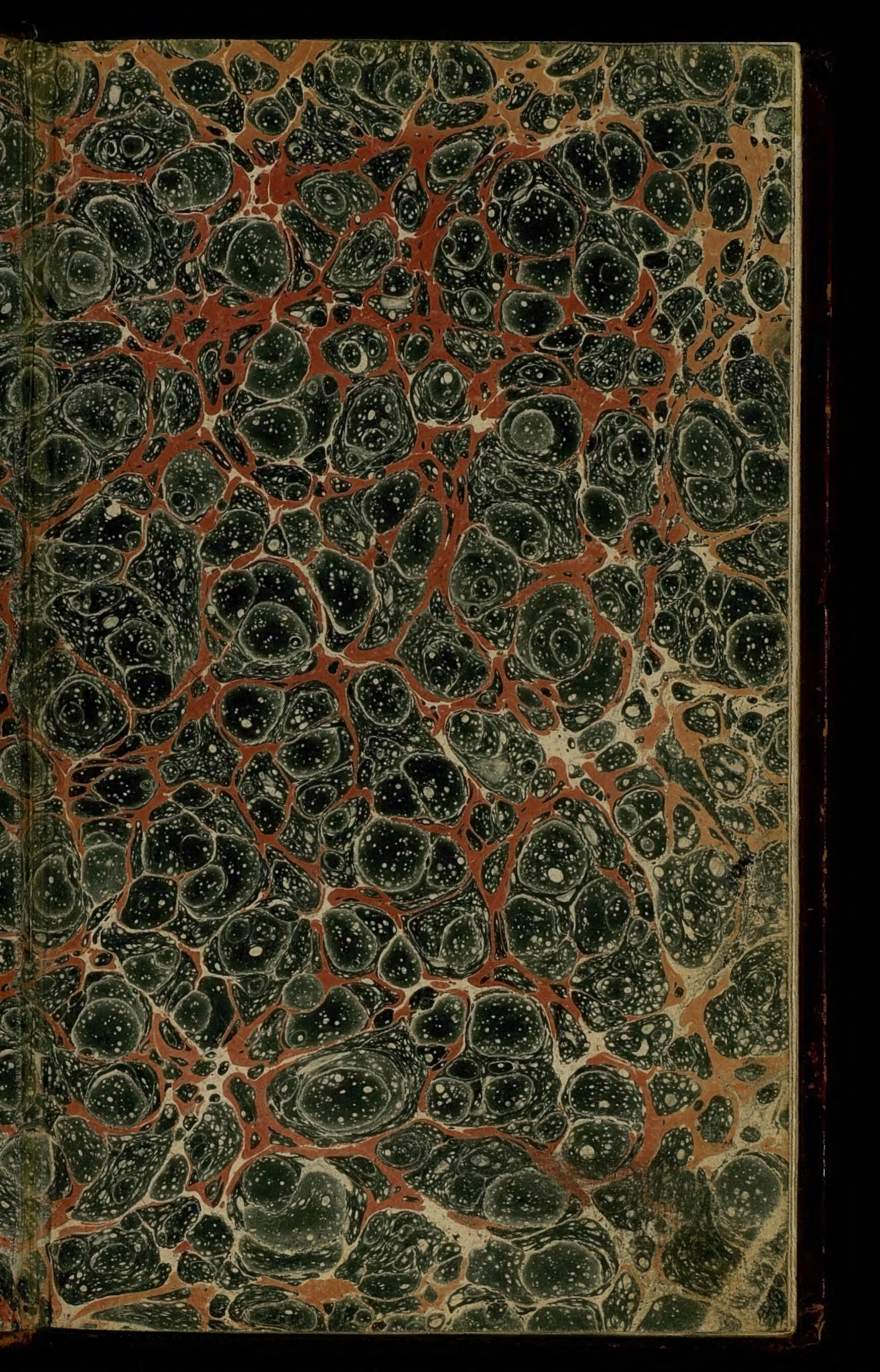
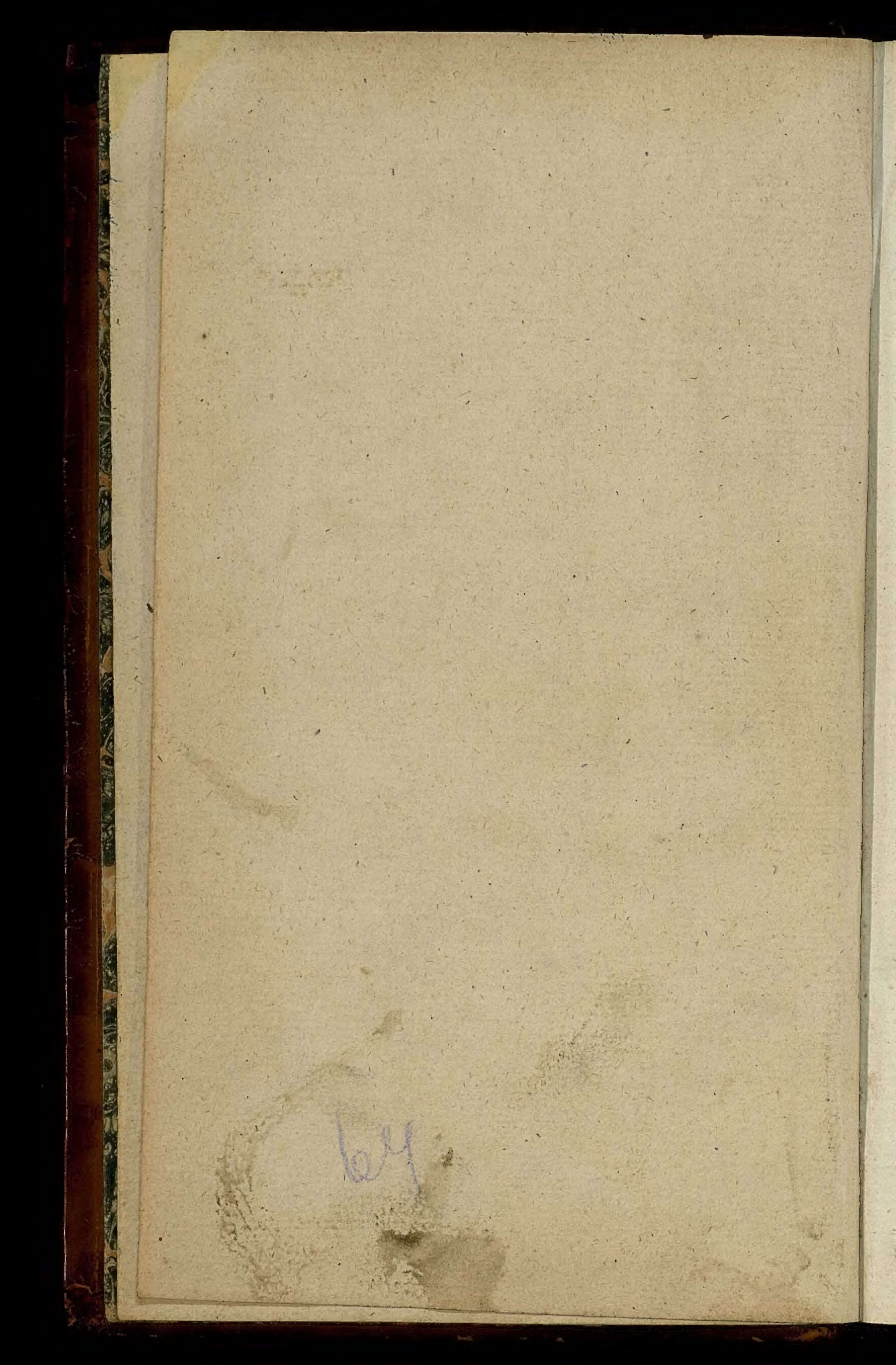

6, 11

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Изданіе третіе,
исправленное и умноженное.

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1820.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Сентября 25 дня 1818 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Тимковскій.

ПИСЬМА

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

Женева.

Пріятель мой Б* уѣхалъ въ Лозану. Сію минуту получилъ я отъ него письмо. Вотъ оно:

„Ахъ мой другъ! жалѣй о нещастномъ! „Простуда, кашель, боль въ груди, едвали „позволяютъ мнѣ за перо взяться; но я „непремѣнно долженъ извѣстить тебя о „моемъ меланхолическомъ приключеніи.

„Ты помнишь молодую Ивердонскую „красавицу, съ которою мы ужинали въ „Базелѣ, въ трактирѣ *Аиста* (*); помнишь, „можетъ быть, и то, что я сидѣлъ „рядомъ съ нею; что она говорила со „мною ласково, и смотрѣла на меня съ „нѣжностію — ахъ! какая гранитная гора „могла защитить мое сердце отъ ея „пронзительныхъ взоровъ? Какія снѣж-„ныя громады могли погасить огонь, „воспаленный сими взорами въ источникѣ

(*) Письма Рускаго Путеш. Ч. II. стр. 40.

«жизни моей? Такъ, мой другъ! я учился «Анатоміи, Медицинѣ, и знаю, что сердце есть точно источникъ жизни, хотя «почтенный Докторъ Мегадидактосъ, «вмѣстѣ съ уваженія достойнымъ Микрологосомъ, искалъ души и жизненнаго «начала въ чудесномъ, отъ глазъ нашихъ «укрывающемся сплетеніи нервъ. . . . Но «я боюсь удалиться отъ моего предмета, и потому, оставляя на сей разъ «почтеннаго Мегадидактоса и уваженія «достойнаго Микрологоса, скажу тебѣ «откровенно, что Ивердонская красавица «возбудила во мнѣ такія чувства, которыхъ — теперь описать не умѣю. Не «знаю, что бы изъ меня вышло, и что «бы я сдѣлалъ, естьли бы она — о жестокой ударъ! — не уѣхала изъ трактира «въ самую ту ночь, въ которую душа «моя занималась ею съ величайшимъ жаромъ, и въ которую утѣшительный «сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Ты вывезъ «меня изъ Базеля; путешествіе, пріятныя мѣста, встрѣча съ Француженкою, «маленькой Пьеръ, бѣлка, злая бѣлка (*), «новыя знакомства, водопады, горы, дѣвица Г** — все сіе не могло совершенно «затереть образа прекрасной Ивердонки «въ сердцѣ моемъ. Долго старался я пре-

(*) Письма Руск. Путеш. Ч. II стр. 47.

„одолѣвать себя; но тщетно! Быстрая „рѣка рано или поздно разрываетъ всѣ „оплоты: такъ и любовь! Нанявъ въ Лозанѣ лошадь, поѣхалъ я верхомъ въ Ивердонъ: скакалъ, летѣлъ, и въ 10 часовъ „утра былъ уже на мѣстѣ — остановился „въ трактирѣ, напудрился, снялъ съ „себя кортикъ, шпоры, и пошелъ, куда „стремилось мое сердце. Тамъ съ пасмурнымъ видомъ встрѣтилъ меня шестидесятилѣтній старикъ, отецъ моей красавицы. *Милостивый государь!* сказалъ „я: *почтеніе, которымъ душа моя преисполнена къ вашей любезной дочери; великое, сильное желаніе видѣть ее* —— Въ „самую сію минуту она вошла. *Юлія!* „*знаешь ли ты этаго господина?* спросилъ „у нее старикъ. Юлія посмотрѣла наменя, „и учтивымъ образомъ отвѣчала, что „она не имѣетъ сей чести. Вообрази мое „удивленіе! Я весь затрепеталъ — *затрепеталъ вслухъ,* какъ говоритъ Клопштокъ. Мнѣ казалось, что всѣ Швейцарскія и Савойскія горы обрушились „на мою голову. Насилу могъ я собраться съ духомъ, и не говоря ни слова, подалъ безпамятной Юліи записную книжку мою, гдѣ увидѣла она имя свое, ея „собственною рукою написанное (*). Кра-

(*) Письма Рускаго Путеш. Ч. II. стран. 48.

»ска выступила на лицѣ жестокой; она »стала передо мною извиняться, и сказала отцу: *я имѣла честь вмѣстѣ съ нимъ »ужинать въ Базелѣ.* Онъ просилъ меня »сѣсть. Кровь моя все еще не могла успокоиться, и я не имѣлъ духа смотрѣть на Юлію, которая также была въ »замѣшательствѣ. Старикъ, услышавъ »отъ меня, что я Докторъ Медицины, »очень обрадовался, и началъ говорить »со мною о своихъ болѣзняхъ. Увы! (думалъ я) за тѣмъ ли Судьба привела меня въ Ивердонъ, чтобы разсуждать о »гемороидальныхъ припадкахъ дряхлаго »старика? Между тѣмъ дочь его сидѣла, »нюхала табакъ, и взглядывала на меня, »но совсѣмъ уже не такъ, какъ въ Базелѣ. Взоры ея были такъ холодны, такъ »холодны, какъ Сѣверный Полюсъ. Наконецъ самолюбіе мое, жестоко уязвленное, заставило меня — встать со »стула и откланяться. *Долго ли вы пробудете въ Ивердонѣ?* спросила Юлія пріятнымъ своимъ голосомъ (и съ такою »усмѣшкою, которая весьма ясно говорила: *надѣюсь, что ты уже не придешь »къ намъ въ другой разъ*). Нѣсколько часовъ, »отвѣчалъ я. — *Въ такомъ случаѣ желаю »вамъ щастливаго пути.* — И щастливой »практики — примолвилъ старикъ, снявъ »свой колпакъ. Мы разстались; и когда

»я вышелъ на улицу, наемный слуга, »провожатый мой, сказалъ мнѣ, что »дѣвица Юлія скоро выдетъ за мужъ за »Господина N. N. *А! теперь знаю причину »холоднаго пріема!* думалъ я, и удвоилъ »шаги свои, чтобы скорѣе удалиться »отъ дому будущей супруги Господина »N. N. — Городъ Ивердонъ сталъ мнѣ »противенъ. Я съ великимъ нетерпѣні»емъ дожидался обѣда, и сѣвъ за столъ, »велѣлъ слугѣ осѣдлать мою лошадь. Вмѣ»стѣ со мною обѣдало четверо Англи»чанъ, которые вздумали пить мое здо»ровье всѣми винами, какія были у трак»тирщика. Я самъ велѣлъ подать бу»тылки двѣ Бургонскаго, чтобы отбла»годарить ихъ — и такимъ образомъ про»шло непримѣтно около трехъ часовъ. »Сердце мое забыло все земное горе, и »простило невѣрную Юлію. Англичане, »по своему обыкновенію, выдумывали »разныя *сентиментальныя* или *чувстви»тельныя* здоровья. Мнѣ также въ свою »очередь надлежало предложить три или »четыре. При послѣднемъ я налилъ пол»ную рюмку, поднялъ ее высоко и ска»залъ громко: *кто любитъ красоту и нѣж»ность, тотъ пей со мною за здоровье »Юліи, и желай красавицѣ щастливаго су»пружества!* Рюмки застучали, вино за»пѣнилось, и всѣ Англичане въ одинъ

„голосъ воскликнули: *мы пьемъ за здо-*
„*ровье Юліи, и желаемъ красавицѣ щаст-*
„*ливаго супружества!* — Между тѣмъ я
„разъ десять спрашивалъ, готова ли моя
„лошадь? и десять разъ отвѣчали мнѣ,
„что она давно стоитъ у крыльца. На-
„конецъ слуга пришелъ сказать, что мнѣ
„не льзя ѣхать. — Не льзя? для чего
„же? — *Становится поздно, и находятъ об-*
„*лака.* — „Вздоръ! я поѣду! лошадь!„ —
„Черезъ полчаса опять пришелъ слуга.
„*Вамъ не льзя ѣхать.* — „Не льзя? для
„чего же?„ — *Стало поздно; облака сгу-*
„*стились, и пошелъ снѣгъ.* — „Вздоръ! я поѣ-
„ду! лошадь!„ — Черезъ нѣсколько ми-
„нутъ слуга опять подошелъ ко мнѣ.
„*Вамъ не льзя ѣхать!* — „Не льзя? для
„чего же?„ — *Ночь на дворѣ; снѣгъ валит-*
„*ся хлопками, и скоро сильный вѣтеръ на-*
„*дуетъ вездѣ сугробы.* — „Вздоръ! поѣду,
„сію минуту поѣду! лошадь!„ — Сказалъ,
„всталъ со стула, пожалъ у Англичанъ
„руки, подпоясалъ кортикъ, распрощил-
„ся съ хозяиномъ, вскочилъ на коня сво-
„его, и пустился во всю прыть по Ло-
„занской дорогѣ. Вѣтеръ со снѣгомъ дулъ
„мнѣ въ лице; но я протиралъ глаза, и
„безпрестанно шпорилъ свою лошадь.
„Скоро сдѣлалась страшная вьюга, и бѣ-
„лая тьма совсѣмъ лишила меня зрѣнія.
„Я чувствовалъ, что ѣду не по дорогѣ;

„но дѣлать было нечего. Впередъ, впе-„редъ, на волю Божію — и такимъ обра-„зомъ странствовалъ до половины ночи. „Наконецъ добрый конь, вѣрный това-„рищъ мой, совсѣмъ изъ силъ выбился, „и сталъ. Я сошелъ съ него, и повелъ „его за узду; но скоро и мои силы исто-„щились. Уже нещастный пріятель твой „готовъ былъ упасть на пушистую снѣж-„ную постелю, покрыться снѣжнымъ „одѣяломъ, и поручить участь свою Бо-„гу; хладная смерть со всѣми своими „ужасами вилась надо мною! Увы! я „прощался уже съ моимъ отечествомъ, „съ друзьями, съ *химическими лекціями* „(*), и со всѣми моими лестными надеж-„дами! Но судьба изрекла мнѣ помило-„ваніе и вдругъ увидѣлъ я передъ собою „крестьянской домикъ. Ты легко можешь „представить себѣ радость мою, и для „того не буду ее описывать. Довольно, „что меня тамъ приняли, отогрѣли, на-„кормили, успокоили. На другой день по-„утру я принудилъ хозяина взять у меня „шесть франковъ, и въ десять часовъ „утра возвратился въ Лозану, — съ же-„стокою простудою. Вотъ конецъ моего

(*) Пріятель мой говаривалъ всегда съ восхищеніемъ о будущихъ своихъ химическихъ лекціяхъ, которыми онъ хотѣлъ удивить всю ученую Данію.

»романа! Vale! B. — P. S. Какъ скоро »уймется мой кашель, возвращусь на ста»рое свое жилище, въ Женевскую Респу»блику, подъ надежный покровъ *велико»лѣпныхъ* (*) Синдиковъ. У васъ, сказы»ваютъ, много шуму!» Такъ, или почти такъ пишетъ мой Б.

Женевская каѳедральная церковь напоминаетъ мнѣ давно-прошедшія времена. Тутъ былъ нѣкогда храмъ Аполлоновъ; но огонь пылалъ въ стѣнахъ его и разрушилъ отчасти величественное зданіе древняго искусства — воцарилась новая Религія, и развалины языческаго храма послужили основаніемъ Христіянской церкви.

Вхожу во внутренность — огромно и пусто! Ищу глазами какого нибудь предмета, который могъ бы занять душу мою. Мнѣ представляется громада чернаго мрамора, держимая львами — это гробъ Герцога Рогана, котораго Генрихъ IV любилъ какъ друга, котораго Людовикъ XIII страшился какъ грознаго непріятеля, который жилъ и умеръ съ мечемъ въ рукахъ и въ лаврахъ побѣдителя.

(*) Ихъ называли всегда magnifiques.

Avec tous les talens le Ciel l'avoit fait naitre.
Il agit en géros, en sage il écrivit (*);
Il fut même grand homme en combattant son maitre,
Et plus grand lorsqu'il le servit.

Вольтеръ.

Роганъ былъ главою Протестантовъ во Франціи и предводителемъ ихъ арміи; но по заключеніи мира онъ лишился ихъ довѣренности. Многіе изъ нихъ называли его измѣнникомъ, предателемъ, и готовы были обагрить руки свои кровію Героя, чистаго въ своемъ сердцѣ. Безоруженъ и спокоенъ явился онъ среди мятущагося народа — обнажилъ грудь свою, и твердымъ голосомъ сказалъ озлобленнымъ своимъ единовѣрцамъ: *разите! для васъ жертвовалъ я моею жизнію; теперь хочу умереть отъ руки вашей* — сказалъ, и народъ, устыдясь своей несправедливости, палъ передъ нимъ на колѣна. Такъ торжествуетъ добродѣтель, и другъ человѣчества проливаетъ радостныя слезы! — Подобныя черты великодушія суть блестящія перлы въ мрачной Исторіи вѣковъ. . . . . . .

Вмѣстѣ съ отцомъ своимъ покоится и нещастный Танкредъ. Судьба сего Прин-

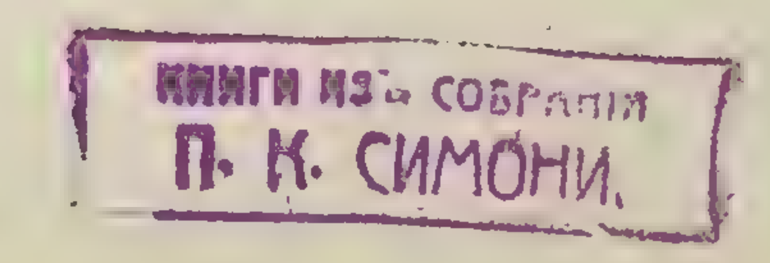

(*) Онъ сочинилъ Les Interêts des Princes, Le parfait Capitaine, и другія книги.

ца достойна примѣчанія и слезъ чувствительнаго человѣка. Роганъ хотѣлъ до времени таить рожденіе своего сына, боясь, чтобы Кардиналъ Ришелье не отнялъ его и не воспиталъ въ Католической религіи. Корыстолюбивая Танкредова сестра, желая одна владѣть имѣніемъ отца своего, воспользовалась симъ обстоятельствомъ, и нѣкоторымъ преданнымъ ей людямъ велѣла похитить младенца, увезти изъ Франціи и отдать на воспитаніе какому нибудь человѣку низкаго состоянія. Все сіе сдѣлалось, какъ она хотѣла, — и Танкредъ отданъ былъ въ Голландіи одному небогатому мѣщанину; а Герцога и супругу его, дочь великаго Сюлли, увѣрили, что сынъ ихъ умеръ. Юный Принцъ росъ въ деревнѣ, бѣгалъ по лугамъ, работалъ въ саду, и называлъ воспитателя своимъ отцомъ, его жену матерью, а дѣтей братьями и сестрами. Онъ былъ прекрасный, умный мальчикъ, и заслужилъ любовь всѣхъ тѣхъ, которые его знали. — Между тѣмъ Герцогъ умеръ. Супруга его давно уже перестала проливать слезы о любезномъ сынѣ, какъ вдругъ, къ нечаянной радости своей, получила достовѣрное извѣстіе (*), что

(*) Отъ одного изъ тѣхъ, которые отвезли его въ Голландію.

онѣ живѣ. Вѣ ту же минуту она послала за нимѣ вѣ Голландію. Танкредѣ услышалѣ о своемѣ родѣ, и казался равнодушнымѣ; услышалѣ о смерти отца своего, и пролилѣ слезы; услышалѣ о матери, обѣ ея нетерпѣніи видѣть милаго сына, и схвативѣ присланнаго за руку, сказалѣ ему: *поѣдемѣ кѣ ней!* увидѣлѣ горесть воспитателя своего, горесть его жены и дѣтей, и бросился обнимать ихѣ. *Никогда, никогда васѣ не забуду!* сказалѣ онѣ сѣ нѣжностію: *никогда не перестану называть тебя отцомѣ моимѣ, тебя матерью, васѣ братьями и сестрами! Теперь простите: естьли мнѣ хорошо будетѣ вѣ Парижѣ, то я отпишу кѣ вамѣ, чтобы и вы туда пріѣхали.* — Танкредѣ поѣхалѣ, и всякую минуту спрашивалѣ: *скоро ли увижу мать мою?* Онѣ увидѣлѣ ее, и нѣжная родительница едва не лишилась жизни отѣ радостнаго восторга. . . . Герцогиня немедленно обѣявила Танкреда сыномѣ и наслѣдникомѣ Герцога Рогана; однакожь дочь ея не хотѣла признать его своимѣ братомѣ. Началось дѣло, и до рѣшенія запрещено было молодому Рогану называться Герцогомѣ. — Франція была тогда театромѣ междоусобной войны. Герцогѣ Орлеанской и Принцѣ Конде хотѣли овладѣть Парижемѣ, и уничтожить Парламентѣ; но

многіе дворяне, держа сторону сего послѣдняго, защищали городЪ. Осьмнадцатилѣтній ТанкредЪ присталЪ кЪ нимЪ, и вЪ разныхЪ случаяхЪ оказалЪ удивительную смѣлость и мужество. — Самая сія геройская пылкость погубила его. ВЪ одномЪ сраженіи онЪ былЪ оставленЪ своими и со всѣхЪ сторонЪ окруженЪ непріятелями, которые, щадя юнаго Героя, требовали, чтобы онЪ сдался; но храбрый ТанкредЪ махалЪ мечемЪ вокругЪ головы своей и кричалЪ; point de quartier! il faut vaincre ou mourir! (*побѣдить или умереть!*) Свинцовая пуля пролетѣла сквозь его сердце, и Герой умерЪ Героемъ. — Сія безвременная смерть сократила жизнь нещастной Герцогини. Она велѣла написать надЪ гробомЪ его: *Здѣсь лежитЪ ТанкредЪ, сынЪ Герцога Рогана, истинный наслѣдникЪ добродѣтели и великаго имени отца своего. ОнЪ умерЪ на девятнадцатомЪ году отЪ рожденія, сражаясь за своихЪ согражданЪ. Небо показало — и скрыло его, кЪ горести всѣхЪ родственниковЪ и всѣхЪ истинныхЪ сыновЪ отечества. Маргарита БетюнЪ, Герцогиня де РоганЪ, печальная вдова, неутѣшная мать, соорудила сей памятникЪ, да будетЪ оный вѣчнымЪ свидѣтельствомЪ ея скорби и любви кЪ милому сыну.* Но злобная Танкредова сестра, по смерти матери своей, (которая

также погребена въ Женевѣ, подлѣ супруга и сына) — злобная сестра, питая ненависть даже и къ мертвому брату своему, заставила Короля писать къ начальникамъ Женевской Республики, чтобы сія эпитафія была уничтожена. Они исполнили его приказаніе и стерли трогательную надпись; но я нашелъ ее въ Histoire de Tancrede. — Извѣстный Скюдери сочинилъ тогда слѣдующіе стихи (поднесенные имъ самой сестрѣ Танкредовой):

Olimpe, le pourrai-je dire,
Sans exciter votre courroux?
Le grand coeur que la France admire,
Semble déposer contre vous.
L'invincible Rogan, plus craint que le tonnerre,
Vit finir ses jours à la geurre (*),
Et Tancrede a le même sort.
Cette conformité qui le couvre de gloire,
Force presque chacun à croire,
Que la belle Olimpe avoit tort,
Et que ce jeune Mars, si digne de mémoire,
Eut la naissance illustre, aussi bien que la mort. —

Въ сей же церкви погребенъ дѣдъ Госпожи Ментенонъ, Теодоръ Агриппа Обинье, который нѣкоторое время пользовался благосклонностію Генриха IV;

(*) Сей стихъ можно поставить въ примѣръ слабыхъ и непіитическихъ стиховъ.

но послѣ долженъ былъ удалиться отъ Двора, и даже выѣхать изъ Франціи.

Прекрасное время продолжается. Я стараюсь имъ пользоваться, и часто, взявъ въ карманъ луидора три и записную книжку, странствую по Савоіи, Швейцаріи, или Pays de Gex, и дни черезъ четыре возвращаюсь въ Женеву.

Не давно былъ я на островѣ Св. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмаго-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, которыя, какъ Фуріи, гнали его изъ мѣста въ мѣсто. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ Женевскаго гражданина и Философа: подъ вѣтьвями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. « Здѣсь, думалъ я, здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей. . . . неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать! . . . здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось, какъ при немъ

было; но его нѣтъ — нѣтъ! Тутъ послышалось мнѣ, что и лѣсъ и луга вздохнули, или повторили глубокой вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя — и весь островъ показался мнѣ въ трaурѣ. Печальный флеръ зимы лежалъ на Природѣ. — Ноги мои устали. Я сѣлъ на краю острова. Бильское озеро свѣтлѣло и покоилось во всемъ пространствѣ своемъ; на берегахъ его дымились деревни; вдали видны были городки Биль и Нидау. Воображеніе мое представило плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку; зефиръ вѣялъ вокругъ ее, и правилъ ею вмѣсто кормчаго. Въ лодкѣ лежалъ старецъ почтеннаго вида, въ Азіатской одеждѣ; взоры его, устремленные на небеса, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онъ, онъ, — тотъ, кого выгнали изъ Франціи, Женевы, Нешателя — какъ будто бы за то, что Небо одарило его отмѣннымъ разумомъ; что онъ былъ добръ, нѣженъ и человѣколюбивъ!

Какими живыми красками описываетъ Руссо (*) пріятную жизнь свою на островѣ Св. Петра, — жизнь, совершенно бездѣйственную! Кто никогда не истощалъ душевныхъ силъ своихъ въ ночныхъ

(*) Въ Promenades solitaires.

размышленіяхЪ, тотЪ конечно не можетЪ понять блаженства сего роду — блаженства сей *Субботы*, которою наслаждаются одни великіе Духи при концѣ земнаго странствованія, и которая приготовляетЪ ихЪ кЪ новой дѣятельности, начинающейся за прагомЪ смерти.

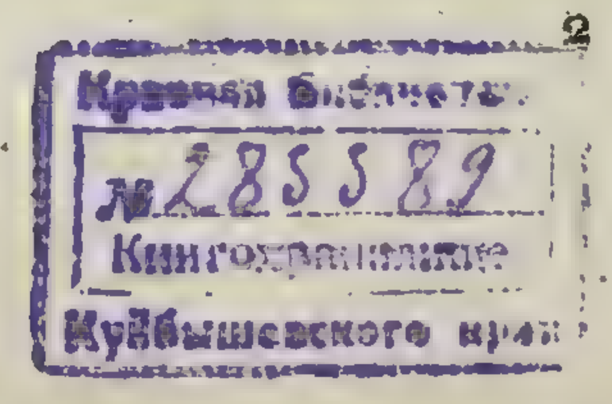
Но кратко было успокоеніе твое! Новый ударЪ грома перервалЪ его, и сердце великаго мужа облилось кровію. «Дайте мнѣ умереть, — говорилЪ онЪ вЪ горести души своей, — дайте мнѣ умереть покойно! Пусть желѣзные замки и тяжелые запоры гремятЪ на дверяхЪ моей хижины! Заключите, заключите меня на семЪ островѣ, естьли вы думаете, что дыханіе мое для васЪ ядовито! Но перестаньте гнать нещастнаго! Лишите меня дневнаго свѣта, и только вЪ ночное время позвольте мнѣ бѣдному вздохнуть на свѣжемЪ воздухѣ!» НѣтЪ, слабый старецЪ долженЪ проститься сЪ любезнымЪ своимЪ островомЪ — и послѣ того говорятЪ, что Руссо былЪ мизантропЪ! Скажите, кто бы не сдѣлался такимЪ на его мѣстѣ? Развѣ тотЪ, кто никогда не любилЪ человѣчества!

Я сидѣлЪ вЪ задумчивости, и вдругЪ увидѣлЪ молодаго человѣка, который, нахлучивЪ себѣ на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мнѣ приближался; вЪ

правой рукѣ была у него книга. Онъ остановился, взглянулъ на меня, и сказавъ: Vous pensez à lui (*вы объ немъ думаете*), пошелъ прочь такими же тихими шагами. Я не успѣлъ ему отвѣчать и хорошенько посмотрѣть на него; но выговоръ его и зеленый фракъ съ золотыми пуговицами увѣрили меня, что онъ Англичанинъ.

На островѣ только одинъ домъ, въ которомъ живетъ Управитель съ семействомъ своимъ; тутъ жилъ и Руссо. — Сей островъ, принадлежащій Берну, называется нынѣ по большой части Руссовымъ. —

Я былъ еще въ Ивердонѣ, Нёшателѣ и въ другихъ городкахъ Швейцаріи. Въ Ивердонской публичной библіотекѣ показываютъ скелеты, найденные въ землѣ лѣтъ за двадцать передъ симъ, близъ одной мельницы. Лицами лежали они къ востоку; въ ногахъ у нихъ стояли глиняныя урны и маленькія блюда съ костями разныхъ птицъ. Тутъ же нашли еще нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ медалей Константинова времени. — Во всей Швейцаріи видно изобиліе и богатство; но какъ скоро переступишь въ Савойскую землю, увидишь бѣдность, людей въ раздранныхъ рубищахъ, множество нищихъ; — вообще неопрятность и нечистоту. Народъ лѣнивъ, земля необработана,

деревни пусты. Многіе изъ поселянъ оставляютъ свои жилища, ѣздятъ по свѣту съ учеными сурками и забавляютъ ребятъ. Въ Карушѣ, первомъ Савойскомъ городкѣ, стоитъ полкъ; но какіе солдаты! какіе Офицеры! Нещастная земля! Нещастливъ и путешественникъ, который долженъ въ Савойскихъ трактирахъ искать обѣда, или убѣжища на время ночи! Надобно закрыть глаза и зажать носъ, естьли хочешь утолить голодъ; постели такъ чисты, что я никогда на нихъ не ложился.

Наконецъ миръ и тишина царствуютъ въ Женевѣ. Перемѣна, происшедшая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ въ правленіи Республики, утверждена союзными державами: Франціею, Кантономъ Берномъ, Савоіею; и тѣ изъ гражданъ, которые прежде были выгнаны изъ Женевы, могутъ теперь возвратиться. Не давно выбирали новыхъ Синдиковъ. Всѣ Женевцы, собравшіеся въ церкви Св. Петра, подтверждали сей выборъ, кладя руку на Библію. Первый Синдикъ говорилъ рѣчь, и давалъ гражданству отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Потомъ новые Синдики, держа въ рукахъ жезлы правленія, присягали и обѣщались наблюдать пользу Республики. Все было тихо и торжест-

венно. Иностранцевъ впускали по билетамъ на галлерею. —

Не давно случился здѣсь слѣдующій комико-печальный анекдотъ. Я писалъ къ вамъ о Женевскомъ гульбищѣ sur la Treille, гдѣ (а особливо въ праздники) собирается множество людей, мущинъ и женщинъ, Женевцовъ и чужестранныхъ. Въ послѣднее воскресенье одинъ молодой Англичанинъ, — но не тотъ, котораго видѣлъ я на островѣ Св. Петра, — къ удивленію всѣхъ явился тамъ на кургузомъ конѣ своемъ, пустился въ галопъ по алеѣ и едва не передавилъ гуляющихъ. Здѣшній Полицейской судья схватилъ лошадь его за узду и сказалъ ему, что по *Трели* ходятъ, а не ѣздятъ. *А я хочу ѣхать*, отвѣчалъ Англичанинъ. — «Вамъ не позволятъ.» — *Кто, кто мнѣ не позволитъ?* — «Я, именемъ закона.» — Англичанинъ высунулъ языкъ, далъ шпоры своей лошади и поскакалъ. *Бунтъ! мятежъ!* закричали Женевцы — и черезъ нѣсколько минутъ явился на *Трели* отрядъ здѣшней Гвардіи. Вы думаете, можетъ быть, что Англичанинъ скрылся? Никакъ — онъ ѣздилъ по алеямъ, свисталъ, махалъ своимъ хлыстикомъ, дразнилъ тѣхъ, которыхъ физіогномія ему не нравилась, и хотѣлъ передавить солдатъ, когда они окружили его; но дерскаго Британца, не смотря

на его храброе сопротивленіе, стащили съ лошади и отвели въ караульню. Черезъ полчаса прибѣжала къ нему молодая женщина, и со слезами бросилась обнимать его. Онъ началъ говорить съ нею по-Англійски, и оборотившись къ караульному Офицеру, сказалъ ему: *вся ваша Республика не стоитъ слезы ея.* Увѣряютъ, что Синдики за такое Женевохуленіе продержали его лишній день подъ стражею. Вчера онъ получилъ свободу и уѣхалъ изъ Женевы.

Графъ Молтке и Поетъ Багзенъ теперь въ Женевѣ. Они ѣздили на нѣсколько дней въ Парижъ и возвращаются опять въ Бернъ. Багзенъ еще не женился, и спѣшитъ къ своей невѣстѣ. Графъ съ восхищеніемъ говоритъ о своемъ путешествіи, о Парижѣ, Ліонѣ, и проч; но Поэтъ говоритъ мало, потому что онъ весь свой жаръ истощаетъ въ письмахъ къ Софіи. Нынѣ ввечеру ходили мы прогуливаться, и я показывалъ имъ лучшія мѣста и виды вокругъ Женевы. Молтке, смотря на Бѣлую гору, подымалъ руки,—громкими восклицаніями изъявлялъ восторгъ свой, — увѣрялъ, что онъ хотѣлъ бы жить и умереть на снѣжной вершинѣ ея, и дивился тому, что никто изъ земныхъ владыкъ, для безсмертія славы своей, не вздумалъ намостить

большой дороги отъ низу до верху сей горы, такъ, чтобы туда можно было ѣздить въ каретахъ. Вы видите, что Графъ любитъ исполинскія мысли!

Датчане Молтке, Багзенъ, Беккеръ и я были нынѣ поутру въ Фернеѣ, — осмотрѣли все, поговорили о Вольтерѣ, и проѣхали обѣдать въ Жанту, къ Созерцателю Натуры, который принялъ насъ съ обыкновенною своею привѣтливостію. «Теперь вы окружены сѣверомъ» — сказалъ я, когда мы сѣли вокругъ его. *Мы многимъ обязаны вашему краю*, отвѣчалъ онъ: *тамъ взошла новая заря наукъ; я говорю объ Англіи, которая есть также сѣверная земля; а Линней былъ вашъ сосѣдъ.* — Каждаго изъ насъ по очереди сажалъ Боннетъ подлѣ себя, и со всякимъ находилъ особливую матерію для разговора: съ Графомъ, котораго дѣдушка былъ Министромъ, говорилъ онъ о политическомъ состояніи Даніи, съ Багзеномъ о невѣстѣ его, съ Беккеромъ о Химіи и Минералогіи, со мною о Русской Литтературѣ и характерѣ Женевцовъ. Потомъ разговоръ сдѣлался общимъ: Галлеръ былъ предметомъ его. Съ какимъ жаромъ великой Боннетъ превозносилъ достоинства великаго Галлера! Тридцать лѣтъ любили они другъ друга. Слезы нѣсколько разъ показывались въ глазахъ нашего

почтеннаго старца. Онъ сыскалъ письма покойнаго друга своего, и отдалъ Багзену читать ихъ; послѣднее, писанное Галлеромъ за нѣсколько дней передъ его смертію, всѣхъ насъ заставило плакать. Нѣкоторыя строки остались въ моей памяти; вотъ онѣ: «Скоро, любезный и «почтенный другъ мой! скоро не будетъ «меня въ семъ мірѣ. Обращаю глаза на «прошедшую жизнь мою, и полагаясь на «благость Провидѣнія, спокойно ожидаю «смерти. Въ сію минуту болѣе, нежели «когда нибудь, благодарю Бога за то, что «я воспитанъ былъ въ Христіянской «Религіи, и что спасительныя истины ея «всегда жили въ моемъ сердцѣ. Благодарю «Его и за вашу драгоцѣнную дружбу, ко-«торая служила мнѣ утѣшеніемъ въ жиз-«ни, и питала въ душѣ моей любовь къ «мудрости и добродѣтели. . . . Простите, дражайшій другъ мой! Живите еще «многія лѣта, и просвѣщайте человѣче-«ство; живите и распространяйте цар-«ство добродѣтели! . . . Простите! Въ «сію минуту душа моя къ вамъ стре-«мится: — я хотѣлъ бы обнять васъ въ «послѣдній разъ; хотѣлъ бы въ послѣд-«ній разъ слышать изъ устъ вашихъ «сладостное наименованіе друга; хотѣлъ «бы словесно изъявить вамъ всю при-«знательность всю чувствительность

„моего сердца.... Я оставляю дѣтей: „будьте имъ вторымъ отцомъ, наставникомъ, покровителемъ, другомъ!... „Простите! Гдѣ и какъ мы увидимся, не „знаю; но знаю то, что Богъ премудръ, „благъ и всесиленъ: мы безсмертны! „дружба наша безсмертна!... Скоро зашумитъ и подымется передо мною непроницаемая завѣса — слава Всевышнему!... Простите въ послѣдній разъ — „рука моя слабѣетъ — въ послѣдній разъ „называюсь здѣсь вашимъ вѣрнымъ, нѣжнымъ, признательнымъ, благодарнымъ, „умирающимъ, но вѣчнымъ другомъ!„ — Съ такими чувствами, любезные друзья мои, кончилъ жизнь свою сей великій мужъ — и да будетъ конецъ нашъ подобенъ его концу! — Боннетъ взялъ за руку Багзена, и сказалъ ему голосомъ растроганнаго сердца: *Вы женитесь на внукѣ его: обнимите меня!*

Тутъ слуга пришелъ сказать, что Госпожа Боннетъ дожидается насъ къ обѣду. Почтенный хозяинъ рекомендовалъ ей моихъ товарищей, и указывая на Багзена, сказалъ: *онъ любитъ тою, которая намъ столь любезна!*

За обѣдомъ Багзенъ долженъ былъ разсказать хозяйкѣ, какимъ образомъ онъ познакомился съ дѣвицею Галлеръ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы послушали его.

По-Французски изъясняется онъ съ трудомъ; но живость его словъ и движеній трогаетъ душу. — Въ жару своемъ Поэтъ нашъ заговорилъ-было съ Боннетомъ, но любезный старецъ, взявъ его за руку, сказалъ ему весьма покойно: *мой другъ! я Пиѳагореецъ, и обѣдаю въ молчаніи.* Багзенъ замѣшался и замолчалъ; но Госпожа Боннетъ просила его досказать.

Послѣ обѣда ходили мы прогуливаться. „Въ этой бесѣдкѣ, говоритъ Боннетъ, „сочинялъ я предисловіе къ Палингене„зіи; здѣсь, на берегу озера, первыя гла„вы ея; тутъ, подъ высокимъ каштано„вымъ деревомъ, заключеніе *Созерцанія* „*Природы.* На чистомъ воздухѣ мысли „мои бываютъ свѣжѣе.„ — Часы или минуты сочиненія — тѣ минуты, въ которыя душа его, божественнымъ огнемъ согрѣтая, предается быстрому стремленію мыслей и чувствъ своихъ — называетъ онъ щастливѣйшими, сладкими, небесными минутами.

Разговоръ зашелъ о стихотворствѣ. Багзенъ увѣрялъ, что онъ никогда уже не будетъ писать стихами (*), потому что сей родъ сочиненій есть совсѣмъ неестественный, и мѣшаетъ чувствамъ изли-

(*) Однакожъ не давно выдалъ онъ многія піесы въ стихахъ.

ваться во всей ихъ полнотѣ и свободѣ. „Я отчасти согласенъ съ вами, сказалъ Боннетъ, и признаюсь, что хорошая проза мнѣ лучше нравится; но можетъ быть для того, что я не Поэтъ.“ — *Тотъ, кто въ заключеніи Палингенезіи написалъ:* notre Pere!... notre Pere!... nous... *есть величайшій изъ Поэтовъ,* сказалъ Багзенъ, и сею искреннею похвалою тронулъ чувствительнаго старца.

Боннетъ называетъ Галлерову Поэму *о происхожденіи зла* самою лучшею изъ философическихъ стихотвореній; хвалитъ также и Essay on Man. Онъ любитъ и уважаетъ Клопштока, хотя никогда съ нимъ не видался.

Мы пробыли въ Жанту до пяти часовъ.

Февраля 2, 1790.

Аббатъ Н*, раздаватель милостыни при Французскомъ Посольствѣ, игралъ важную ролю въ Женевскихъ обществахъ. Онъ былъ довольно ученъ, знакомъ со всѣми Французскими славными и полуславными стихотворцами и прозаистами, остроуменъ, веселъ, забавенъ. Отъ шести часовъ до осьми — время, въ ко-

торое обыкновенно въ вечернихъ Женевскихъ собраніяхъ всѣ безъ исключенія садятся за карточные столы — бывалъ онъ душею дамской бесѣды, загадывалъ загадки, шарады; разсказывалъ смѣшные и трогательные Парижскіе анекдоты и тому подобное. Любезный, милый Аббатъ! говорили Дамы, садясь за карты.

Въ мірѣ все подвержено перемѣнѣ — и вдругъ веселый, забавный Аббатъ сталъ задумчивъ, печаленъ, молчаливъ. Въ собраніяхъ являлся онъ такъ же часто, какъ и прежде, но ролю игралъ совсѣмъ иную. Напрасно Дамы хотѣли ввести его въ разговоръ: отвѣты его были коротки, улыбки принужденны. Что сдѣлалось съ нашимъ Аббатомъ? говорили всѣ знакомые съ удивленіемъ. Нѣкоторыя изъ пріятельницъ старались проникнуть въ тайну; однакожь всѣ опыты были безуспѣшны. На примѣръ: «Съ нѣкотораго времени вы печальны, Г. Аббатъ.« — Я, сударыня? Можетъ быть. — «Друзья ваши берутъ участіе въ вашей горести, хотя и не знаютъ причины ея.« — Мнѣ имъ сказать нечего. — «Позвольте въ этомъ сомнѣваться.« — Какъ вамъ угодно. — — Однимъ словомъ, Аббатъ молчалъ, и Дамы наконецъ его оставили. Другой Аббатъ, пріѣхавшій изъ Парижа, занялъ ихъ своею любезностію.

Въ сіе время я узналъ Н*. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакожь по свѣжести лица, которая и отъ самой печали не увяла, всякой бы почелъ его тридцати-пятилѣтнимъ человѣкомъ. Видъ былъ сумраченъ и важенъ; глаза томны, — но въ нихъ блистали еще искры душевнаго огня. Нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ въ уединенныхъ своихъ прогулкахъ; нѣсколько разъ находилъ его сидящаго подъ каштановыми деревьями на пригоркѣ, откуда съ правой стороны видны снѣжныя Савойскія горы, прямо Женевское озеро, а съ лѣвой синяя гора Юра, которая простирается до самаго Базеля. Ему конечно мѣсто сіе было такъ же любезно, какъ и мнѣ. Задумчивъ, углубленъ въ самаго себя, смотрѣлъ онъ на увядающій дернъ — уже приближалась зима — или на тихое озеро. Иногда садился я подлѣ него и думалъ о друзьяхъ своихъ. Оба мы думали и молчали.

Секретарь Посольства, проснувшись однажды въ три часа за полночь, увидѣлъ огонь въ комнатѣ у Аббата, которая отъ его комнаты отдѣлялась одною перегородкою съ стеклянною дверью. Ему захотѣлось узнать, что дѣлаетъ Аббатъ. . . Онъ подошелъ къ двери, и увидѣлъ его стоящаго на колѣняхъ передъ Распятіемъ. Руки его были простерты

къ предмету, имъ обожаемому; сердечное умиленіе изображалось на его лицѣ, блестящія слезы катились изъ глазъ. Молодой Секретарь никогда не былъ набоженъ; но въ сію минуту почувствовалъ благоговѣніе, и стоялъ неподвижно. Черезъ нѣсколько минутъ Аббатъ всталъ, сѣлъ и началъ писать. Секретарь легъ опять на постелю, но не могъ заснуть. Свѣча горѣла у Аббата до самаго утра. Въ девять часовъ вышелъ онъ изъ своей комнаты. Глаза его были красны, лице блѣдно; впрочемъ непримѣтно было въ немъ никакого безпокойства. Секретарь спросилъ у него, покойно ли онъ спалъ? Очень покойно, отвѣчалъ Аббатъ, и предложилъ ему итти прогуливаться. Они вышли на *Трель*, ходили взадъ и впередъ около часа, и разговаривали о погодѣ и тому подобномъ. День былъ праздничный, и Аббату въ десять часовъ надлежало служить обѣдню. Службу отправлялъ онъ съ отмѣннымъ усердіемъ; послѣ чего, не сказавъ ни слова, скрылся. Насталъ часъ обѣда, Аббатъ не возвращался; насталъ часъ ужина, Аббатъ не возвращался; прошла ночь, и его все еще не было дома. Поутру Секретарь увѣдомилъ о томъ Резидента. Послали спрашивать къ знакомымъ; но никто не видалъ его. Послали наконецъ спросить о немъ въ кара-

ульняхЪ. Часовой у ШвейцарскихЪ воротЪ сказалЪ, что АббатЪ накануне вЪ первомЪ часу по полудни вышелЪ изЪ города. Спрашивали вЪ окрестностяхЪ; но болѣе не могли о немЪ ничего свѣдать. Всѣ пожитки его и кошелекЪ сЪ луидорами остались вЪ его комнатѣ. АббатЪ пропалЪ! говорили вЪ городѣ, и наконецЪ позабыли Аббата. У него не было друзей! ОнЪ не имѣлЪ того, что я имѣю!

ТамЪ, гдѣ дикая Арва сливается сЪ зеленою Роною, прогуливались два чужестранца, и разговаривали о жизни человѣческой. Быстро, быстро течетЪ она! сказалЪ одинЪ изЪ нихЪ, взглянулЪ на стремительную Рону, и увидѣлЪ — несущееся тѣло; большой камень остановилЪ его.

Тѣло вытащили, и узнали нещастный жребій Аббата. Два мѣсяца лежалЪ онЪ вЪ водѣ. ГлазЪ было совсѣмЪ не видно; синее, размокшее лице устрашало взоры чувствительнаго. ВЪ одномЪ карманѣ нашли у него муфту, вЪ другомЪ черную его мантію.

ТрупЪ погребли вЪ первомЪ ФранцузскомЪ селеніи, верстахЪ вЪ трехЪ отЪ Женевы, безЪ всякаго обряда. НѣтЪ камня на могилѣ его — нѣтЪ надписи. Страшливое суевѣріе бѣжитЪ отЪ сего мѣста. ТутЪ лежитЪ погибшій, говорятЪ поселяне.

Причина, для чего Аббатъ возненавидѣлъ жизнь, по сіе время неизвѣстна.

Женева, 28 Февраля, 1790.

Не знаю, что думать о вашемъ молчаніи, любезнѣйшіе друзья мои! Съ нетерпѣніемъ ожидаю почты — она приходитъ — бѣгу, спрашиваю — и тихими шагами возвращаюсь домой, повѣся голову, смотря въ землю, и не видя ничего. Все представляю себѣ — и возможности устрашаютъ меня. Ахъ! естьли васъ не будетъ на свѣтѣ, то связь моя съ отечествомъ перервется — я пойду искать какой нибудь пустыни во глубинѣ Альпійскихъ горъ, и тамъ, среди печальныхъ и ужасныхъ предметовъ Натуры, въ вѣчномъ уныніи проведу жизнь мою.

Но можетъ быть вы живы и благополучны; можетъ быть письма ваши какъ нибудь пропадаютъ — вотъ моя надежда, мое утѣшеніе! Сумракъ и ясность, ненастье и ведро, смѣняются теперь въ душѣ моей, подобно какъ въ непостоянномъ Апрѣлѣ. — Въ самомъ печальномъ расположеніи принялся я за перо; теперь мнѣ лучше.

Черезъ три дни, друзья мои, выѣду изъ Женевы. Главное мое упражненіе состоитъ теперь въ томъ, чтобы разсматривать ландкарту и сочинять планъ путешествія. Мнѣ хочется пробраться въ южную Францію, и видѣть прекрасныя страны Лангедока и Прованса; но какъ я не думаю пробыть тамъ долго, то вы должны писать ко мнѣ въ Парижъ, подъ адресомъ: à Messieurs Breguet et Compagnie, Quai des Morfondus, pour remettre à Mr. N. N. Естьли же по отъѣздѣ моемъ получены будутъ въ Женевѣ отъ васъ письма, то Г. Бьенцъ, любезный знакомецъ мой, перешлетъ ихъ ко мнѣ.

Живучи здѣсь, я часто досадовалъ на Женевцовъ, и нѣсколько разъ хотѣлъ описать характеръ ихъ самыми несвѣтлыми красками; но теперь, на прощаньи, не могу сказать объ нихъ ничего худаго. Сердце мое помирилось съ ними, и я желаю имъ всякаго добра. Пусть цвѣтетъ маленькая область ихъ подъ тѣнію Юры и Салева! Да наслаждаются они плодами своего трудолюбія, искусства и промышленности! Да разсуждаютъ спокойно въ *Серкляхъ* своихъ о происшествіяхъ міра, и пусть дамы ихъ загадываютъ загадки глухимъ Баронамъ! Пусть всѣ Европейцы съ сѣвера и юга пріѣзжаютъ

къ нимъ на вечеринки, играть въ Вискъ по гривнѣ партію, и пить чай и кофе! Да будетъ ихъ Республика многія, многія лѣта прекрасною игрушкою на земномъ шарѣ.

Нынѣ поутру вышелъ я изъ города въ глубокой задумчивости. Но мало по малу меланхолическія мысли разсѣялись; взоры мои, устремленные на величественное озеро, тихо плавали на прозрачныхъ зыбяхъ его. Мнѣ стало такъ легко, такъ хорошо! Воздухъ былъ такой теплый, такой чистый! На деревахъ порхали птички, махали крылошками, и послѣ зимняго молчанія запѣвали радостныя пѣсни, на вѣтьвяхъ, еще не одѣтыхъ листьями. Дыханіе весны возбуждало жизнь и дѣятельность въ Природѣ.

Наконецъ въ послѣдній разъ я былъ у Боннета, и говоря съ нимъ искренно, открылъ ему свое горе. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, утѣшалъ меня — голосъ и глаза его показывали, что это сожалѣніе, это утѣшеніе было не притворное. — Обѣщанныя примѣчанія къ Contemplation (*) я получилъ. Беккеръ (который, къ великому моему удовольствію, ѣдетъ вмѣстѣ

(*) Quelques Notes additionelles pour la Traduction en Langue Russe de la *Contemplation de la Nature,* par M...

со мною) велѣлъ мнѣ спросить у Боннета, когда онъ позволитъ ему проститься съ нимъ? *Онъ вашъ пріятель*, отвѣчалъ любезный старикъ: *и такъ во всякое время я буду радъ ему*. Какая душа! и какъ мнѣ забыть его привѣтливость, его ласки! — Слезы не удержались въ глазахъ моихъ, когда мнѣ надлежало съ нимъ прощаться. »Живите (сказалъ я), живите для блага »человѣчества!« Онъ обнялъ меня — желалъ мнѣ щастія; желалъ, чтобы вы, друзья мои, были здоровы, и чтобы я скоро получилъ отъ васъ письма. Милый, милый Боннетъ! Философъ съ чувствомъ! — Я затворилъ за собою дверь его кабинета; но онъ вышелъ и кричалъ мнѣ въ слѣдъ: adieu, cher K..., adieu! — Боннетъ далъ мнѣ два адреса въ Ліонъ, къ Гг. Жилиберту и де-ла-Турету, Директору и Секретарю Академіи.

Цѣлый вечеръ бродилъ я по Женевскимъ окрестностямъ и прощался съ любезнѣйшими мнѣ мѣстами. На высокомъ берегу шумящей Роны, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее Арва, и гдѣ съ крутой скалы низвергается пѣнистый ручей, просиживалъ я часто до самой ночи; оттуда взглянулъ нынѣ въ послѣдній разъ на тихое, прекрасное озеро, на Савойскую долину, на горы и пригорки — вспомнилъ, гдѣ что думалъ, гдѣ что

чувствовалЪ — и едва не забылЪ того времени, вЪ которое запираются городскія ворота. — Простите, друзья мои! Естьли вы здоровы, то я доволенЪ Судьбою, и получивЪ отЪ васЪ письмо, забуду все теперешнее горе! Простите! — ВотЪ послѣдняя строка изЪ Женевы! — *Марта 1.*

Горная деревенька въ Pays de Gez,
Марта 4, 1790, въ полночь.

Нынѣ послѣ обѣда поѣхали мы изЪ Женевы, вЪ двумѣстной Англійской каретѣ, которую нанялЪ я до самаго Ліона за четыре луидора сЪ талеромЪ, и по гладкой прекрасной дорогѣ приблизились кЪ Юрѣ. Вся грусть моя исчезла; тихое веселье — неописанное, сладкое удовольствіе заступило мѣсто ея вЪ моемЪ сердцѣ. Никогда еще не путешествовалЪ я такЪ пріятно, сЪ такою удобностію. Добрый товарищЪ, покойная карета, услужливый извощикЪ, перемѣна мѣста — мысль о томЪ, что скоро увижу — все это привело меня вЪ самое щастливѣйшее расположеніе, и каждый новый предметЪ оживлялЪ мою радость. БеккерЪ былЪ такЪ же веселЪ, какЪ и я; кучерЪ

нашЪ былЪ такЪ же веселЪ, какЪ и мы. Прекрасный выѣздЪ!

ТамЪ, гдѣ гора Юра за нѣсколько тысящелѣтій передЪ симЪ разступилась на своемЪ основаніи, сЪ такимЪ трескомЪ, отЪ котораго можетЪ быть Альпы, АппенинЪ и Пиренеи задрожали, вЪѣхали мы во Францію при страшномЪ сѣверномЪ вѣтрѣ, и были встрѣчены осмотрщиками, которые сЪ величайшею учтивостію сказали, что имЪ должно видѣть наши вещи. Я отдалЪ Беккеру ключь отЪ моего чемодана и пошелЪ вЪ корчму. ТамЪ передЪ каминомЪ сидѣли *Монтаньяры,* или *горные жители.* Они взглянули на меня гордо, и оборотились опять кЪ огню; но услышавЪ привѣтствіе мое: bonjour mes amis! (*здравствуйте, друзья!*) приподняли свои шляпы, раздвинулись и дали мнѣ мѣсто подлѣ огня. Важный видЪ ихЪ заставилЪ меня думать, что люди, живущіе между скалЪ, на пустыхЪ утесахЪ, подЪ шумомЪ вѣтровЪ, не могутЪ имѣть веселаго характера; мрачное уныніе будетЪ всегда ихЪ свойствомЪ — ибо душа человѣка есть зеркало окружающихЪ его предметовЪ.

Эта пограничная корчма есть живой образЪ бѣдности. Вмѣсто крыльца служатЪ два дикіе камня, одинЪ на другой положенные, и на которые должно взби-

раться какъ на Альпійскую гору; внутри нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, превеликаго стола и десяти или двѣнадцати толстыхъ отрубковъ или чурбановъ, называемыхъ стульями; полъ кирпичный — но онъ почти весь выломанъ. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки. Старикъ, который сидѣлъ за столомъ и ѣлъ хлѣбъ съ сыромъ, протянулъ уши, улыбнулся и сказалъ: *даичь! даичь!* давая намъ разумѣть, что онъ знаетъ, какимъ языкомъ мы говоримъ между собою. *Не удивляйтесь,* продолжалъ старикъ: *я служилъ нѣсколько компаній въ Нѣмецкой землѣ и въ Нидерландахъ, подъ начальствомъ храбраго Саксонскаго Маршала. Вы конечно слыхали о сраженіи при Фонтенуа: тамъ ранили меня въ лѣвую руку. Смотрите — я не могу поднять ее выше этаго.* — «Почтенный воинъ! сказалъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за правую руку: дозволь мнѣ посмотрѣть на тебя.» — Инвалидъ усмѣхнулся. «Давно ли ты въ отставкѣ, добрый старикъ?» спросилъ Беккеръ. «Тридцать лѣтъ, отвѣчалъ онъ — много времени! не правда ли, баринъ? Мой Фельдмаршалъ давно лежитъ въ землѣ.» — Мы видѣли гробъ его. — «Вы видѣли гробъ его? гдѣ?» — Въ Стразбургѣ, мой другъ. —

»Въ Страсбургѣ? Это далеко отсюда; я не дойду туда — а мнѣ хотѣлось бы поклониться его праху. Онъ былъ герой, государи мои — Генералъ, какихъ нынѣ уже нѣтъ, и быть не можетъ. Солдаты любили въ немъ отца. Я какъ теперь смотрю на него: какой взоръ! какой голосъ! Въ день нашей побѣды его возили на телѣжкѣ — жестокая болѣзнь не позволяла ему сѣсть на лошадь — однакожь онъ повелѣвалъ, ободрялъ, и мы дрались какъ львы, какъ отчаянные. Я забылъ рану мою, и тогда уже упалъ на землю, когда вся наша армія въ одинъ голосъ воскликнула побѣду, и когда непріятели бѣжали отъ насъ какъ робкіе зайцы. Какой день! какой день!« — Старикъ поднялъ вверхъ голову, и болѣе двадцати лѣтъ свалилось въ одну минуту съ плечъ его; число морщинъ на ветхомъ лицѣ уменьшилось; тусклые глаза стали свѣтлѣе, и осьмидесятилѣтній воинъ съ толстою своею клюкою готовъ былъ маршировать противъ всѣхъ соединенныхъ армій Европы. Я спросилъ вина, налилъ ему рюмку, и сказалъ: »здоровье храбрыхъ, заслуженныхъ *Ветерановъ!*« — И *молодыхъ путешественниковъ!* примолвилъ старикъ съ улыбкою, и выпилъ до дна. — Мы узнали отъ него, что онъ живетъ у своего внука въ

одной изъ горныхъ деревень, ходилъ въ гости къ другому внуку, и зашелъ въ корчму отдохнуть. Между тѣмъ намъ должно было ѣхать. Я хотѣлъ было дать ему *экю*, но побоялся оскорбить благородную гордость стараго героя. Онъ проводилъ насъ до крыльца, и кричалъ осмотрщикамъ: «я надѣюсь, государи мои, что вы были учтивы противъ иностранныхъ господъ!» *Конечно!* отвѣчали они со смѣхомъ, и пожелали намъ щастливаго пути, не требуя съ насъ ни копѣйки.

Мы долго ѣхали отверстіемъ Юры, которая съ обѣихъ сторонъ дороги возвышалась какъ гранитная стѣна — и на сихъ страшныхъ утесахъ, надъ головами нашими, по узенькимъ тропинкамъ ходили люди, согнувшись подъ тяжелыми ношами, или гоня передъ собою навьюченныхъ ословъ. Не льзя безъ ужаса смотрѣть на нихъ; кажется, что они всякую секунду готовы упасть. — Насъ остановили въ первой Французской крѣпости, *Форъ де-л'Еклюзъ*, которую можно назвать неприступною, потому что со всѣхъ сторонъ ограждаютъ ее неизмѣримыя пропасти и крутизны. Сто человѣкъ могутъ защитить эту крѣпость противъ десяти тысячь непріятелей. Тамошній гарнизонъ состоитъ изо 150

инвалидовЪ, подЪ командою стараго Майора, который долженЪ былЪ подписать имя свое на пропускѢ нашемЪ. Я позабылЪ сказать вамЪ, что мнѢ дали вЪ ЖеневѢ паспортЪ — слѢдующаго содержанія:

Nous Syndics et Conseil de la Ville et République de Geneve, certifions à tous ceux qu'il appartiendra que Monsieur K. agé de 24 ans, Gentilhomme Russe, lequel allant voyager en France, afin qu'en son Voyage il ne lui soit fait aucun deplaisir, ni moleste, Nous prions, et affectueusement requerons, tous ceux qu'il appartiendra, et auxquels il s'adressera, de lui donner libre et assuré passage dans les Lieux de leur Obéissance, sans lui faire, ni permettre être fait, aucun trouble ni empêchement, mais lui donner toute l'aide et l'assistance qu'ils desireroient de nous, envers ceux qui de leur part nous seroient recommandés. Nous offrons de faire le semblable toutes les fois que nous en serons requis. En foi de quoi nous avons donné les Presentes sous notre Sceau et Seing de notre Secretaire, ce premier Mars Mil sept cent quatrevingt dix.

PAR MESDITS SEIGNEURS SYNDICS ET CONSEIL:

Puerari.

И такЪ естьли кто нибудь оскорбитЪ меня во Франціи, то я имѢю право принести жалобу Женевской РеспубликѢ и, она должна за меня вступиться! Но не думайте, чтобы *великолѢпные* Синдики изЪ отмѢнной благосклонности дали мнѢ

эту грамоту: всякой можетъ получить такой паспортъ. —

Ночью пріѣхали мы къ тому мѣсту, которое называется la perte du Rhone, вышли изъ кареты, и хотѣли спуститься на берегъ рѣки; но добросердечный извощикъ не пустилъ насъ, увѣряя, что одинъ нещастливый шагъ можетъ стоить намъ жизни. Не далеко отъ дороги свѣтился огонь. Мы нашли тамъ маленькой домикъ, и постучались у воротъ. Черезъ минуту явилось шесть или семь человѣкъ, которые, услышавъ, что намъ надобно, взяли фонари, и повели или, лучше сказать, понесли насъ внизъ по каменному утесу. При слабомъ свѣтѣ фонарей видѣли мы вездѣ страшную дичь. Вѣтеръ шумѣлъ, рѣка шумѣла — и все вмѣстѣ составляло нѣчто весьма Оссіанское. Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ камней сжимаютъ Рону, которая течетъ съ ужасною быстротою и съ ревомъ. Наконецъ сіи навислыя стѣны сходятся, и рѣка совершенно скрывается подъ ними; слышанъ только шумъ ея подземнаго теченія. По камнямъ, образующимъ надъ нею высокой сводъ, можно ходить безъ всякой опасности. Въ нѣсколькихъ саженяхъ оттуда она опять вытекаетъ съ клубящеюся пѣною, мало по малу расширяется, стремится

уже не такъ быстро, и свѣтлѣетъ между береговъ своихъ. — Тутъ пробыли мы около сорока минутъ, и возвратились къ каретѣ, заплативъ гривенъ шесть нашимъ провожатымъ (*).

Проѣхавъ еще версты четыре, остановились мы ночевать въ одной маленькой деревенькѣ. Въ трактирѣ отвели намъ очень хорошую и чисто прибранную комнату; развели въ каминѣ огонь, черезъ часъ приготовили ужинъ, состоявшій изъ шести или семи блюдъ съ десертомъ. Внизу веселились горные жители, и пѣли простыя свои пѣсни, которыя, соединяясь съ шумомъ вѣтра, приводили душу мою въ уныніе. Я вслушивался въ мелодіи, и находилъ въ нихъ нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, столь для меня трогательными. Пойте, горные друзья мои, пойте, и пріятностію гармоніи услаждайте житейскія горести! ибо и вы имѣете печали, отъ которыхъ бѣдный человѣкъ ни за какою горою, ни за какою пропастью укрыться не можетъ. И въ вашей дикой сторонѣ другъ оплакиваетъ друга, любовникъ любовницу. — Трак-

(*) Въ память этой ночной сцены храню я нѣсколько блестящихъ камешковъ, находимыхъ близь того мѣста, гдѣ скрывается Рона.

тирщица разсказала намЪ слѣдующій анекдотЪ:

Всѣ дѣвушки здѣшней деревни заглядывались на любезнаго Жана; всѣ молодые люди засматривались на милую Лизету. ЖанЪ сЪ самаго младенчества любилЪ одну Лизету, Лизета любила одного Жана. Родители ихЪ одобряли сію взаимную, нѣжную склонность, и щастливые любовники надѣялись уже скоро соединиться навѣки. ВЪ одинЪ день, гуляя по горамЪ вмѣстѣ сЪ другими молодыми людьми, пришли они на край ужасной стремнины. ЖанЪ схватилЪ Лизету за руку, и сказалЪ ей: *удалимся! страшно!* — *Робкой!* отвѣчала она сЪ усмѣшкою: *не стыдно ли тебѣ бояться? земля тверда подЪ ногами. Я хочу заглянуть туда* — сказала, вырвалась у него изЪ рукЪ, приближилась кЪ пропасти, и вЪ самую ту минуту камни подЪ ея ногами покатились. Она ахнула — хотѣла схватиться, но не успѣла — гора трещала — все валилось — нещастная низверглась вЪ бездну, и погибла! — ЖанЪ хотѣлЪ броситься за нею — ноги его подкосились — онЪ упалЪ безЪ чувствЪ на землю. Товарищи его поблѣднѣли отЪ ужаса — кричали: *ЖанЪ! ЖанЪ!* но ЖанЪ не откликался; толкали его, но онЪ молчалЪ; приложили руку кЪ сердцу — оно не билось — ЖанЪ умерЪ!

Лизету вытащили изъ пропасти; черепа не было на головѣ ея; лице - - - Но сердце мое содрогается. — — Отецъ Жановъ пошелъ въ монахи. Мать Лизетина умерла съ горести.

---

6 Марта, 1790.

Въ пять часовъ утра выѣхали мы вчера изъ горной деревеньки. Страшный вѣтеръ грозилъ безпрестанно опрокинуть нашу карету. Со всѣхъ сторонъ окружали насъ пропасти, изъ которыхъ каждая напоминала мнѣ Лизету и Жана — пропасти, въ которыя не льзя смотрѣть безъ ужаса. Но я смотрѣлъ въ нихъ, и въ этомъ ужасѣ находилъ нѣкоторое неизъяснимое удовольствіе, которое надобно приписать особливому расположенію души моей. Жерло всякой бездны *обсажено* острыми камнями; а во глубинѣ или внизу не рѣдко видна прекрасная мурава, орошаемая каскадами. Дерзкія козы спускаются туда и щиплютъ зелень. Въ иныхъ мѣстахъ, на вершинѣ скалъ, заростаютъ травою печальные остатки древнихъ рыцарскихъ замковъ, бывшихъ въ свое время неприступными. Тамъ богиня Меланхолія во мшистой своей мантіи сидитъ безмолвно на развалинахъ, и не-

подвижными очами смотритъ на теченіе вѣковъ, которые одинъ за другимъ мелькаютъ въ вѣчность, оставляя едва примѣтную тѣнь на земномъ шарѣ. — Такія мысли, такіе образы представлялись душѣ моей — и я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ задумчивости, не говоря ни слова съ моимъ Беккеромъ.

Дорога въ сихъ дикихъ мѣстахъ такъ широка, что двѣ кареты могутъ свободно разъѣхаться. Надлежало разсѣкать цѣлыя каменныя горы, для того, чтобы провести ее: подумайте объ ужасномъ трудѣ и милліонахъ, которыхъ она стоила! Такимъ образомъ трудолюбіе и политическое просвѣщеніе народовъ торжествуетъ, такъ сказать, надъ Естествомъ, и гранитныя преграды какъ прахъ разсыпаются подъ сѣкирою всемогущаго человѣка, который за безднами и за горами ищетъ подобныхъ себѣ нравственныхъ существъ, чтобы съ гордою улыбкою сказать имъ: *и я живу на свѣтѣ!*

Наконецъ мнѣ душно стало въ каретѣ — я ушелъ пѣшкомъ далеко, далеко впередъ, и въ лѣсу встрѣтилъ четырехъ молодыхъ женщинъ, которыя всѣ были въ зеленыхъ Амазонскихъ платьяхъ, въ черныхъ шляпахъ; всѣ бѣлокурыя, и прекрасныя лицемъ. Я остановился и смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Онѣ также

взглянули на меня, и одна изъ нихъ сказала съ лукавою усмѣшкою: *берегите свою шляпу, государь мой! вѣтеръ можетъ унести ее.* Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежало снять шляпу и поклониться красавицамъ. Онѣ засмѣялись и прошли мимо. — Это были путешествующія Англичанки: четвероместная карета ѣхала за ними. Впрочемъ намъ встрѣчалось не много проѣзжихъ. —

Вчера ввечеру спустились мы въ пространныя равнины. Я почувствовалъ нѣкоторую радость. Долго представлялись глазамъ моимъ необозримыя цѣпи высокихъ горъ, и видъ плоской земли былъ для меня новъ. Я вспомнилъ Россію, любезное отечество, и мнѣ казалось, что она уже не далеко. Такъ лежатъ поля наши — думалъ я, предавшись сему мечтательному чувству — такъ лежатъ поля наши, когда весеннее солнце растопляетъ снѣжную одежду ихъ, и оживляетъ озими, надежду текущаго года! — Вечеръ былъ прекрасный; умолкли горные вѣтры; пріятная теплота разливалась въ лучахъ заходящаго свѣтила. Но вдругъ пришло мнѣ на мысль, что друзей моихъ, можетъ быть, нѣтъ на свѣтѣ — прощайте, всѣ пріятныя чувства! Я желалъ возвратиться на горы и слушать шумъ вѣтра. —

Вѣ самыхѣ дикихѣ мѣстахѣ, вѣ самыхѣ бѣднѣйшихѣ деревенькахѣ находили мы хорошіе трактиры, сытный столѣ и чистую комнату сѣ каминомѣ. За обѣдѣ обыкновенно брали сѣ насѣ двоихѣ 70 су (около рубля двадцати копѣекѣ), а за ужинѣ и ночлегѣ 80 или 85 су: что составитѣ на наши деньги рубли полтора. Двѣ вещи отмѣнныя примѣтилѣ я во Французскихѣ *обержахѣ:* первое, что вѣ ужинѣ не подаютѣ супа, слѣдственно on soupe sans soupe; второе, что на столѣ кладутѣ только ложки сѣ вилками, предполагая, что у всякаго путешественника есть свой ножѣ. — Нигдѣ не видалѣ я такихѣ мерзостныхѣ надписей, какѣ вѣ сихѣ трактирахѣ. Для чего вы ихѣ не стираете? спросилѣ я однажды у хозяйки. *Мнѣ не случилось взглянуть на нихѣ*, отвѣчала она: *кто станетѣ читать такой вздорѣ?*

Вѣ одномѣ маленькомѣ мѣстечкѣ нашли мы великое стеченіе народа. Что у васѣ дѣлается? спросилѣ я. — «Сосѣдѣ нашѣ Андрей (отвѣчала мнѣ молодая женщина), содержатель трактира подѣ вывѣскою *Креста*, сказалѣ вчера вѣ пьянствѣ *передѣ цѣлымѣ свѣтомѣ*, что онѣ плюетѣ *на націю*. Всѣ патріоты взволновались и хотѣли его повѣсить: однакожь наконецѣ умилостивились, дали

ему проспаться, и принудили его нынѣ публично въ церкви, на колѣняхъ, просить прощенія у милосердаго Господа. Жаль мнѣ бѣднаго Андрея!» —

Ліонъ, 9 Марта, 1790.

За двѣ мили открылся намъ *Ліонъ*. *Рона*, которая снова явилась подлѣ дороги, и въ обширнѣйшемъ теченіи, вела насъ къ сему первокласному Французскому городу, отдѣляя *Брессъ* отъ *Дофине*, одной изъ пространнѣйшихъ Французскихъ провинцій, которую вдали вѣнчаютъ покрытыя снѣгомъ горы, отрасли Савойскихъ Гигантовъ. — Издали казался Ліонъ не такъ великъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Пять или шесть башенъ подымались изъ темной громады зданій. — Когда мы подъѣхали ближе, открылась намъ набережная Ронская линія, состоящая изъ великолѣпныхъ домовъ въ пять и шесть этажей: видъ пышной! — У воротъ насъ остановили. Осмотрщикъ весьма учтиво спросилъ, нѣтъ ли у насъ товаровъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта заглянулъ въ каретный ящикъ, поклонился и отошелъ прочь, не дотронувшись до нашихъ чемодановъ. Мы въѣхали въ набережную

улицу — и я вспомнилъ берегъ Невы. Длинный деревянный мостъ перегибается черезъ Рону; а на другой сторонѣ рѣки разсѣяны прекрасные лѣтніе домики, окруженные садами. Проѣхавъ мимо театра, огромнаго зданія, остановились мы въ Hôtel de Milan. Четыре человѣка бросились отвязывать наши чемоданы, и въ минуту все было внесено въ домъ, хотя намъ еще не отвели комнаты. Трактирщица встрѣтила насъ съ такою улыбкою, какой не видалъ я ни на Нѣмецкихъ, ни на Швейцарскихъ лицахъ. Къ нещастію всѣ горницы были заняты, кромѣ одной, весьма темной. Привѣтливая хозяйка увѣрила насъ, что на другой день отведетъ намъ прекрасную. Такъ и быть! сказали мы, и одѣлись на скорую руку, чтобы итти въ Комедію. Между тѣмъ слуга, который прибиралъ комнату, желая украсить ее въ глазахъ нашихъ, увѣдомилъ насъ, что въ ней не давно жила чернобровая и черноглазая красавица, пріѣхавшая изъ Константинополя.

Въ пять часовъ пришли мы въ Театръ и взяли билетъ въ партеръ. Ложи, паркетъ, раекъ — все было наполнено людьми. Вестрисъ, первый Парижской танцовщикъ, въ послѣдній разъ обѣщалъ веселить Ліонскую публику легкостію своихъ ногъ. Все шумѣло вокругъ насъ и

надъ нами какъ улій пчелъ. Необыкновенная вольность удивила меня. Естьли въ ложѣ или въ паркетѣ какая нибудь дама вставала съ своего мѣста, то изъ партера кричали въ нѣсколько голосовъ: *садись! прочь!* à bas! à bas! Вокругъ насъ было не много порядочныхъ людей, и для того уговорилъ я Беккера итти въ паркетъ; но намъ сказали, что тамъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и одинъ молодой человѣкъ провелъ насъ въ ложу третьяго этажа, гдѣ нашли мы даму и знакомца нашего Барона Баельвица, Гофмейстера Принцевъ Шварцбургскихъ, которые въ тотъ же день пріѣхали въ Ліонъ и остановились также въ Hôtel de Milan. Дама предложила мнѣ мѣсто подлѣ себя; но я боялся потѣснить ее и вошелъ въ другую маленькую ложу, надъ самою сценою, гдѣ никого не было. Занавѣсъ поднялся; представляли Комедію les Plaideurs. Я слышалъ только половину словъ, и не столько занимался піесою, сколько тѣми людьми, которые безпрестанно приходили ко мнѣ въ ложу, и опять уходили. Лишь только опустили занавѣсъ, со всѣхъ сторонъ высыпали на сцену актеры и актрисы *въ неглижѣ*, танцовщики и танцовщицы, и проч. и проч. Одни обнимались или плясали, другіе смѣялись, иные кричали: новый спектакль! Вес-

трисъ въ пастушьемъ платьѣ прыгалъ какъ рѣзвая коза. Музыка снова заиграла — всѣ театральные герои разсыпались — занавѣсъ поднялся — начался балетъ — Вестрисъ показался — рукоплесканія какъ громъ раздались во всѣхъ концахъ театра. Правду сказать, искусство сего танцовщика удивительно. Душа сидитъ у него въ ногахъ, вопреки всѣмъ теоріямъ испытателей естества человѣческаго, которые ищутъ ее въ мозговыхъ фибрахъ. Какая фигура! какая гибкость! какое равновѣсіе! Никогда не думалъ я, чтобы танцовщикъ могъ доставить мнѣ столько удовольствія! Такимъ образомъ всякое искусство, подходящее къ совершенству, пріятно душѣ нашей! — Плескъ восхищенныхъ Французовъ заглушалъ музыку. Въ положеніи страстнаго любовника, котораго душа въ томныхъ вздохахъ сливается съ душею любовницы, сокрылся Вестрисъ отъ глазъ зрителей, поцѣловалъ свою пастушку и бросился отдыхать на лавку. Играли еще комедію въ одинъ актъ, самую пустую. Начался новый балетъ — Вестрисъ снова показался — и снова гремѣла хвала при каждомъ движеніи ногъ его. Между тѣмъ сѣли подлѣ меня два человѣка, одѣтые по дорожному. Вотъ разговоръ:

Одинъ (*оборотясь ко мнѣ*). Подлѣ насъ въ ложѣ сидитъ Руской?

Я (*взглянувъ въ другую ложу*). Одинъ Нѣмецъ, другой Датчанинъ, третьяго не знаю.

Одинъ. По крайней мѣрѣ я имѣю честь говорить съ Рускимъ?

Я. Я Руской.

Другой. Быть не можетъ; вы Французъ.

Я. Я Руской.

Одинъ. О! у васъ въ Россіи живутъ весело. Не правда ли?

Я. Очень весело.

Одинъ. Давно ли вы здѣсь?

Я. Около трехъ часовъ.

Одинъ. Откуда вы пріѣхали?

Я. Изъ Женевы.

Одинъ. А! прекрасный городъ! Что говорятъ тамъ о Неккерѣ?

Я. По большой части хвалятъ его.

Одинъ. Куда вы ѣдете?

Я. Въ Парижъ.

Другой. Въ Парижъ? Браво! браво! Мы сей часъ оттуда. Что за городъ! А, государь мой! какія удовольствія васъ тамъ ожидаютъ! удовольствія, о которыхъ здѣсь въ Ліонѣ не имѣютъ понятія. Вы конечно остановились въ Hôtel de Milan? и мы тамъ же. (*Своему товарищу*) Mon ami, nous partons demain? (Мы завтра поѣдемъ?)

Одинъ. Oui.

Другой. Правда, надобны деньги – – –

Одинъ. Что ты говоришь! Рускіе всѣ богаты какъ Крезы; они безъ денегъ въ Парижъ не ѣздятъ.

Другой. Какъ будто я не знаю этаго! Правда, можно и съ небольшими деньгами жить весело, быть всякой день въ Театрѣ, на гульбищахъ.

Одинъ. Пять, шесть тысячь ливровъ въ мѣсяцъ — по нуждѣ довольно. Ахъ! я болѣе издерживалъ!

Другой. Браво, Вестрисъ! браво!

Одинъ. Прекрасно! C'est dommage, qu'il soit bête. Je le connois très bien (Жаль, что онъ превеликая скотина. Я его знаю). Графъ Мирабо имѣлъ дѣло, сказываютъ — —

Другой. Съ Маркизомъ — —

Одинъ. За что?

Другой. Маркизъ зацѣпилъ его за живое въ Національномъ Собраніи. — (*Оборотясь ко мнѣ*) Парижъ вамъ безъ сомнѣнія полюбится. Вы можете проживать, сколько вамъ угодно. Что принадлежитъ до моего товарища, то онъ жилъ слишкомъ пышно. Надобно признаться, что Лизета тебѣ дорого стоила.

Одинъ. А! (*зажмуривается и храпитъ*).

Я. Откуда вы, естьли смѣю спросить?

Другой. Мы изЪ Лангедока, жили долго вЪ ПарижѢ, и теперь возвращаемся вЪ Монпелье.

Одинъ (*просыпаясь*). Браво, браво, ВестрисЪ! (*Стучитъ палкою въ декорацію*). ОнЪ первый танцовщикЪ во вселенной! — (*Задумывается и вздыхаетъ*). Умирая, могу сказать, что я наслаждался жизнію; все видѢлЪ — —

Другой. Все видѢлЪ и все испыталЪ! Примолви это, мой другЪ! ха! ха! ха!

Одинъ. Mais oui, oui! Правда! — Вы вѢрно знаете того Рускаго Графа, который нынѢшнюю зиму провелЪ вЪ МонпельѢ?

Я. Графа Б...? по слуху.

Одинъ. ОнЪ у меня обѢдалЪ вЪ загородномЪ домѢ. Brave homme! (*Задумывается и храпитъ*).

Другой. Вы, право, хорошо говорите по-Французски.

Я. Извините — я говорю очень худо.

Одинъ (*просыпаясь*). Прекрасно! очень хорошо!

Я. Вы очень снисходительны.

Одинъ. Черный кафтанЪ приличнѢе всего для чужестранца вЪ ПарижѢ.

Другой. Черный шелковый. — Женщины у васЪ хороши?

Я. Прекрасны.

Одинъ. О! никто не знаетЪ женщинЪ такЪ, какЪ я! Мы видали НѢмокЪ, Ита-

ліянокЪ, — (*помолчавЪ*) ГишпанокЪ — (*помолчавЪ*) ТурчанокЪ — (*помолчавЪ*) и прочихЪ, и прочихЪ.

Другой. О! ты сЪ ними очень знакомЪ! ха! ха! ха!

ОдинЪ. Вы пріѣхали водою?

Я. Извините.

ОдинЪ. И такЪ сухимЪ путемЪ! А какЪ называется тотЪ Руской городЪ, откуда можно ѣхать водою вЪ Англію?

Я. Вы говорите конечно о Петербургѣ?

ОдинЪ. Да, да! Жаль только, что у васЪ холодно. (*Оборотясь кЪ своему пріятелю*). Кучера отмораживаютЪ тамЪ бороды сЪ усами. — Браво, браво, ВестрисЪ! —

Между тѣмЪ вошелЪ кЪ намЪ вЪ ложу БеккерЪ, и началЪ говорить со мною по-Нѣмецки.

ОдинЪ. (*Оборотясь кЪ Беккеру*). Вы НѣмецЪ?

БеккерЪ. Извините — я изЪ Копенгагена.

ОдинЪ. А! — ВашЪ языкЪ сходенЪ сЪ НѣмецкимЪ. Вѣть вы говорите: *я менЪ герЪ?* А куда вы ѣдете?

БеккерЪ. ВЪ ПарижЪ — сЪ нимЪ (*указывая на меня*).

ОдинЪ. Браво! Tant mieux.

БалетЪ кончился — занавѣсЪ опустился. ПаркетЪ, ложи, партерЪ — всѣ вЪ одинЪ голосЪ закричали: *останься здѣсь,*

Вестрисъ, останься здѣсь! Крикъ продолжался нѣсколько минутъ. Занавѣсъ снова поднялся, Вестрисъ выступилъ — какой скромный видъ! какая кротость во всей наружности! какіе поклоны! Шляпу держалъ онъ у сердца. Надлежало зажать уши отъ громкаго плеска. Вестрисъ остановился. Вдругъ все умолкло— — можно было слышать работу кузнечика,

Вестрисъ. Только на мѣсяцъ позволено мнѣ отлучиться изъ Парижа; мѣсяцъ проходитъ, и мнѣ надлежало нынѣ ѣхать; но - - -

Здѣсь голосъ его перервался; онъ поднялъ глаза вверхъ, стараясь собрать силы. Страшное рукоплесканіе! но вдругъ опять все умолкло,

Вестрисъ. »Въ знакъ благодарности за то благоволеніе, котораго вы меня удостоиваете, я буду танцовать еще завтра.« Шумящее *браво* соединилось со всеобщимъ плескомъ — и занавѣсъ закрылся. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что въ сію минуту легкіе Французы могли бы, думаю, провозгласить Вестриса Диктаторомъ!

Учтивые господа, съ которыми имѣлъ я вышеописанный разговоръ, пожелали мнѣ щастливаго пути, и обѣщали сыскать меня въ Парижѣ черезъ мѣсяцъ.

Пришедши въ свою комнату, сѣли мы съ Беккеромъ передъ каминомъ (въ которомъ дубовыя дрова пылали), и съ нѣкоторымъ родомъ восхищенія разговаривали о Французской учтивости.

На другой день отвели намъ двѣ небольшія, веселыя комнаты, окнами на мѣсто de Terreaux передъ ратушею, гдѣ безпрестанно бываетъ множество людей, кромѣ множества торговокъ, продающихъ яблоки, апельсины, померанцы и разныя бездѣлки. Одѣвшись, пошли мы бродить по городу.

Улицы вообще всѣ узки, кромѣ двухъ или трехъ посредственныхъ. Набережная Соны очень хороша. Вода въ сей рѣкѣ такъ же зелена, какъ и въ Ронѣ, но гораздо мутнѣе. Безпрестанно кричали намъ женщины, которыя здѣсь отправляютъ должность перевощиковъ: *не хотите ли переѣхать черезъ рѣку?* хотя мостовъ много, и одинъ отъ другаго не далеко. Большая и лучшая часть города лежитъ между рѣкъ. За Соною подымается высокая гора, на вершинѣ которой построены монастыри и нѣсколько домовъ. Видъ съ сей горы есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Весь городъ передъ глазами — не маленькой городокъ, но одинъ изъ величайшихъ въ Европѣ. Снѣжныя Савойскія горы (изъ-за которыхъ въ ясную погоду выглядываетъ треглавый

Монъ-Бланъ, нашъ Женевской знакомецъ) съ цѣпію Дофинскихъ простираются амфитеатромъ, ограничивая область зрѣнія. Обширныя зеленыя равнины по ту сторону Роны, принадлежащія къ Дофинѣ — равнины, гдѣ уже оперяется весна, отмѣнно миловидны. Тамъ идетъ дорога въ Лангедокъ и Провансъ, щастливыя цвѣтущія страны, гдѣ чистый воздухъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы бываетъ напитанъ ароматами, и гдѣ теперь благоухаютъ ландыши! — Среди большой площади, украшаемой густыми алеями, и со всѣхъ сторонъ окруженной великолѣпными домами, стоитъ на мраморномъ подножіи бронзовая статуя Людовика XIV, такой же величины, какъ монументъ нашего Россійскаго Петра, хотя сіи два героя были весьма не равны въ великости духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: вторый, какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтѣ человѣчества, и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя — въ правленіе перваго тысячи трудолюбивыхъ Французовъ принуждены были оставить отечество: вторый привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцовъ — перваго ува-

жаю какъ сильнаго Царя: втораго почитаю какъ великаго мужа, какъ Героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля. (*) — При семъ случаѣ скажу, что мысль поставить статую Петра Великаго на дикомъ камнѣ, есть для меня прекрасная,

---

(*) Можетъ быть не всѣ Читатели знаютъ тѣ стихи, въ которыхъ Англинскій Поэтъ Томсонъ прославилъ нашего незабвеннаго Императора. Вотъ они:

What cannot active government perform,
New-moulding Man? Wide stretching from these shores,
People savage from remotest time,
A huge neglected empire one vast Mind,
By Heaven inspir'd, from Gothic darkness call'd,
Immortal Peter! first of monarchs! He
His stubbrun country tam'd, her rocks, her fens,
Her floods, her seas, her ill-submitting sons;
And while the fierce *Barbarian* he subdu'd,
To more exalted soul he rais'd the *Man*.
Ye shades of ancient heroes, ye who toil'd
Thro'long successive ages to build up
A labouring plan of state! behold at once
The wonder done! behold the matchless prince,
Who left his native throne, where reign'd till then
A mighty shadow of unreal power;
Who greatly spurn'd the slothful pomp of courts;
And roaming every land, in every port
His sceptre laid aside, with glorious hand
Unwearied plying the mechanic tool,
Galther'd the seeds of trade, of useful arts,

несравненная мысль — ибо сей камень служитъ разительнымъ образомъ того состоянія Россіи, въ которомъ была она до временъ своего преобразователя. Не менѣе нравится мнѣ и краткая, сильная, многозначущая надпись: Петру Первому Екатерина Вторая, Что написано

Of civil wisdom and of martial skille.
Charg'd with the stores of *Europe* home he goes!
Then cities rise amid th'illumin'd waste;
O'er joyless deserts smiles the rural reing;
Far-distant flood to flood is social join'd;
Th'astonish'd *Euxine* hears the *Baltick* roar,
Proud navies ride on seas that never foam'd
With daring keel before; and armies stretch
Each way their dazzling files, repressing here
The frantic *Alexander* of the north,
And awing there stern *Othman's* shrinking sons.
Sloth flies the land, and *Ignorance*, and *Vice*,
Of old dishonour proud; it glows around,
Taught by the Royal Hand that rous'd the whole,
One scene of arts, of arms, of rising trade:
For whad his wisdom plann'd, and power enforc'd,
More potent still, his great *example* shew'd.

То есть: Чего не можетъ произвести дѣятельное Правительство, преобразуя человѣка? Одна великая Душа, вдохновенная Небомъ, извлекла изъ готическаго мрака обширную Имперію, народъ издревле дикой и грубой. Безсмертный Петръ! первый изъ Монарховъ, укротившій суровую Россію съ ея грозными скалами, блатами, шумными рѣками, озерами и непокорными жителями! Смиривъ жестокаго варвара, возвысилъ

на монументѣ Французскаго Короля, я не читалъ.

Въ часъ возвратились мы обѣдать. Болѣе тридцати человѣкъ сидѣло за столомъ. Всякой бралъ, что хотѣлъ. Щастливъ, передъ кѣмъ стояли лучшія блюда! Но столъ былъ очень изобиленъ.

онъ нравственность человѣка. О вы, тѣни древнихъ Героевъ, устроявшихъ вѣками порядокъ гражданскихъ обществъ! воззрите на сіе, вдругъ совершившееся чудо! воззрите на безпримѣрнаго Государя, оставившаго наслѣдственный престолъ, на коемъ дотолѣ царствовала могущественная тѣнь неутвержденной власти — презрѣвшаго пышность и нѣгу, проходящаго всѣ земли, отлагающаго свой скипетръ въ каждомъ корабельномъ пристанищѣ, неутомимо работающаго съ искусными Механиками, и собирающаго сѣмена торговли, полезныхъ художествъ, общественной мудрости и воинской науки! Обремененный сокровищами Европы, онъ возвращается въ свое отечество, и вдругъ среди степей возносятся грады, въ печальныхъ пустыняхъ улыбаются красоты сельскія, отдаленныя рѣки соединяютъ свое теченіе, изумленный Евксинъ слышитъ шумъ Бальтійскихъ волнъ, гордые флоты преплываютъ моря, которыя дотолѣ не пѣнились еще подъ дерзостными рулями, и многочисленныя воинства въ блестящихъ рядахъ на враговъ устремляются, поражаютъ неистоваго сѣвернаго Александра, и ужасаютъ свирѣпыхъ сыновъ Отомана. Удаляется лѣность, невѣжество и пороки, коими прежнее варварство гордилось. Вездѣ является картина искусствъ, военныхъ дѣйствій, цвѣтущей торговли: мудрость его вымышляетъ, власть повелѣваетъ, примѣръ показываетъ — — и государство благополучно!

Послѣ обѣда пошелъ я съ письмомъ къ Маттисону, Нѣмецкому стихотворцу, который воспитываетъ дѣтей одного здѣшняго банкира. *Ахъ! вы говорите по-Нѣмецки; вы любите Нѣмецкую литтературу, Нѣмецкое прямодушіе!* Съ сими словами бросился онъ обнимать меня. Но я еще болѣе обрадовался его знакомству, нежели онъ моему; въ Германіи не могло бы оно быть для меня такъ пріятно, какъ во Франціи, гдѣ я не ищу искренности, не ищу симпатическаго сердца — не ищу для того, что найти не надѣюсь. Съ милою поспѣшностію выхватилъ онъ изъ ящика свои бумаги и прочелъ мнѣ три піесы, имъ не давно сочиненныя. Я слушалъ его съ непритворнымъ удовольствіемъ. Нѣжная кротость, живыя чувства, чистота языка составляютъ красоту его пѣсней. Онъ вдругъ остановился, взглянулъ на меня, засмѣялся и сказалъ: *не правда ли, что я поспѣшилъ представить вамъ мою Музу? Ахъ! бѣдная по сіе время не имѣла никакого знакомства въ Ліонѣ!* — Я также засмѣялся и пожалъ его руку, увѣряя, что Музу его люблю сердечно. — Отъ него пошелъ въ Комедію. Играли *Руссова Деревенскаго Колдуна.* Съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушалъ я музыку сей прекрасной Оперы. Парижскія дамы были правы, говоря,

что Автору ея надлежало быть весьма чувствительну! — — — Я воображалъ его, какъ онъ, въ бородѣ и въ непричесанномъ парикѣ, сидѣлъ въ ложѣ Фонтенеблосскаго театра во время перваго представленія оперы своей, укрывались отъ взоровъ восхищенной публики. — Въ балетѣ снова удивлялись мы искусству Вестрисову. Лишь только занавѣсъ началъ опускаться, всѣ закричали: *Вестрисъ*! *Вестрисъ*! Занавѣсъ опять подняли — утомленный танцовщикъ выступилъ при звукѣ рукоплесканій, съ тѣмъ же скромнымъ видомъ, съ тѣми же смиренными ужимками, какъ и вчера! Казалось, будто онъ ожидалъ суда, хотя рѣшительное опредѣленіе публики гремѣло во всѣхъ концахъ театра. Шумъ въ секунду утихъ — Вестрисъ стоялъ какъ вкопанный и молчалъ — голосъ нетерпѣнія раздался — публика ожидала рѣчи, забывъ, что танцовщикъ не есть Риторъ. Въ сію минуту Вестрисъ могъ быть освистанъ. Опять все умолкло. Танцовщикъ собрался съ силами и сказалъ: Messieurs! je suis penetré de vos bontés — mon devoir m'apelle à Paris. *Милостивые государи! я чувствую вашу благосклонность; должность отзываетъ меня въ Парижъ.* Довольно для публики! Рукоплесканіе и *браво*! — Вестрисъ доволенъ Ліономъ со всѣхъ сторонъ; искус-

ство его награждено здѣсь хвалою и деньгами. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ на улицѣ. *Вестрисъ! Вестрисъ!* кричали люди, и всякой указывалъ на него пальцомъ. И такъ легкость ногъ есть добродѣтель почтенная! Что принадлежитъ до денежной награды, то за всякое представленіе получалъ онъ 520 ливровъ. Теперь ужинаютъ у него всѣ здѣшніе Комедіанты (онъ живетъ въ Hôtel de Milan) и такъ шумятъ, что я не надѣюсь заснуть.

Нынѣ поутру Маттисонъ водилъ насъ къ одному ваятелю, который въ Италіи образовалъ свой рѣзецъ по моделямъ древнихъ художниковъ. Онъ принялъ насъ учтиво, и показывалъ статуи, весьма искусно выработанныя. Живописцу, ваятелю такъ же нужно воображеніе, какъ и Поэту: Ліонской художникъ имѣетъ его. Онъ дѣлаетъ теперь заказную статую, которую одинъ молодой супругъ готовитъ въ подарокъ супругѣ своей, щастливой матери любезнаго младенца, приближающагося къ возрасту отрока. Художникъ представилъ прекраснаго мальчика, спящаго кроткимъ сномъ невинности подъ надежнымъ щитомъ Минервы, изображенной по мысли Греческихъ художниковъ съ отмѣннымъ искусствомъ; внизу видѣнъ образъ Улиссовъ.—*Нынѣ*

мало работаю, сказалъ онъ, *будучи принужденъ* (здѣсь онъ вздохнулъ) *часто вооружаться и ходить на караулъ, такъ какъ и всѣ прочіе граждане. Видъ недодѣланныхъ статуй приводитъ меня въ уныніе. Ахъ, государи мои! вы не можете войти въ чувства художника, отвлекаемаго отъ работы!* — Ты истинный художникъ! думалъ я. — — Мы пошли въ гошпиталь, огромное зданіе на берегу Роны. Въ первой залѣ, куда насъ ввели, стояло около двухъ сотъ постель въ нѣсколько рядовъ — о! какое зрѣлище! сердце мое трепетало. На одномъ лицѣ видѣлъ я изнеможеніе всѣхъ силъ, томную слабость; на другомъ яростный приступъ смерти, напряженный отпоръ жизни; на иномъ побѣду первой — жизнь удалялась и вылетала на крыльяхъ вздоховъ. Здѣсь-то надобно собирать черты для картинъ страждущаго человѣчества, прибирая тѣни къ тѣнямъ. Но какое упражненіе! кто вынесетъ весь ужасъ его! — Между смертію и болѣзнію попадалось въ глаза и томно-радостное выздоровленіе. Блѣдные младенцы играли цвѣтами — чувство къ красотамъ Натуры возобновилось въ сердцахъ ихъ! Старецъ, подымаясь съ одра, подымалъ глаза на небо, или обращалъ ихъ вокругъ себя. *И такъ я еще буду жить!* говорили радостные

глаза его. *Я еще буду наслаждаться жизнію!* говорили веселые взоры выздоравливающаго мужа и юноши. Какая смѣсь чувствѣ! Какѣ грудь моя могла вмѣщать ихѣ! — Такимѣ образомѣ переходили мы изѣ залы вѣ залу. Вѣ каждой заключается особливый родѣ болѣзни: вѣ одной лежатѣ чахотные, вѣ другой изувѣченные, вѣ третьей родильницы, и такѣ далѣе, Вездѣ удивительная чистота, вездѣ свѣжій воздухѣ: Присмотрѣ за больными также достоинѣ хвалы всякаго друга человѣчества — и гдѣ можно расточать ее сѣ живѣйшимѣ удовольствіемѣ? Милосердіе! состраданіе! святыя добродѣтели! Такѣ называемыя *жалостливыя сестры* (*) служатѣ вѣ семѣ *домѣ плача*, и чувство добраго дѣла есть ихѣ награда. Иныя стоятѣ на колѣняхѣ и молятся; другія обхаживаютѣ больныхѣ, подаютѣ имѣ лекарства, пищу. Нѣкоторыя изѣ сихѣ добродѣтельныхѣ монахинь весьма молоды; кротость сіяетѣ на ихѣ лицахѣ. Вѣ срединѣ каждой залы стоитѣ олтарь; тутѣ всякой день служатѣ обѣдню. *Вотѣ комната* (сказалѣ намѣ провожатый, указывая на дверь), *за которую надобно платить вѣ день 12 ливровѣ, сѣ лекарствами, сѣ пищею и услугою; но она пуста.* — » А

(*) Женской монашеской Орденѣ.

что платятъ бѣдные?« — 10 *су въ день за все, и 20, кто хочетъ имѣть постелю съ занавѣсомъ.* — Что здѣсь? спросилъ я, указывая на маленькую часовню въ углу двора. *Посмотрите,* отвѣчалъ вожатой — и четыре гроба, покрытые чернымъ полотномъ, встрѣтили взоръ мой. *Всякой день,* говорилъ онъ, *умираетъ здѣсь нѣсколько человѣкъ. Нынѣ, слава Богу! умерли только четверо. Къ вечеру ихъ вывезутъ.* Я съ ужасомъ отворотился отъ сего мрачнаго жилища смерти. — *Теперь поведу васъ въ кухню.* — Кстати! думалъ я, однакожь пошелъ за нимъ. Тамъ въ превеликой залѣ, со многими печами, кипѣли котлы, лежали цѣлые быки и телята. »И это все въ нынѣшній день будетъ съѣдено?« спросилъ я. *Тысяча больныхъ,* отвѣчалъ онъ, *ѣстъ по крайней мѣрѣ за пять сотъ здоровыхъ. Я не считаю множества лекарей и духовныхъ, которые здѣсь живутъ. Вотъ ихъ столовая.* — Мы вошли въ большую комнату, загромождённую столами. Часъ обѣда еще не пришелъ; но нѣкоторые изъ почтенныхъ духовниковъ наполняли свои желудки мясомъ и пирогами: они завтракали. — Все ли? спросилъ я, выходя изъ залы. — *Посмотрите сюда. Здѣсь за желѣзными решетками содержатся безумные.* — Одинъ изъ сихъ нещастныхъ сидѣлъ на галереѣ

за маленькимъ столикомъ, на которомъ стояла чернилица. Бумагу и перо держалъ онъ въ рукѣ, въ глубокой задумчивости облокотясь на столикъ. — *Это Философъ*, сказалъ съ усмѣшкою провожатый: *бумага и чернилица ему дороже хлѣба.* — « А что онъ пишетъ? » — *Кто знаетъ! какія нибудь бредни; но начто лишать его такого безвреднаго удовольствія?* — « Правда, правда! сказалъ я со вздохомъ: начто лишать его безвреднаго удовольствія! » — Мы возвратились къ обѣду въ Hôtel de Milan.

Ліонъ, Марта.... 1790.

Нынѣ послѣ обѣда былъ я въ огромной Картезіанской церкви, и провожатый мой съ великою важностію разсказалъ мнѣ о тѣхъ чудесахъ, которыя служили поводомъ къ основанію сего строжайшаго изъ монашескихъ Орденовъ. Въ 1080 году — неизвѣстно, въ какомъ городѣ — погребали мертваго. Въ ту самую минуту, когда Священникъ читалъ послѣднюю молитву о вѣчномъ успокоеніи души его, умершій поднялъ голову и закричалъ страшнымъ голосомъ: *Небесное правосудіе обвиняетъ меня!* Священникъ запре-

печалЪ: но черезЪ нѣсколько минутЪ собрался сЪ духомЪ и хотѣлЪ дочитать свою молитву. ТутЪ вдругЪ раздался вЪ церкви сильный шумЪ и трескЪ — гробЪ затрясся, свѣчи погасли, и мертвый еще страшнѣйшимЪ голосомЪ закричалЪ: *Небесное правосудіе осуждаетЪ меня!* Бруно, Кельнской уроженецЪ, будучи свидѣтелемЪ сего ужаснаго чуда, тотчасЪ рѣшился оставить свѣтЪ и вмѣстѣ сЪ нѣкоторыми изЪ друзей своихЪ — (Лѣтописи говорятЪ, сЪ шестью) — пошелЪ кЪ Гренобльскому Епископу, упалЪ кЪ ногамЪ его, и требовалЪ, чтобы онЪ отвелЪ имЪ какое нибудь уединенное мѣсто, гдѣ бы они могли провести жизнь свою вЪ благочестіи и вЪ спасительныхЪ умозрѣніяхЪ. ЕпископЪ за день передЪ тѣмЪ, отдыхая послѣ обѣда на мягкомЪ пуховикѣ, видѣлЪ во снѣ, что бѣлое облако спустилось сЪ неба на зеленый лугЪ подлѣ монастырскаго сада, и что на томЪ самомЪ мѣстѣ выскочили изЪ земли семь звѣздЪ. Будучи увѣренЪ, что сіи семь звѣздЪ означали семь пришедшихЪ кЪ нему странниковЪ, отвелЪ онЪ набожному Бруно и его друзьямЪ упомянутый лугЪ, на которомЪ они черезЪ нѣкоторое время построили новый монастырь — и этотЪ монастырь былЪ первый Картезіанской.—СЪ великимЪ любопытствомЪ

разспрашивалъ я проводника моего о всѣхъ подробностяхъ жизни сихъ затворниковъ. Законы Ордена обязываютъ ихъ не выходить изъ монастыря, удаляться отъ сообщенія съ людьми, и наблюдать вѣчное мертвое молчаніе. Дни проводятъ они въ чтеніи, или работаютъ въ саду, или сидятъ поджавъ руки, съ нетерпѣніемъ дожидаясь обѣда, который составляетъ главное удовольствіе ихъ печальнаго братства. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять встаютъ, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Странная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственность человѣка, *образованную*, такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы ни спокойствія, ни наслажденія, ни щастія. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ; но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ противъ сего заключенія, противнаго ея натурѣ; чувство *недостатка* — (ибо человѣкъ самъ по себѣ есть фрагментъ или отрывокъ: только съ подобными ему существами и съ Природою составляетъ онъ цѣлое) — чувство недостатка мучитъ ее; наконецъ всѣ благородныя побужденія въ сердцѣ нашемъ усыпаютъ, и человѣкъ съ первой степени

земнаго творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей.

Я стоялъ среди церкви и смотрѣлъ на множество олтарей, на которыхъ блистало серебро и золото. Вечеръ приближался; все вокругъ меня начинало меркнуть, все было тихо — вдругъ растворились двери, и печальные братья молчанія, въ бѣлыхъ платьяхъ, явились глазамъ моимъ; потупивъ въ землю взоръ свой, медленно другъ за другомъ шли они къ главному жертвеннику, и проходя мимо висящаго въ церкви колокола, ударяли въ него слабою рукою; унылый звонъ раздавался подъ мрачными сводами, и мысль о смерти живо представилась душѣ моей. Я вышелъ изъ храма — увидѣлъ заходящее солнце, и сердце мое утѣшилось.

Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ Римлянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водоводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камешковъ, *вдавленныхъ*, такъ сказать, въ густую известь, удивительно твердую, такъ что ее ничѣмъ разбить не льзя, и въ сей

стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства, и сооружали такія зданія, которыхъ не могли разрушать цѣлые вѣки. Въ нынѣшнія философскія времена не такъ думаютъ; мы исчисляемъ дни свои, и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; далѣе не простираемъ взора, и никто не хочетъ садить дуба безъ надежды отдыхать въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, есть-ли бы они теперь воскресли и услышали мудрыя наши разсужденія; а мы, мы смѣемся надъ мечтами Древнихъ и надъ страннымъ ихъ славолюбіемъ!

Оттуда пошелъ я въ Римскія бани, принадлежащія нынѣ къ женскому монастырю. Проходя мимо стѣны монастырскаго сада и келій, я чуть было не упалъ въ обморокъ отъ мефитическаго воздуха, который тутъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ! Вмѣсто того, чтобы путь къ нимъ усыпать цвѣтами, почтенныя сестры льютъ туда изъ оконъ своихъ всякую нечистоту! И такъ, господа Французы, вы не должны бранить Азіатскихъ варваровъ, которыми великолѣпные храмы древности превращаются въ хлѣвы! — Зданіе не велико, и состоитъ изъ коридоровъ, въ которые свѣтъ проходилъ черезъ окна, сдѣ-

ланныя вверху на сводахЪ. ЗдѢсь-то нѢжились роскошные Римляне! (думалЪ я)— здѢсь-то какая нибудь Римская красавица, окруженная толпою невольницЪ, мылась ключевымЪ кристалломЪ, вЪ то самое время, когда прекрасный юноша, плѢненный ея красотою, издалека преселялся своимЪ воображеніемЪ вЪ сіи стѢны, и желалЪ быть щастливымЪ божествомЪ источника, водою котораго освѢжалась прелестная!— МнѢ пришла на мысль басня Алфея и Аретузы, а почему, не знаю. Я началЪ-было хвалить нѢжность миѳологическихЪ вымысловЪ; но скоро замолчалЪ, видя, что вожатый мой, садовникЪ монастырской, ни мало не хотѢлЪ слушать меня. — При семЪ случаѢ вспомнилЪ я также читанное мною вЪ Луціановыхъ разговорахЪ о нѢгѢ РимскихЪ богачей. Когда они изЪ бани возвращались домой, то передЪ ними шли всегда невольники, которые при всякомЪ камешкѢ, лежавшемЪ на дорогѢ, кричали: *берегись!* чтобы гордый РимлянинЪ, всегда смотрѢвшій на небо не споткнулся и не упалЪ! «Что это?« спросилЪ я у садовника, видя вЪ коридорахЪ бочки, горшки, корзины и прочее. *ЗдѢсь мой погребЪ,* отвѢчалЪ онЪ —*и мнѢ очень пріятно, что всѢ путешественники любопытствуютЪ его видѢть.*—— СЪ удовольствіемЪ пробылЪ я нѢсколько

времени вѣ монастырскомѣ саду, разговаривая сѣ садовникомѣ, который, будучи весьма словоохотенѣ, насказалѣ мнѣ довольно всякой всячины о своихѣ монахиняхѣ. Старыя, говоритѣ онѣ, бранчивы, грубы и скучны; сидятѣ вѣ своихѣ кельяхѣ и говорятѣ — о политикѣ! а молодыя печальны, любятѣ гулять вѣ темныхѣ алеяхѣ, смотрѣть на мѣсяцѣ и — вздыхать изѣ глубины сердца.

Потомѣ былѣ я вѣ маленькой, подземной церкви древнихѣ Христіанѣ. Тамѣ, укрываясь отѣ гонителей, изливали они сердце свое вѣ теплыхѣ молитвахѣ. Однакожь и тамѣ нашли ихѣ — кровь нещастныхѣ жертвѣ обагрила помостѣ храма. Показываютѣ мѣсто, гдѣ лежатѣ ихѣ кости. — Вѣ сей мрачной церкви многія женщины стояли на колѣняхѣ и вѣ молчаніи молились Богу; иныя проливали слезы; нѣкоторыя вѣ священномѣ восторгѣ ударяли себя вѣ грудь и прикасались блѣдными устами кѣ хладному полу. И такѣ во Франціи набожность еще не истребилась!

Вѣ задумчивости вышелѣ я на улицу: тутѣ все шумѣло и веселилось — танцовщики прыгали, музыканты играли, пѣвцы пѣли, толпы народа изъявляли свое удовольствіе громкимѣ рукоплеска-

ніемЪ. МнѢ казалось, что я вЪ другомЪ свѢтѢ. Какая земля! какая нація! —

Ударило шесть часовЪ — театрЪ былЪ наполненЪ зрителями; я сѢлЪ вЪ ложѢ подлѢ двухЪ молодыхЪ дамЪ. Представляли новую трагедію, Карла IX, сочиненную Гм. Шенье. Слабый Король, правимый своею суевѢрною матерью и чернодушнымЪ ПрелатомЪ (который всегда говоритЪ ему именемЪ Неба), соглашается пролить кровь своихЪ подданныхЪ, для того, что они — не Католики. Действіе ужасно; но не всякой ужасЪ можетЪ быть душею драмы. Великая тайна трагедіи, которую ШекспирЪ похитилЪ во святилищѢ человѢческаго сердца, пребываетЪ тайною для ФранцузскихЪ ПоэтовЪ — и КарлЪ IX холоденЪ какЪ ледЪ. АвторЪ имѢлЪ вЪ виду новыя происшествія, и всякое слово, относящееся кЪ нынѢшнему состоянію Франціи, было сопровождаемо плескомЪ зрителей. Но отними сіи *отношенія*, и піеса показалась бы скучна всякому, даже и Французу. На сценѢ только разговариваютЪ, а не дѢйствуютЪ, по обыкновенію ФранцузскихЪ ТрагиковЪ; рѢчи предлинныя, и наполнены обветшалыми сентенціями; одинЪ актерЪ говоритЪ безЪ умолку, а другіе зѢваютЪ отЪ праздности и скуки. Одна сцена тронула меня —

та, гдѣ сонмъ фанатиковъ упадаетъ на-колѣни и благословляется злымъ Прелатомъ; гдѣ при звукѣ мечей клянутся они истребить еретиковъ. Главное дѣйствіе трагедіи повѣствуется, и для того мало трогаетъ зрителя. Добродѣтельный Колиньи умираетъ за сценою. На театрѣ остается одинъ нещастный Карлъ, который въ сильной горячкѣ то бросается на землю, то — встаетъ. Онъ видитъ (не въ самомъ дѣлѣ, а только въ воображеніи) умерщвленнаго Колиньи, такъ какъ Синавъ видитъ умерщвленнаго Трувора; лишается силъ, но между тѣмъ читаетъ пышную рѣчь стиховъ въ двѣсти. C'est terrible! (*это ужасно!*) говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія.

Маттисонъ пришелъ къ намъ изъ театра, и просидѣлъ въ моей горницѣ до двѣнадцати часовъ. Въ каминѣ пылали у насъ дубовыя дрова, кипѣли чай и кофе. Маттисонъ читалъ мнѣ Виландовы письма, писанныя не къ нему, а къ извѣстной Госпожѣ ла-Рошъ, сочинительницѣ *Исторіи дѣвицы Штернгеймъ* и другихъ романовъ — письма, въ которыхъ добрая и нѣжная душа стараго Поэта какъ въ чистомъ зеркалѣ изображается. Ла-Рошъ любитъ Маттисона и присылаетъ ему копію своей переписки. — Три часа протекли для насъ какъ три минуты. Б*

разсказывалъ намъ любопытные анекдоты своего пѣшеходства, изъ которыхъ сообщу вамъ одинъ:

Однажды пришелъ онъ ввечеру въ маленькую лѣсную деревеньку, и потребовалъ ночлега въ первой избѣ. Хозяйка отворила ему дверь; но увидѣвъ кортикъ и большую Датскую собаку его, испугалась и поблѣднѣла. Б* вообразилъ, что она боится собакъ, и началъ увѣрять, что Геркулесъ его смиренъ какъ ягненокъ, и не дѣлаетъ зла никакому животному; что онъ не тотъ страшный Геркулесъ, который умертвилъ Немейскаго льва и Лернейскую гидру, а тотъ безоружный, и кроткій обожатель красоты, на дубинкѣ котораго во дворцѣ Королевы Лидійской ѣздили верьхомъ Эроты, и котораго Омфала могла бить по щекамъ туфлями. Пріятель мой видѣлъ, что хозяйка все еще блѣднѣла и боялась; но онъ приписывалъ страхъ сей женщины ни чему иному, какъ совершенному ея невѣжеству въ Миѳологіи; подошелъ къ столу, положилъ на него свою шляпу, котомку, кортикъ — сѣлъ на деревянный стулъ, погладилъ своего Геркулеса, и велѣлъ хозяйкѣ приготовить что нибудь къ ужину. *Мы люди бѣдные*, отвѣчала она: *у насъ ничего нѣтъ*. — »По крайней мѣрѣ у тебя есть курица или утка?« —

Нѣтъ.—»Есть молоко?»—*Нѣтъ.*—»Есть сыръ?» — *Нѣтъ.* — »Хлѣбъ?» — *Нѣтъ.* Тутъ Б* вскочилъ со стула, Геркулесъ поднялъ голову, а хозяйка закричала и ушла. Вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходцу обѣдъ и ужинъ, и для того конечно простите моему пріятелю, что онъ вскочилъ со стула не съ пріятною миною, услышавъ о предстоящей ему голодной смерти. Но хозяйка скрылась — дѣлать было нечего — онъ ходилъ по избѣ, заглядывалъ туда и сюда, и наконецъ, къ великой своей радости, увидѣлъ въ темномъ углу кусокъ черстваго хлѣба—взялъ его и началъ ѣсть, удѣляя нѣкоторыя крохи вѣрному Геркулесу, который, смотря на него умильно, разными знаками показывалъ ему, что и онъ вмѣстѣ съ нимъ проголодался. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ высокой человѣкъ въ черномъ камзолѣ, посмотрѣлъ на Б*, на кортикъ его, на собаку — поблѣднѣлъ и вышелъ вонъ. Что это значитъ? думалъ пріятель мой, смотрѣлъ на кортикъ, на собаку, и не находилъ въ нихъ ничего страшнаго. Тщетно ждалъ онъ возвращенія своей хозяйки; наконецъ, потерявъ терпѣніе, вышелъ на улицу — но тамъ все было темно и тихо; въ двухъ или трехъ домикахъ свѣтился огонь, вдали шумѣлъ сосновой лѣсъ. Б*

возвратился въ избу, легъ на хозяйкину постелю, надѣлъ колпакъ и заснулъ. Но скоро Геркулесовъ лай разбудилъ его, и въ ту же минуту услышалъ онъ за дверью разные голоса. *Я не войду первый,* говорилъ одинъ голосъ — *ни я,* говорилъ другой — *ступай ты,* говорилъ третій — *у тебя ружье; ты можешь достать его издали,* говорилъ четвертый. Мой Б* не трусъ; однакожь, подозрѣвая, что рѣчь идетъ объ немъ, и что его, а не другаго сбираются достать издали, вскочилъ не безъ ужаса съ постели, подбѣжалъ къ столу, гдѣ горѣла свѣча, и гдѣ лежалъ кортикъ — обнажилъ страшное свое оружіе, взялъ его въ правую руку, а въ лѣвую, вмѣсто щита, деревянный стулъ и такимъ образомъ снарядившись, твердымъ и грознымъ голосомъ закричалъ: *кто тамъ? что за люди? отвѣчайте!* Вдругъ все утихло. Герой нашъ повторилъ свои вопросы. За дверью начался шопотъ, и Датской Геркулесъ, потерявъ терпѣніе, приближился къ двери, отворилъ ее лапой — и что же представилось глазамъ моего Б*? Шесть или семь мужиковъ съ ружьями, палашами и дубинами. Собака съ лаемъ бросилась подъ ноги перваго, и сей нещастный, сѣвъ на нее верьхомъ, кричалъ изо всей силы: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! друзья!*

спасите своего старосту! Но товарищи его стояли на одномЪ мѣстѣ, дрожали отЪ страха, и вмѣстѣ сЪ нимЪ кричали: *помогите! помогите! бьютЪ! рѣжутЪ! разбой! разбой!* — Б*, видя, что непріятели его не очень храбры, а потому и не очень опасны, ободрился, подошелЪ кЪ нимЪ, и спрашивалЪ, что они: разбойники, воры, или безумные? Никто не отвѣчалЪ ему, а всякой кричалЪ: *бьютЪ! рѣжутЪ!* МеждутѣмЪ ГеркулесЪ, скучивЪ держать на себѣ тяжелое бремя, сбросилЪ сЪ себя бѣднаго старосту и кинулся на другихЪ мужиковЪ, которые сЪ ужасомЪ побѣжали отЪ него вЪ разныя стороны. Деревенской начальникЪ лежалЪ на землѣ, и не кричалЪ уже для того, что почиталЪ себя мертвымЪ. Б* поднялЪ его, поставилЪ на ноги, и тряся за воротЪ, говорилЪ ему: «естьли ты не безумный, то скажи мнѣ, сЪ какимЪ намѣреніемЪ вы пришли вооруженные, и за кого меня принимаете?» НаконецЪ староста дрожащимЪ и перерывающимся голосомЪ отвѣчалЪ ему, что они почли его за славнаго разбойника тѣхЪ мѣстЪ, который ходитЪ всегда сЪ кортикомЪ и сЪ собакою, и котораго голова оцѣнена вЪ нѣсколько сотЪ талеровЪ. Пріятель мой старался разувѣрить его; показалЪ ему свой паспортЪ, и говорилЪ сЪ нимЪ такЪ тихо

и ласково, что бѣдный храбрецъ перестал дрожать, облегчилъ вздохомъ стѣсненную грудь свою, бросился обнимать Б*, и сказалъ, прыгая отъ радости: «Слава Богу, слава Богу, что ты не разбойникъ, а добрый человѣкъ! Слава Богу, что мы не убили тебя! Слава Богу, что я, противъ своего обыкновенія, почувствовалъ робость, хотѣвши по тебѣ выстрѣлить! Теперь ко мнѣ въ гости; теперь повеселимся, Господинъ Докторъ! Ночь ничему не мѣшаетъ, и бываетъ лучше инаго дня. Пойдемъ, пойдемъ, Г. Докторъ! у меня есть и курица и утка, и все, что тебѣ угодно!» — Староста зажегъ фонарь, взялъ котомку пѣшехода, съ позволенія моего пріятеля надѣлъ на себя коршикъ (*) и шляпу его, и съ гордостію пошелъ впередъ, освѣщая путь нашему Б*, который всего болѣе радовался обѣщанному ужину, потому что кусокъ черстваго хлѣба не очень напиталъ желудокъ его. — Геркулесъ, прогнавъ всѣхъ непріятелей, возвратился къ господину своему, шелъ позади и лаемъ отвѣчалъ на лай деревенскихъ собакъ. Разбѣжавшіеся поселяне, видя начальника своего идущаго въ торжествѣ съ

(*) Въ Нѣмецкой землѣ носятъ коршики на ремнѣ черезъ плечо.

корпикомЪ, осмѣлились выпти на улицу; и староста громкимЪ голосомЪ сказывалЪ имЪ, что пѣшеходецЪ не разбойникЪ, а почтенный ГосподинЪ ДокторЪ, который *инкогнито* странствуетЪ по бѣлому свѣту. Жена и двѣ дочери выбѣжали кЪ нему на встрѣчу, и едва не плакали отЪ радости, видя, что супругЪ и родитель совершилЪ благополучно опасный подвигЪ свой. — Б* не можетЪ нахвалиться гостепріимствомЪ и ужиномЪ старосты. Сей добрый человѣкЪ, сидя сЪ нимЪ за столомЪ, разспрашивалЪ его о чудесахЪ, видимыхЪ путешественниками вЪ отдаленныхЪ земляхЪ сѣвера и юга, и самЪ разсказывалЪ ему многіе анекдоты о томЪ разбойникѣ, который около двухЪ лѣтЪ живетЪ вЪ ихЪ лѣсу, ходитЪ сЪ корпикомЪ и сЪ собакою, грабитЪ проѣзжихЪ и прохожихЪ, и цѣлыя деревни приводитЪ вЪ ужасЪ. »Только меня онЪ не испугаетЪ« — продолжалЪ староста, выпивЪ рюмки три вина: — »лишь бы попался мнѣ вЪ руки! — ТакЪ, ГосподинЪ ДокторЪ! родЪ нашЪ извѣстенЪ по своей храбрости. Дѣдушка мой былЪ грозою всѣхЪ разбойниковЪ, и пятьдесятЪ лѣтЪ начальствовалЪ вЪ здѣшней деревнѣ; а батюшка никогда не возвращался изЪ лѣсу безЪ того, чтобы не принести сЪ собою кожи убитаго медвѣдя. Я не люблю

самохвальства, и не хочу говорить о своихъ дѣлахъ; скажу только, что никогда не боюсь ходить одинъ въ самомъ густомъ лѣсу, и что по сей часъ ни волкъ, ни медвѣдь, ни разбойникъ не смѣлъ напасть на меня.» — Б* по собственному опыту не могъ сомнѣваться въ его смѣлости и мужествѣ, и обѣщалъ распространить славу его и въ другихъ земляхъ, въ которыхъ ему быть случится. Староста улыбался и посматривалъ на жену и дочерей своихъ, которыя начинали уже дремать. Б* также хотѣлъ спать: вѣжливый хозяинъ уступилъ ему свою постелю, накормилъ Геркулеса (забылъ, что онъ часа за два передъ тѣмъ испугалъ его не на шутку), и ушелъ съ своими домашними въ другую маленькую горенку. На другой день Б* давалъ ему талеръ за ужинъ и за ночлегъ; но староста не хотѣлъ и слышать объ деньгахъ, — провожалъ его версты двѣ отъ деревни, и простился съ нимъ дружески.

Вы читали Тристрама, и помните исторію нѣжныхъ любовниковъ; помните Амандуса, который, будучи разлученъ съ своею Амандою, странствовалъ по свѣту,

попался въ плѣнъ морскимъ разбойникамъ, и двадцать лѣтъ просидѣлъ въ подземной темницѣ, для того что онъ не хотѣлъ измѣнить своей Амандѣ и не отвѣчалъ любовью на любовь Марокской Принцесы; помните Аманду, которая исходила всю Европу, Азію, Африку, босая и съ распущенными волосами, спрашивая во всякомъ городѣ, у всякихъ воротъ о своемъ Амандусѣ, и заставляя эхо мрачныхъ лѣсовъ, эхо горъ кремнистыхъ, твердить имя его — *Амандусъ! Амандусъ!* — помните, какъ сіи любовники сошлись наконецъ въ Ліонѣ, отечественномъ ихъ городѣ, увидѣли другъ друга, обнялись и — упали мертвые. . . . души ихъ на крыльяхъ радости улетѣли на небо! — помните, что нѣжный Стернъ, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ, по описанію, надлежало быть ихъ могилѣ, и чувствуя въ сердцѣ своемъ огнь и пламя, воскликнулъ: *нѣжныя, вѣрныя тѣни! давно, давно хотѣлъ я пролить сіи слезы на вашемъ гробѣ; пріимите ихъ отъ чувствительнаго сердца!* — но вы помните и то, что Стерну не на что было пролить слезъ своихъ, ибо онъ не нашелъ гроба любовниковъ: увы! и я не могъ найти его! . . . спрашивалъ — но Французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности! —

Кто, будучи здѣсь, не вспомнитъ еще о другихъ, нещастнѣйшихъ любовникахъ, которые за двадцать лѣтъ передъ симъ умертвили себя въ Ліонѣ?

Италіянецъ, именемъ Фальдони, прекрасный, добрый юноша, обогащенный лучшими дарами природы, любилъ Терезу и былъ любимъ ею. Уже приближился тотъ щастливый день, въ который, съ общаго согласія родителей, надлежало имъ соединиться бракомъ; но жестокій рокъ не хотѣлъ ихъ щастія. Молодой Италіянецъ какимъ-то случаемъ повредилъ себѣ главную пульсовую жилу: отъ чего произошла неизлечимая болѣзнь. Отецъ Терезинъ, боясь выдать дочь свою за такого человѣка, который можетъ умереть въ самый день брака, рѣшился отказать нещастному Фальдони; но сей отказъ еще болѣе воспламенилъ любовниковъ, и потерявъ надежду соединиться въ объятіяхъ законной любви, они положили соединиться въ хладныхъ объятіяхъ смерти. Не далеко отъ Ліона, въ каштановой рощѣ, построенъ сельской храмъ, Богу милосердія посвященный, и рукою Греческаго искусства украшенный: туда пришелъ блѣдный Фальдони и ожидалъ Терезы. Скоро явилась она во всемъ сіяніи красоты своей, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, которое шито было къ

свадьбѣ, и съ розовымъ вѣнкомъ на темнорусыхъ волосахъ. Любовники упали передъ олтаремъ на колѣни, и — приставили къ сердцамъ своимъ пистолеты, обвитые алыми лентами; взглянули другъ на друга, — поцѣловались — и сей огненный поцѣлуй былъ знакомъ смерти — выстрѣлъ раздался — они упали, обнимая другъ друга; и кровь ихъ смѣшалась на мраморномъ помостѣ.

Признаюсь вамъ, друзья мои, что сіе происшествіе болѣе ужасаетъ, нежели трогаетъ мое сердце. Я никогда не буду проклинать слабостей человѣчества; но однѣ заставляютъ меня плакать, другія возмущаютъ духъ мой. Естьли бы Тереза не любила, или перестала любить Фальдони; или естьли бы смерть похитила у него милую подругу, ту, которая составляла все щастіе, всю прелесть жизни его: тогда бы могъ онъ возненавидѣть жизнь; тогда бы собственное сердце мое изъяснило мнѣ сей печальный феноменъ человѣчества; я вошелъ бы въ чувства нещастнаго, и съ пріятными слезами нѣжнаго сожалѣнія, взглянулъ бы на небо, безъ роптанія, въ тихой меланхоліи. Но Фальдони и Тереза любили другъ друга: и такъ имъ надлежало почитать себя щастливыми. Они жили въ одномъ мірѣ, подъ однимъ небомъ; озарялись

лучами одного солнца, одной луны — чего болѣе? (*) Истинная любовь можетъ наслаждаться безъ чувственныхъ наслажденій, даже и тогда, когда предметъ ея за отдаленными морями скрывается. Мысль: *меня любятъ!* должна быть щастіемъ нѣжнаго любовника — и какъ пріятно, какъ сладко думать ему, что вѣтерокъ, который въ сію минуту прохлаждаетъ жаръ лица его, вѣялъ можетъ быть и на прелестяхъ любезной; что птичка, въ глазахъ его подъ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣла можетъ быть на томъ деревѣ, подъ которымъ красавица размышляла о своемъ другѣ! Однимъ словомъ, удовольствія любви безчисленны; ни тиранство родителей, ни тиранство самаго рока не можетъ отнять ихъ у нѣжнаго сердца — и кому сіи удовольствія не извѣстны, тотъ не называй себя чувствительнымъ! — Фальдони и Тереза! вы служите для меня примѣромъ одного изступленія, помѣшательства разума, заблужденія, а не примѣромъ истинной любви!

Смотри! смотри! закричалъ мой Беккеръ. Я бросился къ окну, и увидѣлъ,

(*) Кто хочетъ, разсмѣется.

что вокругъ ратуши толпится шумящій народъ. Что это значитъ? спросили мы у слуги, который прибиралъ мою комнату. *Какое нибудь новое дурачество*, отвѣчалъ онъ. Но я любопытенъ былъ знать это дурачество, и вмѣстѣ съ Беккеромъ пошелъ на улицу. У пяти или шести человѣкъ спрашивали мы о причинѣ шума; но всѣ отвѣчали намъ: qu'en sais-je? (*почему мнѣ знать?*) Наконецъ дѣло обьяснилось. Какая-то старушка подралась на улицѣ съ какимъ-то старикомъ; пономарь вступился за женщину; старикъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и хотѣлъ застрѣлить пономаря; но люди, шедшіе по улицѣ, бросились на него, обезоружили, и повели его. . . à la lanterne (на висѣлицу); отрядъ національной гвардіи встрѣтился съ сею толпою людей, отнялъ у нихъ старика и привелъ въ ратушу — вотъ что было причиною волненія! Народъ, который сдѣлался во Франціи страшнѣйшимъ деспотомъ, требовалъ, что бы ему выдали виновнаго и кричалъ: à la lanterne! Пономарь кричалъ: à la lanterne! à la lanterne! Бабы торговки кричали: à la lanterne! à la lanterne! — Тѣ, которые наиболѣе шумѣли и возбуждали другихъ къ мятежу, были нищіе и празднолюбцы, не хотящіе работать съ эпохи такъ называемой Французской свободы.—

Изрядно одѣтый незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и къ Беккеру, и съ дружественнымъ видомъ сказалъ намъ: »Около получаса ходитъ за вами подозрительный человѣкъ; будьте осторожны — вы конечно иностранцы — sauvez vous, messieurs! спасайтесь! Я посмотрѣлъ ему въ глаза и увѣрился, что онъ хотѣлъ только испугать насъ; а Беккеръ, не знаю отъ чего, покраснѣлъ и схватилъ мою руку; взоръ его говорилъ мнѣ: *мы другъ друга не оставимъ!* Но онъ и я благополучно возвратились въ Hôtel de Milan. Народъ ввечеру разсѣялся, и мы пошли гулять на свободѣ по берегу Роны.

Мы обѣдали нынѣ у Господина Т*, богатаго купца, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ Ученыхъ; а ввечеру были на гуляньи за городомъ. И богатые и бѣдные, и старые и малые, толпились на зеленыхъ лугахъ, поздравляли другъ друга съ весною, и наслаждались теплымъ вечеромъ. Въ городѣ не оставалось, думаю, ни четвертой части жителей, и всякой былъ въ лучшемъ своемъ платьѣ. Иные сидѣли на травѣ и пили чай; другіе ѣли бисквиты, сладкіе пироги, и подчивали своихъ знакомыхъ. Я ходилъ между тыся-

чами какъ въ лѣсу, не зная никого, и не будучи никому извѣстенъ. Однакожь, видя вокругъ себя радостныя лица, веселился въ сердцѣ своемъ. Наконецъ ушелъ отъ всѣхъ людей, сѣлъ подъ зеленымъ кусточкомъ, увидѣлъ фіялку и сорвалъ ее; но мнѣ показалось, что она не такъ хорошо пахнетъ, какъ наши фіялки — можетъ быть отъ того, что я не могъ отдать сего цвѣточка любезнѣйшей изъ женщинъ и вѣрнѣйшему изъ друзей моихъ!

Ліонъ . . . 1790.

Нѣтъ, друзья мои! я не увижу плодоносныхъ странъ южной Франціи, которыми прельщалось мое воображеніе! . . . Беккеръ не получилъ здѣсь векселя, и оставшись только съ шестью луидорами, рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ. Мнѣ надлежало съ нимъ разстаться, или пожертвовать для него своимъ любопытствомъ, своими мечтами, Лангедокомъ и Провансомъ.

Нѣсколько минутъ я сражался съ самимъ собою, сидя въ задумчивости передъ каминомъ. Любезный Датчанинъ разбиралъ между тѣмъ свой чемоданъ,

въ которомъ лежали нѣкоторыя изъ моихъ вещей. *Вотъ твои книги,* говорилъ онъ — *твои письма — твои платки — возьми ихъ! Можетъ быть мы уже не увидимся.* — *Нѣтъ*, сказалъ я, вставъ со стула и обнявъ съ чувствительностію Беккера — *мы ѣдемъ вмѣстѣ!*

Гробница нѣжной Лауры, прославленной Петраркомъ! Воклюзская пустыня, жилище страстныхъ любовниковъ (*)! шумный, пѣнистый ключь, утолявшій ихъ жажду! я васъ не увижу! . . . Луга Провансkіе, гдѣ тимонъ съ розмариномъ благоухаютъ! не ступитъ нога моя на вашу цвѣтущую зелень! . . . Нимскій храмъ Діаны, огромный Амфитеатръ, драгоцѣнные остатки древности! я васъ не увижу (**)! — Не увижу и тебя, отчизна Пилата Понтійскаго (***)! не взойду на ту высокую гору, на ту высокую башню, гдѣ сей нещастный сидѣлъ въ заключеніи; не загляну въ ту ужасную пропасть, въ которую онъ бросился изъ отчаянія (****)! — Простите, мѣста любопытныя для чувствительнаго путешественника!

(*) Въ 12 верстахъ отъ Авиньйона.
(**) Въ Нимѣ много Римскихъ древностей.
(***) Городъ Вьенъ.
(****) Такъ говоритъ преданіе. Сію башню и сію пропасть показываютъ близъ Вьеня.

Не безъ слезъ разставались мы съ Маттисономъ. Онъ подарилъ мнѣ на память нѣкоторыя изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, и сказалъ: *Гдѣ буду впредь, не знаю; но никакой климатъ не перемѣнитъ моего сердца — я всегда съ удовольствіемъ стану вспоминать о нашемъ знакомствѣ — не забудьте Маттисона!* Прочихъ Ліонскихъ знакомцевъ оставляю безъ сожалѣнія.

Завтра въ пять часовъ утра сядемъ въ почтовую лодку и поѣдемъ въ Шалонъ. Съ учтивою хозяйкою мы уже расплатились. Каждый день стоилъ намъ здѣсь около луидора.

Теперь ночь — Беккеръ спитъ — я не могу — сижу за столикомъ, и лечу мыслями въ мое отечество, — къ вамъ, моимъ любезнымъ!

Рѣка Сона.

Солнце восходитъ — туманъ раздѣлился — лодка наша катится по струистой лазури, освѣщаемой золотыми лучами — подлѣ меня сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ, положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ кра-

савицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не простудилась — молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою — другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею тростью, и напоминаетъ мнѣ тѣхъ Духовъ въ Багватъ-Гетѣ (*), которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло — высокой Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, куритъ трубку — Беккеръ, пожимаясь отъ утренняго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики; вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ. . . . Здѣсь журчала Сона въ дичи и mракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глу-

(*) Индѣйская книга.

бокихъ пещерахъ, или подъ вѣтьвями столѣтнихъ дубовъ — какое превращеніе! . . . Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ натуры всѣ знаки первобытной дикости!

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) явятся здѣсь хищные звѣри и заревутъ какъ въ пустынѣ Африканской! . . . Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время — придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они . . . . . и печальный мохъ представится глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаешь мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція — сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство,

прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту?

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ — и естьли запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары, но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣнецъ свой; за то у подошвы Юры видимъ Боннета, а въ Кенигсбергѣ Канта, передъ которыми Платонъ въ разсужденіи философіи есть младенецъ.

Болѣе писать негдѣ.

Маконъ въ Бургоніи, полночь.

Путешествіе наше очень пріятно. День былъ прекрасный, вечеръ теплой, солнце тихо и великолѣпно скатилось съ голубаго неба, и давно не видалъ я такой розовой зари, какую видѣлъ нынѣ.

Вѣ полдень пристали мы кѣ берегу противѣ одного небольшаго мѣстечка. Тутѣ встрѣтили насѣ пятнадцать или двадцать трактирщицѣ, изѣ которыхѣ каждая звала кѣ себѣ вѣ гости *любезныхъ путешественниковъ*, увѣряя, что у нее прекрасный супѣ, прекрасные соусы, прекрасный десертѣ и самое лучшее вино. Я, Б*, молодой Французской Офицерѣ и двое Англичанѣ обѣдали вмѣстѣ, и сѣ великою благодарностію заплатили хозяйкѣ по 30 су, для того что она вѣ самомѣ дѣлѣ очень хорошо насѣ угостила. — Послѣ обѣда гуляли мы по берегу рѣки, заходили вѣ разные крестьянскіе домики, и видѣли, что поселяне живутѣ чисто и опрятно. Офицерѣ, Б* и я говорили сѣ ними о хозяйствѣ, о земледѣліи, и шутили сѣ молодыми крестьянками, которыя умѣютѣ еще краснѣться. Одно семейство застали мы за обѣдомѣ: на большомѣ столѣ, покрытомѣ довольно-чистою скатертью, стояла чаша сѣ супомѣ, блюдо шпинату и кринка молока.— Но весьма не полюбились мнѣ деревянные башмаки Французскихѣ поселянѣ, и я не понимаю, какѣ они не натираютѣ ими ногѣ своихѣ. —

Около вечера мы проплыли мимо города Треву, лежащаго на правой сторонѣ Соны; болѣе всего извѣстенѣ онѣ по

Mémoires de Trevoux, анти-философическому, Iезуитскому Журналу, который, подобно черной молнiеносной тучѣ, металъ страшные перуны на Вольтеровъ и д'Аланбертовъ, и грозилъ попалить священнымъ огнемъ всѣ произведенiя ума человѣческаго.

Въ девять часовъ вышли мы на берегъ въ городѣ Маконѣ, ужинали въ первомъ здѣшнемъ трактирѣ и пили самое лучшее Бургонское вино. Оно густаго, темнаго цвѣта, и совсѣмъ не похоже на то, что у насъ въ Россiи называется Бургонскимъ.

Здѣсь ночуемъ, и въ четыре часа поплывемъ въ Шалонъ, гдѣ надѣемся быть завтра послѣ обѣда.

Фонтенебло, 9 часовъ утра.

Третьяго-дни ночью выѣхали мы изъ Шалона, въ легкой коляскѣ, вмѣстѣ съ однимъ Парижскимъ купцомъ, который, взявъ съ насъ двоихъ 300 ливровъ, сказалъ, чтобы мы спрятали до Парижа свои кошельки; онъ платитъ прогоны, за обѣдъ, за ужинъ, за чай и кофе. Можетъ быть, останется у него нѣсколько талеровъ или экю; но за то мы совершенно покойны.

Французская почта не дороже, и притомъ несравненно лучше Нѣмецкой. Лошади вездѣ черезъ пять минутъ готовы; дороги прекрасныя; постильйоны не лѣнивы — города и деревни безпрестанно мелькаютъ въ глазахъ путешественника.

Въ 30 часовъ переѣхали мы 65 Французскихъ миль; вездѣ видѣли пріятныя мѣста, и на каждой станціи — были окружены нищими! Товарищъ нашъ Французъ говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей; и потому не достойны сожалѣнія; но я не могъ спокойно ни обѣдать, ни ужинать, видя подъ окномъ сіи блѣдныя лица, сіи раздранныя рубища!

Фонтенебло есть маленькой городокъ, окруженный лѣсами, въ которыхъ Французскіе Короли издревле забавлялись звѣриною ловлею. Святый Лудовикъ подписывалъ на указахъ: donné en nos déserts de Fontainebleau (*дано въ нашей пустынѣ Фонтенебло*). Тогда не было здѣсь почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря; но Францискъ I построилъ въ пустынѣ огромный дворецъ, и украсилъ его лучшими произведеніями Италіянскаго художества. Я хотѣлъ видѣть внутренность сего величественнаго зданія, и за два *экю* видѣлъ все достойное примѣчанія: прекрасную церковь, галерею

Франциска I съ ея славными картинами, Королевскія и Королевины комнаты, также украшенныя превосходною живописью, и проч. Въ одной большой галереѣ сего дворца показываютъ то мѣсто, гдѣ жестокая Христина въ 1659 году страшнѣйшимъ образомъ умертвила своего Шталмейстера и любовника, Маркиза Мональдески. — Въ маскарадной залѣ, расписанной живописцемъ Николо, многія картины стерты, для того что онѣ были слишкомъ соблазнительны для набожныхъ людей. Соваль, Адвокатъ Парижскаго Парламента, описывая *любовныя похожденія Королей Французскихъ*, говоритъ, что вѣкъ Франциска I былъ самый развращенный, и что всѣ произведенія тогдашнихъ Поэтовъ и живописцовъ дышали сладострастіемъ. «Ступай въ Фонтенебло! (восклицаетъ благочестивой Адвокатъ, скончавшій жизнь свою въ 1670 году) и вездѣ на стѣнахъ увидишь ты боговъ и богинь, мущинъ и женщинъ, которыя посрамляютъ натуру и утопаютъ въ морѣ распутства. Добродѣтельная супруга Генриха IV истребила многія изъ сихъ картинъ; но чтобы истребить все погибельное, все развратное, надлежитъ предать пламени весь Фонтенебло.» — Нѣкто Сюбле-де-Ное, будучи Губернаторомъ въ Фонтенебло, сжегъ Микель-Анд-

желову картину, за которую Францискъ I заплатилъ превеликую сумму. Изображалась нагая Леда, — и такъ живо, въ такомъ сладострастномъ положеніи, что Губернаторъ не могъ видѣть ее безъ соблазна. — Сіи анекдоты взялъ я изъ Дюлора.

Мы завтракали — постильйонъ хлопаетъ бичемъ — простите — простите до Парижа!

Парижъ, 27 Марта 1790.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ! . . . Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій — и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ (думалъ я) — вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ — котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ — котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ име-

немъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ! . . . Вотъ онъ! . . . я его вижу, и буду въ немъ!« —— Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, съ такимъ любопытствомъ, — съ такимъ нетерпѣніемъ! — Товарищъ нашъ Французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: »Здѣсь, на правой сторо-»нѣ, видите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ »и дю-Тампль; противъ насъ Св. Антонія, »а на лѣвой сторонѣ за Сеною предмѣ-»стіе Ст. Марсель, Мишель и Жермень. »Эта высокая готическая башня есть »древняя церковь Богоматери; сей новый »великолѣпный храмъ, котораго архитек-»турѣ вы конечно удивляетесь, есть »храмъ Святой Женевьевы, покровитель-»ницы Парижа; тамъ вдали возвышает-»ся съ блестящимъ куполомъ l'Hôtel »Royal des Invalides, одно изъ огромнѣй-»шихъ Парижскихъ зданій, гдѣ Короли »и отечество покоятъ заслуженныхъ и »престарѣлыхъ воиновъ.«

Скоро въѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; но что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые домы и

людей вѣ раздранныхѣ рубищахѣ. «И это Парижѣ?» (думалѣ я) — «городѣ, который издали казался столь великолѣпнымѣ?» — Но декорація совершенно перемѣнилась, когда мы выѣхали на берегѣ Сены; тутѣ представились намѣ красивыя зданія, домы вѣ шесть этажей, богатыя лавки. Какое многолюдство! какая пестрота! какой шумѣ! Карета скачетѣ за каретою; — безпрестанно кричатѣ: gare! gare! и народѣ волнуется какѣ море.

Сей неописанный шумѣ, сіе чудное разнообразіе предметовѣ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость вѣ народѣ, привели меня вѣ нѣкоторое изумленіе. — Мнѣ казалось, что я какѣ маленькая песчинка попалѣ вѣ ужасную пучину и кружусь вѣ одномѣ вихрѣ.

Переѣхавѣ черезѣ Сену, вѣ улицѣ *Генего*, остановились мы подлѣ Hôtel Britannique. Тамѣ, вѣ третьемѣ этажѣ, нашлись для насѣ двѣ комнаты, свѣтлыя и чисто прибранныя, за которыя должно платить по два луидора вѣ мѣсяцѣ. Хозяйка осыпала насѣ учтивостями; бѣгала, суетилась, назначала мѣсто для нашихѣ кроватей, сундука, чемодана, и при всякомѣ словѣ говорила: aimables étrangers — *любезные иностранцы*, *почтенные иностранцы!* Купецѣ, сопутникѣ нашѣ,

пожелалъ намъ всевозможныхъ удовольствій въ Парижѣ, и уѣхалъ къ себѣ домой; а мы въ полчаса успѣли отобѣдать, причесаться, одѣться — заперли свои комнаты, вышли на улицу и смѣшались съ толпами народными, которыя какъ морскія волны вынесли насъ къ славному *Новому мосту*, pont neuf, гдѣ стоитъ прекрасный монументъ любезнѣйшаго изъ Королей Французскихъ, Генрика IV. Можно ли было пройти мимо его? Нѣтъ! ноги мои сами собою остановились; взоръ мой самъ собою устремился на образъ Героя, и нѣсколько минутъ не могъ съ него совратиться.

Оставя Беккера у подножія Генриковой статуи, я пошелъ къ Г. Брегету, который живетъ не далеко отъ Новаго мосту на quai des morfondus. Жена его приняла меня передъ каминомъ, и услышавъ мое имя, тотчасъ вынесла мнѣ письмо — письмо отъ моихъ любезныхъ!.., Вообразите радость вашего друга! . . . вы здоровы и благополучны! . . . Всѣ безпокойства въ одну минуту забылись: я сталъ веселъ какъ безпечный младенецъ — читалъ десять разъ письмо — забылъ Госпожу Брегетъ, и не говорилъ съ нею ни слова — душа моя въ сію минуту занималась одними отдаленными друзьями. — *Кажется, что вы очень обрадовались,*

сказала хозяйка: *это пріятно видѣть.* — Тутъ я опомнился, началъ передъ нею извиняться, но очень не складно; хотѣлъ разсказывать ей о Женевѣ, гдѣ она родилась — но не могъ, и наконецъ ушелъ. Беккеръ увидѣлъ меня бѣгущаго; увидѣлъ письмо въ рукѣ моей; увидѣлъ мое лице — и обрадовался сердечно — потому что онъ любитъ меня. Мы обнялись на Новомъ Мосту подлѣ монумента — и мнѣ казалось, что самъ мѣдный Генрикъ, смотря на насъ, улыбался. Pont neuf! я никогда тебя не забуду!

Сердце мое было довольно и весело — я ходилъ съ Беккеромъ по неизвѣстному городу, изъ улицы въ улицу, безъ проводника, безъ намѣренія и безъ цѣли — и все, что встрѣчалось глазамъ нашимъ, занимало меня пріятнымъ образомъ.

Солнце сѣло; наступила ночь и фонари засвѣтились на улицахъ. Мы пришли въ *Пале-рояль*, огромное зданіе, которое принадлежитъ Герцогу Орлеанскому, и которое называется столицею Парижа.

Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сіяютъ всѣ сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; всѣ произведенія Натуры и Искусства; все, чѣмъ когда ни-

будь Царская пышность украшалась; все изобрѣтенное роскошью для услажденія жизни! . . . И все это, для привлеченія глазъ, разложено прекраснѣйшимъ образомъ, и освѣщено яркими, разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе. — Вообразите себѣ множество людей, которые толпятся въ сихъ галереяхъ, и ходятъ взадъ и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга! — Тутъ видите вы и кофейные домы, первые въ Парижѣ, гдѣ также все людьми наполнено; гдѣ читаютъ вслухъ газеты и журналы, шумятъ, спорятъ, говорятъ рѣчи, и проч.

Голова моя закружилась — мы вышли изъ галереи, и сѣли отдыхать въ каштановой алеѣ, въ Jardin du Palais Royal. Тутъ царствовали тишина и сумракъ. Аркады изливали свѣтъ свой на зеленыя вѣтьви; но онъ терялся въ ихъ тѣняхъ. Изъ другой алеи неслись тихіе, сладостные звуки нѣжной музыки; прохладный вѣтерокъ шевелилъ листочки на деревьяхъ. — *Нимфы радости* подходили къ намъ одна за другою, бросали въ насъ цвѣтами, вздыхали, смѣялись, звали въ свои гроты, обѣщали тьму удовольствій, и скрывались какъ призраки лунной ночи.

Все казалось мнѣ очарованіемъ, Калипсинымъ островомъ, Армидинымъ зам-

комѣ. Я погрузился вѣ пріятную задумчивость. . . .

Парижъ, 2 Апрѣля, 1790.

Я вѣ Парижѣ! Эта мысль производитѣ вѣ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизѣяснимое, пріятное движеніе. . . *я вѣ Парижѣ!* говорю самѣ себѣ, и бѣгу изѣ улицы вѣ улицу, изѣ Тюльери вѣ Поля Елисейскія; вдругѣ останавливаюсь, на все смотрю сѣ отмѣннымѣ любопытствомѣ: на домы, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямѣ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города вѣ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихѣ явленій. —

Пять дней прошли для меня какѣ пять часовѣ: вѣ шумѣ, во многолюдствѣ, вѣ спектакляхѣ, вѣ волшебномѣ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать вѣ нихѣ отчета, и не вѣ состояніи сказать вамѣ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетѣ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать. — Теперь

замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, Парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность — на примѣръ, съ важными Швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А Парижской житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ!

Парижъ, Апрѣля. . . . 1790.

Принимаясь за перо съ тѣмъ, чтобы представить вамъ Парижъ хотя не въ совершенной картинѣ, но по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ, долженъ ли я начать, какъ говорили Древніе, съ *яицъ Леды*, и объявить съ ученою важностію, что сей городъ назывался нѣкогда Лютеціею; что имя Парижскихъ жителей, Parisii, значитъ *народъ, покровительствуемый Изидою* — то есть, что оно произошло отъ Греческаго слова *Пара* и *Изисъ*, хотя NB. Гальскіе народы не имѣли никакого понятія о сей Египетской богинѣ и не думали искать ея покровительства? Перевести ли нѣкоторыя мѣста изъ Записокъ Юлія Цесаря (перваго изъ древнихъ Авторовъ, упоминающихъ о Парижѣ) и Мизопогона, книги сочиненной Императоромъ Іуліаномъ; мѣста, изъ которыхъ вы узнаете, что Парижъ и во время Цесарево былъ уже столицею Галліи, и что Императоръ Іуліанъ умеръ было въ немъ отъ угара (*)? Окружить

(*) „Я провелъ зиму въ моей любезной Лютеціи, „говоритъ онъ: она построена на острову и ок„ружена стѣнами, которыя омываются водами „рѣки, пріятными для глазъ и вкуса Зима бы„ваетъ тамъ обыкновенно не очень холодна; но „въ мое время морозы были такъ жестоки, что „рѣка покрылась льдомъ. Жители нагрѣваютъ

ли мнѣ себя твореніями Іоанна Готвиля, Вильгельма Коррозета, Клавдія Фошета, Николая Бонфуса, Якова Берля, Маленгра, Соваля, Дона Филибьеня, Коллетета, де-ла-Мара, Брисса, Буассо, Праделя, ле-Мера, Монфокона — ослѣпить ли глаза ваши ученою пылью сихъ Авторовъ, и показать ли вамъ ясно, что былъ Парижъ въ своемъ началѣ, когда еще не огромныя палаты и храмы созерцались въ струяхъ Сены, а маленькіе домики, подобные Альпійскимъ хижинамъ; когда еще не гранитные, а деревянные мосты служили ей поясами; когда не Лаисъ, не Рено плѣняли слухъ людей на берегахъ ея, а братья Оссіановы дикими своими пѣснями; когда не Мирабо, не Мори удивляли Парижцевъ своимъ краснорѣчіемъ, а сѣдовласые Друиды, обожатели дубоваго лѣса? Итти ли мнѣ въ слѣдъ Парижу, шагъ за шагомъ, черезъ пространство минувшихъ вѣковъ, означая всѣ его измѣненія, новые виды, успѣхи въ архитектурѣ, отъ перваго каменнаго домика до Луврской колонады? — Я слышу от-

„свои жилища посредствомъ печей; но я не позволилъ развести огня въ моей горницѣ, а велѣлъ „только принести къ себѣ нѣсколько горящихъ „угольевъ. Паръ, который отъ нихъ распространился по всей комнатѣ, едва-было не задушилъ меня, и я упалъ безъ чувства.“

вѣтъ вашъ: »Мы прочитаемъ Сент-Фуа, »его Essais sur Paris, и узнаемъ все то, »что ты можешь сказать о древности »Парижа; скажи намъ только, каковъ »онъ показался тебѣ въ нынѣшнемъ сво»емъ видѣ, и болѣе ничего не требу»емъ.« — И такъ, оставляя почтенную старину, оставляя все прошедшее, буду говорить объ одномъ настоящемъ.

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы вѣдите въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими шпицами и куполами; на правой сторонѣ рѣка Сена съ картинными домиками и садами; на лѣвой, за пространною зеленою равниною, гора *Мартръ*, покрытая безчисленными вѣтреными мельницами, которыя, размахивая своими крыльями, представляютъ глазамъ вашимъ летящую станицу какихъ-нибудь пернатыхъ великановъ, строусовъ или Альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладка какъ столъ, и ночью бываетъ освѣщена фонарями. Застава есть небольшой домикъ, который плѣняетъ васъ красотою архитектуры своей. Черезъ обширный, бархатный лугъ вѣзжаете въ *поля Елисейскія*, не даромъ названныя симъ привлекательнымъ именемъ: лѣсокъ, насажденный самими Ореадами, съ маленькими

цвѣтущими лужками, съ хижинками въ разныхъ мѣстахъ разсѣянными, изъ которыхъ въ одной найдете кофейный домъ, въ другой лавку. Тутъ по Воскресеньямъ гуляетъ народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселыя мѣщанки. Бѣдные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхаютъ на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ *водевили.* Вы не имѣете времени осмотрѣть всѣхъ красотъ сего лѣсочка, сихъ умильныхъ рощицъ, какъ будто бы безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ стремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмиугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окруженная бѣлымъ мраморнымъ балюстрадомъ. Подойдите къ ней, и увидите передъ собою густыя алеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу: видъ прекрасный! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться: густотою ли древнихъ алей, или пріятностію высокихъ террасъ, которыя на обѣихъ сторонахъ простираются во всю длину сада; или красотою бассейновъ, цвѣтниковъ, вазъ, группъ и статуй. Художникъ ле-Нотръ, творецъ сего конечно искуснѣйшаго сада въ Европѣ, ознаменовалъ каждую его часть печатію ума и вкуса. Здѣсь гу-

ляетъ уже не народъ, такъ какъ въ *поляхъ Елисейскихъ*, а такъ называемыя *лучшія люди*, кавалеры и дамы, съ которыхъ пудра и румяна сыплются на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите на право, на лѣво, кругомъ: вездѣ огромныя зданія, замки, храмы — красивыя берега Сены, гранитные мосты, на которыхъ толпятся тысячи людей, стучитъ множество каретъ — взгляните на все, и скажите, каковъ Парижъ? Мало, естьли назовете его первымъ городомъ въ свѣтѣ, столицею великолѣпія и волшебства. Останьтесь же здѣсь, естьли не хотите перемѣнить своего мнѣнія; пошедши далѣе, увидите. . . тѣсныя улицы, оскорбительное смѣшеніе богатства съ нищетою; подлѣ блестящей лавки ювелира кучу гнилыхъ яблокъ и сельдей; вездѣ грязь и даже кровь, текущую ручьями изъ мясныхъ рядовъ — зажмете носъ и закроете глаза. Картина пышнаго города затмится въ вашихъ мысляхъ, и вамъ покажется, что изъ всѣхъ городовъ на свѣтѣ черезъ подземельныя трубы сливается въ Парижъ нечистота и гадость. Ступите еще шагъ, и вдругъ повѣетъ на васъ благоуханіе щастливой Аравіи, или, по крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ луговъ Прованскихъ: значитъ, что вы подошли къ одной

изъ тѣхъ лавокъ, въ которыхъ продаются духи и помада, и которыхъ здѣсь множество. Однимъ словомъ, что шагъ, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты — такъ, что вы должны будете назвать Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благовоннымъ (*) и самымъ вонючимъ городомъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки и темны отъ огромности домовъ; славная *Сент-Оноре* всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшеходцамъ, а особливо когда идетъ дождь! Вамъ надобно или мѣсить грязь на срединѣ улицы (**), или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой нитки. Карета здѣсь необходима (***), по крайней мѣрѣ для насъ иностранцевъ; а Французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязнясь, мастерски прыгаютъ съ камня на камень, и прячутся въ лавки отъ ска-

---

(*) Потому что нигдѣ не продаютъ столько ароматическихъ духовъ, какъ въ Парижѣ.

(**) Мостовая дѣлается въ Парижѣ скатомъ съ обѣихъ сторонъ улицы: отъ чего въ срединѣ бываетъ всегда страшная грязь.

(***) За порядочную наемную карету надобно заплатить въ день рубля четыре. Можно ѣздить и въ фіакрахъ, т. е. извощичьихъ каретахъ, которыя стоятъ на каждомъ перекресткѣ; правда,

чущихъ каретъ. Славный Турнфоръ, который объѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ, отъ того, что онъ въ путешествіи своемъ разучился прыгать серною на улицахъ: искусство необходимое для здѣшнихъ жителей!

Подите городомъ прямо, въ которую сторону вамъ угодно, и вы очутитесь наконецъ въ тѣни густыхъ алей, называемыхъ *Булеварами;* ихъ три: одна для каретъ, а двѣ для пѣшеходцевъ; онѣ идутъ рядомъ и образуютъ магическое кольцо, или самую прекраснѣйшую опушку вокругъ всего Парижа. Тутъ городскіе жители собирались нѣкогда играть въ шары (à la boule) на зеленой травѣ: отъ чего и произошло названіе *буле-веръ* или *булеваръ.* Сначала, на мѣстѣ алей, былъ только одинъ валъ, который защищалъ столицу Франціи отъ непріятельскихъ набѣговъ; дерева посажены гораздо послѣ. Одна часть булеваровъ называется *ста-*

что онѣ очень не хороши, какъ снаружи, такъ и внутри; кучеръ сидитъ на козлахъ въ худомъ камзолѣ или въ ветхой епанчѣ, и безпрестанно погоняетъ двухъ — не лошадей, а лошадиныхъ скелетовъ, которые то дернутъ, то станутъ — побѣгутъ, и опять ни съ мѣста. Въ семъ экипажѣ можно за 24 су проѣхать городъ изъ конца въ конецъ.

рыми, а другая *новыми*; на первыхъ видите предметы вкуса, богатства, пышности; все вымышленное праздностію для занятія праздности — здѣсь Комедія, тутъ Опера; здѣсь блестящія палаты, тутъ Геспéридскіе сады, въ которыхъ недостаетъ только золотыхъ яблокъ; здѣсь кофейный домъ, обвѣшенный зелеными гирландами; тутъ бесѣдка, украшенная цвѣтами и подобная сельскому храму любви; здѣсь маленькой пріятной лѣсочикъ, въ которомъ гремитъ музыка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая Нимфа, или какой нибудь *фиглярь* забавляетъ народъ своими хитростями; тутъ показываются вамъ всѣ рѣдкія произведенія животнаго царства Природы: птицы Американскія, звѣри Африканскіе, колибріи и строусы, тигры и крокодилы; здѣсь, подъ каштановымъ деревомъ, сидитъ Цирцея, смотритъ на васъ томными глазами, кладетъ руку на сердце, и видя, что вы съ равнодушіемъ идете мимо, говоритъ со вздохомъ: *нечувствительный! жестокій!* Тутъ молодой растрепанный *франтъ* встрѣчается съ пожилымъ, нѣжно-напудреннымъ *петиметромъ*, смотритъ на него съ усмѣшкою, и подаетъ руку оперной пѣвицѣ; здѣсь длинный рядъ каретъ, изъ которыхъ выглядываютъ юность и древность, красота и безобразіе, умъ и

глупость въ самыхъ живыхъ характерныхъ чертахъ — и наконецъ . . . маршируетъ отрядъ національной гвардіи. Цѣлый день употребилъ я на то, чтобы обойти эту шумную часть Булеваровъ (*).

Такъ называемая *новая* часть представляетъ совсѣмъ другое зрѣлище: тамъ дерева сѣнистѣе, алеи красивѣе, воздухъ чище, но мало бываетъ гуляющихъ; не слышите ни стука каретнаго, ни топота лошадинаго, ни пѣсней, ни музыки; не видите ни Англійскихъ, ни Французскихъ щеголей, ни распудренныхъ головъ, ни разрумяненныхъ лицъ. Здѣсь въ густой тѣни отдыхаетъ добрый ремесленникъ съ своею женою и дочерью; тутъ по алѣе медленными шагами прохаживается

(*) Между великолѣпными домами, къ нимъ примыкающими, замѣтилъ я домъ извѣстнаго Бомарше. Сей человѣкъ умѣлъ не только странною Комедіею вскружить голову Парижской публикѣ, но и разбогатѣть удивительнымъ образомъ; умѣлъ не только изображать живописнымъ перомъ слабыя стороны человѣческаго сердца, но и пользоваться ими для наполненія кошелька своего; онъ вмѣстѣ и остроумный авторъ и тонкой свѣтской человѣкъ, и хитрой придворный и расчетистый купецъ. Теперь имѣетъ Бомарше всѣ средства и способы наслаждаться жизнію. Домъ его смотрятъ любопытные какъ диковинку богатства и вкуса; одинъ барельефъ надъ воротами стоитъ 30 или 40 тысячь ливровъ.

сынѣ его сѣ молодою своею невѣстою; тамѣ поля сѣ хлѣбомѣ, сельскія работы, трудящіеся земледѣльцы; словомѣ, все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять вѣ городской шумѣ. Карлѣ V говаривалѣ: Lutetia non urbs, sed orbis (Лютеція, то есть Парижѣ, есть не городѣ, а цѣлый міръ): что жь бы онѣ сказалѣ теперь, когда Лютеція его вдвое увеличилась своимѣ пространствомѣ, и вдвое умножилась числомѣ своихѣ обитателей? Вообразите себѣ 25,000 домовѣ вѣ 4, вѣ 5 этажей, которые сѣ верху до низу наполнены людьми! Вопреки всѣмѣ географическимѣ календарямѣ, Парижѣ многолюднѣе и Константинополя и Лондона, вмѣщая вѣ себѣ, по новому исчисленію, 1,130,450 жителей, между которыми полагается 150,000 иностранцевѣ и 200,000 слугѣ. Ступай здѣсь изѣ конца вѣ конецѣ города: вездѣ множество идущихѣ и ѣдущихѣ, вездѣ шумѣ и гамѣ, — на большихѣ и малыхѣ улицахѣ: а ихѣ вѣ Парижѣ около тысячи! Ночью вѣ 10, вѣ 11 часовѣ все еще живо, все движется и шумитѣ; вѣ первомѣ, во второмѣ часу встрѣчается еще много людей; вѣ третьемѣ и четвертомѣ слышите изрѣдка каретный стукѣ — однакожѣ сіи два часа можно назвать самыми тихими вѣ суткахѣ. Вѣ пятомѣ показываются

на улицахъ работники, Савояры, поденщики — и мало по малу весь городъ снова оживляется.

Теперь хотите ли осмотрѣть со мною славнѣйшія зданія въ Парижѣ? — Нѣтъ; оставимъ это до другаго времени; вы устали, я также: надобно перемѣнить матерію или — кончить.

Нынѣшній день обѣдалъ я у Господина Гло**, къ которому было у меня письмо изъ Женевы. Худо не знать обычаевъ: я пришелъ въ два часа, но въ домѣ совсѣмъ еще не думали принимать гостей. Хозяинъ, послѣ *утренней прогулки*, одѣвался въ своемъ кабинетѣ, а хозяйка занималась *утреннимъ чтеніемъ*. Минутъ черезъ десять вышла послѣдняя въ гостиную комнату, гдѣ я сидѣлъ одинъ у камина, перевертывая листы въ Мармонтелевой Поэтикѣ, которая лежала на экранѣ. Госпожа Гло** есть ученая дама лѣтъ въ тридцать, говоритъ по-Англійски, Италіянски, и (подобно Госпожѣ Неккеръ, у которой собирались нѣкогда д'Аланберты, Дидроты и Мармонтели) любитъ обходиться съ Авторами. Мы начали говорить о Литтературѣ, и съ жаромъ,

потому что Госпожа Гло** противорѣчила всѣмъ моимъ мнѣніямъ. На примѣръ, я сказалъ, что Расинъ и Вольтеръ лучшіе Французскіе Трагики; но она, по благосклонности своей, открыла мнѣ, что Шенье — есть богъ передъ ними. Я думалъ, что прежде писали во Франціи лучше, нежели нынѣ; но она сказала мнѣ, что въ домѣ у нее собирается около двадцати сочинителей, которые всѣ несравненны. Я хвалилъ дю-Пати: она увѣряла, что его въ Парижѣ не читаютъ; что онъ былъ хорошій Адвокатъ, но худой Авторъ и наблюдатель. Я хвалилъ Драму Рауля: она говорила объ ней съ презрѣніемъ. Однимъ словомъ, наши несогласія никогда бы не кончились, естьли бы слуга не растворилъ дверей, и не увѣдомилъ Гж. Гло** о пріѣздѣ гостей. Черезъ нѣсколько минутъ наполнилась горница Маркизами, Кавалерами Св. Людовика, Адвокатами, Англичанами; каждый гость подходилъ къ хозяйкѣ съ холоднымъ привѣтствіемъ. Послѣ всѣхъ явился хозяинъ, и завелъ разговоръ о партіяхъ, интригахъ, декретахъ Народнаго Собранія, и проч. и проч. Французы разсуждали, хвалили, критиковали; а молодые Англичане зѣвали. Я невольнымъ образомъ присталъ къ симъ послѣднимъ, и сердечно обрадовался, когда насъ позвали обѣдать.

Столѣ былѣ очень хорошѣ; но Риторы не умолкали. Между прочими отличалѣ себя одинѣ Адвокатѣ, который хотѣлѣ быть Министромѣ единственно для того, чтобы вѣ 6 мѣсяцовѣ заплатить всѣ долги Франціи, умножить втрое доходы ея, обогатить Короля, духовенство, дворянство, купцовѣ, художниковѣ, ремесленниковѣ. . . Тутѣ Господинѣ Гло* схватилѣ его за руку и сѣ важнымѣ видомѣ сказалѣ: «довольно, довольно, о великодушный человѣкѣ!» Я засмѣялся — кѣ щастію, не одинѣ. Впрочемѣ Адвокатѣ ни мало тѣмѣ не оскорбился, и продолжалѣ доказывать пользу своихѣ великихѣ плановѣ, относясь наиболѣе кѣ Неккерову брату, который обѣдалѣ вмѣстѣ сѣ нами, и который сѣ величайшимѣ терпѣніемѣ слушалѣ его. Такихѣ говоруновѣ нынѣ тьма вѣ Парижѣ, а особливо подѣ аркадами вѣ Пале-Рояль, и надобно имѣть очень здоровую голову, чтобы отѣ ихѣ краснорѣчія не чувствовать вѣ ней боли. — Подлѣ меня сидѣлѣ за столомѣ Англичанинѣ, человѣкѣ умный и важный, который, узнавѣ, что я Руской, расспрашивалѣ меня о нашемѣ климатѣ, образѣ жизни, и проч. Извѣстный путешественникѣ Коксѣ ему пріятель; онѣ вмѣстѣ сѣ нимѣ былѣ вѣ Швейцаріи и вѣ Германіи. — Мы встали изѣ-за-стола вѣ

пять часовъ, и хозяинъ сказалъ мнѣ, что я всякое Воскресенье могу обѣдать у него вмѣстѣ съ его пріятелями.

Еще было у меня письмо къ Господину Н*, старому Прованскому дворянину, отъ брата его *Эмигранта* (съ которымъ я познакомился въ Женевѣ, въ домѣ Госпожи К*). Онъ почти слѣпъ, глухъ, насилу ходитъ, и живетъ въ Парижѣ для молодой, нѣжной, томной, бѣлокурой, миловидной жены своей, которая любитъ спектакли и проч. Какая неровная чета! Можетъ ли такое супружество быть щастливо? думалъ я, смотря на Господина и Госпожу Н*, на Вулкана и Венеру, на мертвый Октябрь и цвѣтущій Май. О природа! въ царствѣ твоемъ растутъ ли подлѣ снѣговъ розы? — Меня приняли съ холодною ласкою, такъ какъ здѣсь обыкновенно чужестранцевъ принимаютъ; звали обѣдать, ужинать, и проч. Госпожа Н* сказала мнѣ, что нынѣ въ Парижѣ скучно; что она скоро поѣдетъ въ Швейцарію, поселится на той прекрасной горѣ близь Нёшателя, которую Руссо описалъ магическимъ перомъ своимъ въ письмѣ къ д'Аланберту, и будетъ жить тамъ щастливо въ объятіяхъ Натуры. Я похвалилъ ея піитическое намѣреніе.

Парижъ нынѣ не то, что онъ былъ. Грозная туча носится надъ его башнями, и помрачаетъ блескъ сего, нѣкогда пышнаго города. Златая роскошь, которая прежде царствовала въ немъ какъ въ своей любезной столицѣ — златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лице свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками; остался одинъ блѣдный лучь ея сіянія, который едва сверкаетъ на горизонтѣ, подобно умирающей зарѣ вечера. Ужасы Революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли; а тѣ, которые здѣсь остались, живутъ по большой части въ тѣсномъ кругѣ своихъ друзей и родственниковъ.

« Здѣсь » — сказалъ мнѣ Аббатъ Н*, идучи со мною по улицѣ St. Honoré, и указывая тростью на большіе домы, которые стоятъ нынѣ пустые — « здѣсь, по Воскресеньямъ, у Маркизы Д* съѣзжались самыя модныя Парижскія Дамы, знатные люди, славнѣйшіе *остроумцы* (beaux esprits); одни играли въ карты, другіе судили о житейской философіи, о нѣжныхъ чувствахъ, пріятностяхъ, красотѣ, вкусѣ — тутъ, по Четвергамъ, у Графини А* собирались глубокомысленные Политики обоего пола, сравнивали Мабли съ

Ж. Жакомъ и сочиняли планы для новой Утопіи — тамъ, по Суббoтамъ, у Баронессы Ф* читалъ М* примѣчанія свои на Книгу Бытія, изъясняя любопытнымъ женщинамъ свойство древняго Хаоса, и представляя его въ такомъ ужасномъ видѣ, что слушательницы падали въ обморокъ отъ великаго страха. Вы опоздали пріѣхать въ Парижъ; щастливыя времена исчезли; пріятные ужины кончились; *хорощее общество* (la bonne compagnie) разсѣялось по всѣмъ концамъ земли. Маркиза Д* уѣхала въ Лондонъ, Графиня А* въ Швейцарію, а Баронесса Ф* въ Римъ, чтобы постричься тамъ въ монахини. Порядочный человѣкъ не знаетъ теперь, куда дѣваться, что дѣлать, и какъ провести вечеръ.«

Однакожъ Аббатъ Н*, (къ которому привезъ я письмо изъ Женевы отъ брата его, Графа Н*) признался мнѣ, что Французы давно уже разучились веселиться въ обществахъ, такъ какъ они во время Людовика XIV веселились, на примѣръ въ домѣ извѣстной Маріоны де-Лормъ, Графини де-ла-Сюзъ, Нинoны Ланкло, гдѣ Вольтеръ сочинялъ первые стихи свои; гдѣ Вуатюръ, Сентъ-Эвремонъ, Саразень, Граммонъ, Менажъ, Пелиссонъ, Гено, блистали остроуміемъ, сыпали Аттическую соль на общій раз-

говорЪ и были законодателями забавЪ и вкуса. — «ЖанЪ Ла (или ЛасЪ), продолжалЪ мой АббатЪ, ЖанЪ Ла нещастною выдумкою Банка погубилЪ и богатство и любезность ПарижскихЪ жителей, превративЪ нашихЪ забавныхЪ МаркизовЪ вЪ торгашей и ростовщиковЪ; гдѣ прежде раздроблялись всѣ тонкости общественнаго ума, гдѣ всѣ сокровища, всѣ оттѣнки Французскаго языка истощались вЪ пріятныхЪ шуткахЪ, вЪ острыхЪ словахЪ, тамЪ заговорили. . . . о цѣнѣ банковыхЪ ассигнацій, и домы, вЪ которыхЪ собиралось лучшее общество, сдѣлались биржами. Обстоятельства перемѣнились — ЖанЪ Ла бѣжалЪ вЪ Италію — но истинная Французская веселость была уже сЪ того времени рѣдкимЪ явленіемЪ вЪ ПарижскихЪ собраніяхЪ. Начались страшныя игры; молодыя дамы сЪѣзжались по вечерамЪ для того, чтобы разорять другЪ друга, метали карты на право и на лѣво, и забывали искусство Грацій, искусство нравиться. ПотомЪ вошли вЪ моду попугаи и Экономисты, *Академическія интриги* и Энциклопедисты, *каланбуры* и МагнетизмЪ, Химія и Драматургія, Метафизика и Политика. Красавицы сдѣлались Авторами, и нашли способЪ . . . . усыплять самыхЪ своихЪ любовниковЪ. О спектакляхЪ, Оперѣ,

балетахЪ говорили мы наконецЪ математическими посылками, и числами изЪясняли красоты Новой Элоизы. ВсѢ философствовали, важничали, хитрили, и вводили вЪ языкЪ новыя странныя выраженія, которыхЪ бы РасинЪ и Депрео понять не могли или не захотѢли — и я не знаю, кЪ чему бы мы наконецЪ должны были прибѢгнуть отЪ скуки, естьлибы вдругЪ не грянулЪ надЪ нами громЪ Революціи.«

ТутЪ мы разстались сЪ АббатомЪ.

Вчера, вЪ придворной церкви, видѢлЪ я Короля и Королеву. Спокойствіе, кротость и добродушіе изображаются на лицѢ перваго, и я увѢренЪ, что никакое злое намѢреніе не раждалось вЪ душѢ его. Есть на свѢтѢ щастливые характеры, которые по природному чувству не могутЪ не любить и не дѢлать добра: таковЪ сей Государь! ОнЪ можетЪ быть злополученЪ; можетЪ погибнуть вЪ шумящей бурѢ — но правосудная Исторія впишетЪ Людовика XVI вЪ число благодѢтельныхЪ Царей, и другЪ человѢчества прольетЪ вЪ память его слезу сердечную. — Королева, не смотря на всѢ удары рока, прекрасна и величественна, подобно розѢ, на которую

вѣютъ холодные вѣтры, но которая сохраняетъ еще цвѣтъ и красоту свою. Марія рождена быть Королевою. Видъ, взоръ, усмѣшка — все показываетъ необыкновенную душу. Не льзя, чтобы ея сердце не страдало; но она умѣетъ сокрывать горесть свою, и на свѣтлыхъ глазахъ ея не примѣтно ни одного облачка. Улыбаясь такъ, какъ Граціи улыбаются, перебирала она листочки въ своемъ молитвенникѣ, взглядывала на Короля, на Принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сестра Королевская, молилась съ великимъ усердіемъ и набожностію; мнѣ казалось, что по лицу ея катились слезы. — Въ церкви было множество народу, такъ что я отъ жару и духоты упалъ бы въ обморокъ, есть-ли бы одна дама, примѣтивъ мою блѣдность, не подала мнѣ спирту. Всѣ люди смотрѣли на Короля и Королеву, еще болѣе на послѣднюю; иные вздыхали, утирали глаза свои бѣлыми платками; другіе смотрѣли безъ всякаго чувства, и смѣялись надъ бѣдными монахами, которые пѣли вечерню. — На Королѣ былъ фіолетовый кафтанъ; на Королевѣ, Елисаветѣ и Принцессѣ черныя платья, съ простымъ головнымъ уборомъ. — Дофина видѣлъ я въ Тюльери. Прекрасная, нѣжная Ланбаль, которой

Флоріанъ посвятилъ сказки свои, велъ его за руку. Милой младенецъ! Ангелъ красоты и невинности! Какъ онъ, въ темномъ своемъ камзольчикѣ, съ голубою лентою черезъ плечо, прыгалъ и веселился на свѣжемъ воздухѣ! Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди смотрѣть его, и всѣ безъ шляпъ; всѣ съ радостію окружали любезнаго младенца, который ласкалъ ихъ взоромъ и усмѣшками своими. Народъ любитъ еще кровь Царскую!

Парижъ, Апрѣля.... 1790.

Говорить ли о Французской Революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, отъ зефирныхъ Французовъ, которые славились своею любезностію, и пѣли съ восторгомъ отъ Кале до Марсели, отъ Перпиньяна до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi - - -
Для любезнаго народа
Щастье добрый Государь?

Не думайте однакожь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая

играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы; одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ щастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками Трона.

Съ 14 Іюля всѣ твердятъ во Франціи объ Аристократахъ и Демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими именами, по большой части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенькѣ близь Парижа крестьяне остановили молодаго, хорошо одѣтаго человѣка, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: vive la nation! *да здравствуетъ нація!* Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: vive la nation! *Хорошо! хорошо!* сказали они: *мы довольны. Ты добрый Французъ; ступай, куда хочешь. Нѣтъ, постой: изъясни намъ прежде, что такое.... нація?* —

Разсказываютъ, что маленькой Дофинъ, играя съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: *ты Аристократъ, великой Аристократъ, бѣлка!* Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ Маркизъ, который былъ нѣкогда осыпанъ Королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю ролю между непріятелями Двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: que faire? j'aime les te-te-troubles! *что дѣлать? я люблю мяте-те-тежи!* Маркизъ заика.

Но читалъ ли Маркизъ исторію Греціи и Рима? помнитъ ли цыкушу и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверстый гробъ для добродѣтели и — самаго злодѣйства.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. *Утопія* (*) будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, по-

(*) Или *царство щастія*, сочиненія Моруса.

средствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ Свой планъ; въ Его рукѣ сердца Государей — и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны, и живутъ тихо. Французская Монархія производила великихъ Государей, великихъ Министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ. . . . Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: *мы лучше сдѣлаемъ!*

Новые Республиканцы съ порочными сердцами! развернитe Плутарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго,

добродѣтельнаго Республиканца, Катона, что *безначаліе хуже всякой власти!* —

Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько стиховъ изъ Рабеле, въ которыхъ знакомецъ мой, Аббатъ Н*, находитъ предсказаніе нынѣшней революціи.

Gargantua, ch. LVIII.

Énigme et Prophetie.

Je fays sçavoir à qui le veut entendre,
Que cet hyver prochain, sans plus attendre,
En ce lieu où nous sommes,
Il sortira une maniere d'hommes,
Las du repos et faschez du séjour,
Qui franchement iront, et de plein jour,
Suborner gents de toutes qualitez,
A differends et partialitez,
Et qui voudra les croire et escouter,
Quoy qu'il en doive advenir et couter.
Ils feront mettre en debats apparents
Amys entre eux et les proches parents.
Le fils hardi ne craindra l'impropere
De se bander contre son propre pere.
Mesme les Grands, de noble lieu saillis,
De leurs subjects se verront assaillis,
Et sur ce point naistra tant de meslées,
Tant de discords, venuës et allées,
Que nulle histoire, où sont les grands merveilles,
N'a fait récit d'émotions pareilles.
Alors auront non moindre authorité
Hommes sans foy, que gents de verité;

Car touts suivront la creance et estude
De l'ignorante et sotte multitude,
Dont le plus lourd sera reçu pour juge.
O dommageable et penible deluge!
Deluge, dis-je, et à bonne raison;
Car ce travail ne perdra sa saison,
Et n'en sera la terre delivrée,
Jusques à tant qu'elle soit ennyvrée
De flots de sang. . . .

Французской старинный языкЪ, можетЪ быть, для васЪ теменЪ. Я переведу:
„ОбЪявляю всѣмЪ, кто хочетЪ знать, „что не далѣе, какЪ вЪ слѣдующую зи„му, увидимЪ во Франціи злодѣевЪ, кото„рые явно будутЪ развращать людей „всякаго состоянія, и поссорятЪ друзей „сЪ друзьями, родныхЪ сЪ родными. Дерз„кой сынЪ не побоится возстать про„тивЪ отца своего, и рабЪ противЪ гос„подина, такЪ, что вЪ самой чудесной „Исторіи не найдемЪ примѣровЪ подоб„наго раздора, волненія и мятежа. Тогда „нечестивые, вѣроломные сравнются „властію сЪ добрыми; тогда глупая чернь „будетЪ давать законы, и безсмыслен„ные сядутЪ на мѣсто судей. О страш„ный, гибельный потопЪ! *потопЪ*, гово„рю: ибо земля освободится отЪ сего „бѣдствія не иначе, какЪ *упившись кро„вію*."

Парижъ, Апрѣля....

Вѣ Четвертокѣ, вѣ Пятницу и вѣ Субботу на Страстной недѣлѣ бывало здѣсь славное гулянье вѣ алеяхѣ Булонскаго лѣсу; *бывало:* потому что нынѣшнее, мною видѣнное, совсѣмѣ не могло войти вѣ сравненіе сѣ прежними, для которыхѣ богачи и щеголи нарочно заказывали новые экипажи, и гдѣ четыре, пять тысячь каретѣ, одна другой лучше, блистательнѣе, моднѣе, являлись глазамѣ зрителей. Я ходилѣ туда пѣшкомѣ, и видѣлѣ около тысячи экипажей, но ни одного великолѣпнаго. Это гулянье напомнило мнѣ наше Московское, 1 Мая. Также карета за каретою, отѣ Елисейскихѣ полей до монастыря Longchamp. Народѣ стоялѣ вѣ два ряда подлѣ дороги, шумѣлѣ, кричалѣ и смѣялся непристойнымѣ образомѣ надѣ гуляющими. На примѣрѣ; « Смо-
»трите! вотѣ ѣдетѣ торговка изѣ рыб-
»наго ряда сѣ своею сосѣдкою, башмаш-
»ницею! Вотѣ красный носѣ, самый длин-
»ный во всемѣ Парижѣ! Вотѣ молодая
»кокетка вѣ 70 лѣтѣ: влюбляйтесь!
»Вотѣ Кавалерѣ Св. Людовика сѣ моло-
»дою женою и сѣ рогами! Вотѣ Фило-
»софѣ, который продаетѣ свой умѣ за
»двѣ копѣйки!» — Молодые франты прыгали на Англійскихѣ коняхѣ, заглядывали

вѣ каждую карету и дразнили чернь: allons, allons, mes amis! de l'esprits, de l'esprits! Bon; c'est de la vraie gaieté Parisienne! Другіе бродили пѣшкомѣ, сѣ длинными деревянными саблями вмѣсто тростей, pour se confondre avec le peuple.—Прежде болѣе всего отличались тутѣ славныя жрицы Венерины; онѣ выѣзжали вѣ самыхѣ лучшихѣ экипажахѣ. Одна молодая Актриса разорвала связь свою сѣ Графомѣ Д*, прекраснымѣ мущиною. Ея знакомыя удивлялись. »Чему дивиться?« сказала имѣ Актриса: »онѣ чудовище, извергѣ: »онѣ не хотѣлѣ подарить мнѣ новой ка- »реты для Булонскаго гулянья. Я должна »была предпочесть ему стараго Марки- »за, который заложилѣ всѣ бриліанты »жены своей, чтобы купить мнѣ самую »дорогую карету вѣ Парижѣ!«

Я прошелѣ вѣ монастырь Longchamp, видѣлѣ гробницу Изабеллы, сестры Людовика Святаго, и двѣ остроумныя надписи подѣ монументомѣ отца Фременя и брата Франциска Серафима. Первая:

Fremin, tu fais fremir le sort,
Et ton nom vit malgré la mort.

Другая: Qui la vie a vecu de François Seraphique,
80 ans sur terre, au Ciel vit l'angelique.

Парижъ, Апрѣля 29, 1790.

Нынѣ цѣлый день просидѣлъ я въ комнатѣ своей, одинъ, съ головною болью; но когда стало смеркаться, вышелъ на Pont neuf (*), и облокотясь на подножіе Генриковой статуи, смотрѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, какъ тѣни ночныя мѣшались съ умирающимъ свѣтомъ дня; какъ звѣзды на небѣ, а фонари на улицахъ засвѣчались. Съ пріѣзду моего въ Парижъ всѣ вечера безъ изключенія проводилъ я въ спектакляхъ, и потому около мѣсяца не видалъ сумерекъ. Какъ они хороши весною, даже и въ шумномъ, немиловидномъ Парижѣ!

Цѣлый мѣсяцъ быть всякой день въ спектакляхъ! быть, и не насытиться ни смѣхомъ Таліи, ни слезами Мельпомены! . . . и всякой разъ наслаждаться ихъ пріятностями съ новымъ чувствомъ! . . . Самъ дивлюсь; но это правда.

Правда и то, что я не имѣлъ прежде достаточнаго понятія о Французскихъ театрахъ. Теперь скажу, что они доведены, каждой въ своемъ родѣ, до возможнаго совершенства, и что всѣ части спектакля составляютъ здѣсь прекрасную гармонію, которая самымъ пріятнѣй-

(*) Такъ называемой *новый мостъ*, близъ котораго я жилъ.

шимЪ образомЪ дѣйствуетЪ на сердце зрителя.

ВЪ ПарижѢ пять главныхЪ ТеатровЪ: Большая Опера, такЪ называемый Французской ТеатрЪ (les François), Италіанской (les Italiens), Графа Прованскаго (théâtre de Monsieur) и Variétés — всякой день играютЪ на нихЪ, и всякой день (подивитесь ФранцузамЪ!) бываютЪ они наполнены людьми, такЪ что вЪ 6 часовЪ вы едва ли гдѣ нибудь найдете мѣсто.

Кто былЪ вЪ Парижѣ, говорятЪ Французы, и не видалЪ Большой Оперы, подобенЪ тому, кто былЪ вЪ Римѣ и не видалЪ Папы. ВЪ самомЪ дѣлѣ, она есть нѣчто весьма великолѣпное, и наиболѣе по своимЪ блестящимЪ декораціямЪ и прекраснымЪ балетамЪ. Здѣсь видите вы — то поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютЪ души праведныхЪ; гдѣ вѣчная весна зеленѣетЪ; гдѣ слухЪ вашЪ плѣняется тихими звуками лирЪ; гдѣ все любезно, восхитительно — то мрачный ТартарЪ, гдѣ вздохи умирающихЪ волнуютЪ страшный АхеронЪ; гдѣ шумЪ чернаго Коцита и Стикса заглушается стенаніемЪ и плачемЪ бѣдствія; гдѣ волны Флегетона пылаютЪ; гдѣ ТанталЪ, ИксіонЪ и Данаиды вѣчно страдаютЪ, и не видятЪ конца своимЪ мученіямЪ; гдѣ свѣтлая Лета томнымЪ журчаніемЪ призываетЪ

нещастныхъ къ забвенію житейскихъ заботъ и горестей. Здѣсь видите, какъ Орфей скитается въ черныхъ лѣсахъ подземнаго царства; какъ Фуріи терзаютъ Ореста; какъ Язонъ сражается съ огнемъ, съ пламенемъ и съ чудовищами; какъ раздраженная Медея, проклиная неблагодарность людей, летитъ съ громомъ и молніею на вершину Кавказа; какъ Египтяне въ печальныхъ хорахъ оплакиваютъ смерть добродѣтельнаго Царя своего, и какъ горестная Нефта, надъ великолѣпнымъ памятникомъ супруга, клянется вѣчно боготворить его въ сердцѣ своемъ; какъ Ринальдо таетъ въ восторгѣ у ногъ пламенной Армиды, среди безчисленныхъ красотъ волшебнаго искусства, разсѣянныхъ въ садахъ ея; какъ Діана спускается на свѣтломъ облакѣ, цѣлуетъ Эндиміона, и блестящими слезами страстную грудь свою орошаетъ; какъ величественная Калипса истощаетъ всѣ возможныя очарованія, чтобы плѣнить юнаго Телемака; какъ рѣзвыя, милыя Нимфы — одна другой рѣзвѣе, одна другой милѣе — окружаютъ его съ арфами и лирами, играютъ и поютъ любовь, и каждымъ сладострастнымъ движеніемъ говорятъ ему: *люби! люби!* какъ нѣжный Телемакъ колеблется, чувствуетъ слабость свою, забываетъ совѣты Мудро-

сти, и . . . сверженный благодѣтельною рукою Ментора, летитъ съ высокаго каменнаго берега въ шумящее море: летитъ вмѣстѣ съ душею зрителей.

Все сіе такъ живо, такъ естественно, что я тысячу разъ забывался, и принималъ искусственное подражаніе за самую натуру. Едва могу вѣрить глазамъ своимъ, видя быструю перемѣну декорацій. Въ одно мгновеніе рай превращается въ адъ; въ одно мгновеніе проливаются моря, тамъ, гдѣ луга зеленѣли, гдѣ цвѣты разцвѣтали, и гдѣ пастухи на свирѣляхъ играли; свѣтлое небо покрывается густымъ мракомъ, черныя тучи несутся на крыльяхъ ревущей бури, и зритель трепещетъ въ душѣ своей; еще одинъ мигъ, и мракъ исчезаетъ, и тучи скрываются, и бури умолкаютъ, и сердце ваше свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ видимыми предметами.

Не смотря на множество здѣшнихъ искусныхъ танцовщиковъ, Вестрисъ сіяетъ между ими какъ Сиріусъ между звѣздами. Всѣ его движенія такъ пріятны, такъ живы, такъ выразительны, что я всегда смотрю, дивлюсь и не могу самъ себѣ изъяснить удовольствія, которое доставляетъ мнѣ сей единственный танцовщикъ; легкость, стройность, гармонія, чувство, жизнь — все соединяется вмѣстѣ, и естьли можно быть Риторомъ

безъ словъ, то Вестрисъ въ своемъ родѣ Цицеронъ. Никакіе стихотворцы не опишутъ того, что блистаетъ въ его глазахъ, что выражаетъ игра его мускуловъ, когда милая, стыдливая пастушка говоритъ ему нѣжнымъ взоромъ: *люблю!* когда онъ, бросаясь къ ея сердцу, призываетъ небо и землю во свидѣтели своего блаженства. Живописецъ положитъ кисть, и скажетъ только: «Вестрисъ!» — Гардель безподобенъ въ трагической пантомимѣ. Какое величество! Герой въ каждомъ взорѣ, герой въ каждомъ движеніи! Вестрисъ питомецъ милыхъ Грацій; а Гардель ученикъ важныхъ Музъ. — Нивлонъ есть второй Вестрисъ. О другихъ танцовщикахъ скажу только, что они составляютъ прекрасную группу живописныхъ фигуръ, плѣнительную для зрѣнія. — Когда же являются на сценѣ Терпсихорины Нимфы, какъ будто бы на крыльяхъ Зефира принесенныя, тогда сцена кажется мнѣ весеннимъ лугомъ, на которомъ пестрѣютъ безчисленные цвѣты; взоръ теряется между разнообразными красотами — но любезная Периньйонъ и прелестная Миллеръ подобны пышной розѣ и гордой лилеѣ, которыя отличаются отъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Лаисъ, Шенаръ, Лене, Руссо — вотъ первые пѣвцы Оперы; и естьли вѣрить

Французамъ, то никогда и никакая земля не производила лучшихъ. Они нравятся мнѣ не только пѣніемъ, но и самою игрою: два таланта, которые не всегда бываютъ вмѣстѣ! Маркези никогда не могъ тронуть меня такъ, какъ Лаисъ и Шенаръ трогаютъ. Пусть смѣются надъ моею простотою и невѣжествомъ; но въ голосѣ сего славнаго Италіянскаго пѣвца нѣтъ того, что для меня всего любезнѣе — нѣтъ души! Вы спросите, что я разумѣю подъ сею душею? Не умѣю изъяснить; однакожь чувствую. Ахъ! какой Маркези можетъ пѣть такъ хорошо:

J'ai perdu mon Eurydice:
Rien n'égale mon malheur!

какой Италіянской получеловѣкъ можетъ пѣть сію несравненную Глукову арію съ такимъ сердечнымъ выраженіемъ, какъ Руссо, молодой, статный, прекрасный Руссо, достойный Эвридики?

Мальяръ есть теперь первая пѣвица. Вы слыхали о Сент-Юберти: ее уже нѣтъ! Говорятъ, что она сошла съ ума. Любители Оперы воспоминаютъ объ ней почти со слезами.

Симъ декораціямъ, балетамъ, пѣвцамъ, совершенно отвѣчаетъ и оркестръ, составленный изъ лучшихъ музыкантовъ

Парижа. Однимъ словомъ, любезные друзья, здѣсь торжествуютъ Искусства на высочайшей степени совершенства, и всѣ вмѣстѣ производятъ въ зрителѣ чувство, которое безъ всякой гиперболы можно назвать восхищеніемъ. — Такой спектакль требуетъ конечно большихъ издержекъ. Не смотря на то, что за входъ въ ложи и въ паркетъ платятъ (на наши деньги) рубли по два и по три; не смотря на то, что всѣ сіи дорогія мѣста бываютъ наполнены людьми, Опера стоила Двору, по счету Неккерову, около трехъ или четырехъ милліоновъ въ годъ.

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. — Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о Французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) Нѣмцовъ. Французскіе Поэты имѣютъ тонкой, нѣжный вкусъ, и *въ искусствѣ писать* могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго *чувства Натуры* — простите мнѣ священныя тѣни Корнелей,

Расиновъ и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большой части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ Греки и Римляне à la Françoise, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ Автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir; они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (situations), и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою (*).

(*) Я прошу знатоковъ Французскаго Театра найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ что нибудь подобное — на примѣръ симъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго

Коротко сказать, творенія Французской Мельпомены славны — и будутъ

собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе — скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ.

Blow winds . . . rage, blow!
You sulph'rous and thought-executing fires,
Vauntz couriers of oak-cleaving thunder-bolts,
Singe my white head! And thou allshaking thunder,
Strike flat the thick rotundity o'th' world;
Crack nature's mould, all germins spill at once,
That make ingrateful man! . . .
I tax not you, you elements, with unkindness!
I never gave you kingdom, call'd you children;
. . . Then let fall
Your horrible pleasure! . . . Here I stand, your slave,
A pour, infirm, weak and despis'd old man!

(,,Шумите вѣтры, свирѣпствуй буря! Сѣрные, ,,быстрые огни, предтечи разрушительныхъ ,,ударовъ! лейте пламя на бѣлую главу мою! . . . ,,Громы, громы! сокрушите зданіе міра; сокрушите образъ натуры и человѣка, неблагодарнаго ,,человѣка! . . . Не жалуюсь на вашу свирѣпость, ,,разъяренныя стихіи! Я не отдавалъ вамъ царства, не именовалъ васъ милыми дѣтьми своими! И такъ свирѣпствуйте по волѣ! Разите — ,,се я, рабъ вашъ, бѣдный, слабый, изнуренный ,,старецъ, отверженный отъ человѣчества!")

Они раздираютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: *какой характеръ, какую душу имѣлъ Леаръ?*

всегда славны — красотою слога и блестящими стихами; но естьли Трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ быть ни двухъ истинныхъ трагедій — и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Когдаже онѣ непремѣнно должны быть играны, то по крайней мѣрѣ надобно для нихъ такихъ актеровъ, какъ ла-Ривъ, Сен-При, Сен-Фаль, и такихъ актрисъ, какъ Сенваль, Рокуръ, и проч. которые заступили нынѣ мѣсто Барона и ле-Кеня, ла-Куврёръ и Клеронъ. Вотъ декламація! вотъ *дѣйствіе!* Благородство въ видѣ, величавость въ поступи, ясность, чистота въ произношеніи, и въ каждомъ словѣ душа, то есть, всякая Поэтова мысль оттѣнена, всякая мысль выражена свойственнымъ ей тономъ, и въ гармоніи съ игрою глазъ, съ движеніемъ руки; вездѣ живопись, вездѣ картины — и естьли зритель, не смотря на сіе утонченіе искусства, остается холоденъ, то конечно не актеры виноваты.

Ла-Ривъ царь на сценѣ. Совершенно Греческая фигура и рѣдкой органъ! — Сей актеръ совсѣмъ-было простился съ театромъ. Разсказываютъ, что онъ, не

любя молодой актрисы Дегарсень (которую можно назвать живымъ образомъ слабой томности), старался всячески замѣшивать ее въ игрѣ. Публика съ неудовольствіемъ примѣтила сію непохвальную черту сердца его, и славный ла-Ривъ былъ освистанъ партеромъ; послѣ чего онъ скрылся, и клялся никогда уже не выходить на сцену. Но — гдѣ клятва, тутъ и преступленіе. Два года бездѣйствія ему наскучили. Привыкшій къ хвалѣ и рукоплесканіямъ, безъ нихъ не могъ быть щастливъ, сражался самъ съ собою, и наконецъ, оставя всѣ сомнѣнія, снова явился на сценѣ въ ролѣ Эдипа. Я видѣлъ его. Ужасное стеченіе людей! Не говоря о паркетѣ, ложахъ, партерѣ — самый оркестръ былъ наполненъ зрителями, которымъ музыканты уступили свои мѣста. Въ пять часовъ начался стукъ и топотъ нетерпѣнія; въ половинѣ шестаго поднялся занавѣсъ — и все утихло. Первое явленіе — Эдипа нѣтъ — молчаніе царствовало. Но лишь только Димасъ сказалъ: Oedipe en ces lieux va paraitre, страшныя рукоплесканія загремѣли, которыя продолжались до самой той минуты, какъ ла-Ривъ вышелъ, въ великолѣпной Греческой, бѣлой одеждѣ, распустивъ по плечамъ русые волосы, и гордо-смиреннымъ наклоненіемъ головы изъявилъ

публикѣ благодарную свою чувствительность. — Въ теченіи всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, какъ Французы говорятъ, превосходилъ въ искусствѣ самаго себя, не жалѣя бѣдной своей груди. Не понимаю, какъ онъ могъ выдержать до конца трагедіи; не понимаю, какъ и зрители не устали отъ рукоплесканія. Въ той сценѣ, гдѣ Эдипъ узнаетъ, что онъ умертвилъ отца; что онъ супругъ своей матери; узнаетъ, и страшнымъ образомъ проклинаетъ судьбу (*), я почти оцѣпенѣлъ. Никакая кисть не изобразитъ того, что свирѣпствовало на лицѣ ла-Рива въ сію минуту: ужасъ, грызеніе сердца, отчаяніе, гнѣвъ, ожесточеніе, и все, все, чего не могу вы-

(*) Въ слѣдующихъ стихахъ:

Un Dieu plus fort que moi m'entrainait vers le crime,
Sous mes pas fugitifs il creusait un abime,
Et j'étais, malgré moi, dans mon aveuglement,
D'un pouvoir inconnu l'esclave et l'instrument
Voilà tous mes forfaits; je n'en connais point d'autres.
Impitoyables Dieux, mes crimes sont les vôtres,
Et vous m'en punissez?... Où suis je? quelle nuit
Couvre d'un voile affreux la clarté qui nous luit?
Ces murs sont teints de sang; je vois les Eumenides
Secouer leurs flambeaux vengeurs des patricides.
Le tonnere en éclats semble fondre sur moi;
L'enfer s'ouvre....

разить словами. Зрители ахнули, когда онъ, терзаемый, гонимый Фуріями, бросился со сцены и ударился головою о перистиль, такъ что всѣ колонны задрожали. Вдали слышны были его стенанія. — Публика не насытилась еще Эдипомъ своимъ, и по окончаніи піесы вызвала бѣднаго ла-Рива на сцену. Актриса Рокуръ, которая представляла Іокасту, держала его за руку; едва могъ онъ сказать два или три слова, и готовъ былъ упасть на землю — занавѣсъ опустился. —

Сен-При играетъ однѣ роли съ ла-Ривомъ: искусный актеръ съ великими талантами, но не ла-Ривъ. — Сен-Фаль представляетъ любовниковъ въ трагедіяхъ и драмахъ: молодой, статный человѣкъ пріятнаго вида. Въ Корнелевомъ *Сидѣ* онъ восхищаетъ публику. Такъ надобно играть Родрига, кромѣ двухъ или трехъ сценъ, гдѣ я не совершенно доволенъ былъ игрою сего актера. На примѣръ, описывая Королю сраженіе съ Маврами, излишно старался онъ выразить въ голосѣ своемъ — сперва тишину ночи, а потомъ шумъ битвы, стукъ мечей и проч. Французы хлопали; но тѣ, которые размышляли о правилахъ истинной мимики, не могутъ любить такого неестественнаго подражанія. — Сен-Валь, первая трагическая актриса, хотя слишкомъ стара и

немиловидна для роли любовницъ, однакожь нравится блестящимъ своимъ искусствомъ и жаромъ игры. — Рокуръ есть совершенная Медея, и потому въ сей ролѣ она несравненна. Величественная фигура, большіе черные глаза, которые между густыми ресницами сіяютъ какъ молніи ночью; волосы какъ вороново крыло; всѣ черты лица правильны, но не милы; красота безъ нѣжности; суровость въ самой улыбкѣ; голосъ твердый и проницательный — однимъ словомъ, Медея. И теперь вижу я, какъ развѣвается на ней огненная мантія, съ волшебными знаками, и какъ ужасно сверкаетъ острый кинжалъ въ рукахъ раздраженной полубогини, сверкаетъ вмѣстѣ съ ея взоромъ. Одна Рокуръ можетъ сказать такъ разительно сіи слова:

Le destin de Medée est d'être criminelle;
Mais son coeur étoit fait pour aimer la vertu.

Славная актриса Конта — славная своею красотою и кокетствомъ болѣе, нежели театральною игрою — представляетъ роли любовницъ въ комедіяхъ и драмахъ, иногда и въ трагедіяхъ. Ей теперь за тридцать лѣтъ; но она все еще хороша, и партеръ наполненъ ея обожателями, щастливыми и нещастными. Сказываютъ, что одинъ молодой Графъ

отъ любви къ ней сошелъ съ ума, и заключился въ Картезіанскомъ монастырѣ. Никогда не бываетъ она такъ прелестна, какъ въ новой піесѣ le Couvent. Черное платье, бѣлое покрывало, видъ невинности, чистосердечія. . . . . ахъ, бѣдный Графъ! я вѣрю твоему сумасшествію! — Зрители всегда заставляютъ ее нѣсколько разъ повторять арію:

L'attrait qui fait chérir ces lieux,
Est le charme de l'innocence.

Несказанно-пріятный голосъ! — Но никто изъ актеровъ сего театра не дѣлаетъ мнѣ столько удовольствія, какъ Моле, единственный, несравненный Моле, играющій по большой части ролю отцевъ въ комедіяхъ. Нашъ Померанцевъ кажется ученикомъ его. Я два раза удивлялся ему въ Мольеровомъ и Фабровомъ Мизантропѣ, и два раза плакалъ отъ него въ *Монтескьё*, Мерсьеровой драмѣ. Такой благородный видъ, такую улыбку добродушія, человѣколюбія, обходительности, надлежало имѣть Автору безсмертной книги о *законахъ* (*)!

Я не буду говорить о другихъ комическихъ актерахъ сего Театра: ихъ много.

(*) То есть, въ сей драмѣ Моле представляетъ благодѣтельнаго Монтескьё.

— Но въ заключеніе скажу, что Талія Британская и Талія Германіи должны уступить преимущество Французской. Англійскія комедіи по большой части или скучны, или грубы, неблагопристойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а Нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ не достойны вниманія.

Такъ называемый Италіанской Театръ, но гдѣ играютъ однѣ Французскія мелодрамы, есть мой любимый спектакль: я бываю въ немъ чаще, нежели въ другихъ, и всегда съ великимъ удовольствіемъ слушаю музыку Французскихъ сочинителей, восхищаюсь игрою славной актрисы Дюгазонъ и пѣніемъ Розы Рено, милой дѣвушки лѣтъ въ двадцать, которую публика до небесъ превозноситъ, и которая въ самомъ дѣлѣ есть теперь лучшая пѣвица въ Парижѣ.

Мнѣ полюбились двѣ новыя мелодрамы, играемыя на семъ Театрѣ: Рауль *синяя борода* и Петръ Великій. Содержаніе первой взято изъ старинной сказки и очень, очень театрально. Рауль, богатый дворянинъ, влюбляется въ Розалію, любезную дѣвушку, сестру одного небогатаго рыцаря, и предлагаетъ ей руку свою, вмѣстѣ съ блестящими подарками. Красавица чувствуетъ нѣкото-

рую склонность къ молодому Вержи, который любитъ ее страстно: но, ахъ! бѣдный Вержи не имѣетъ ничего, кромѣ добраго, нѣжнаго сердца — а доброе и нѣжное сердце не всегда замѣняетъ, въ глазахъ красавицъ, дары щастія. Богатство Раулево ослѣпляетъ Розалію. Она разсматриваетъ подарки . . . какое великолѣпіе! какой вкусъ! Болѣе всего нравится ей прекрасный головной уборъ, осыпанный бриліантами; она надѣваетъ его, подходитъ къ зеркалу . . . и подаетъ руку гордому Раулю. Бѣдный Вержи плачетъ, и скрывается. Розалія живетъ въ огромномъ замкѣ, гдѣ все служитъ ей какъ богинѣ, гдѣ все льститъ ея суетности. Иногда, но очень рѣдко, вылетаетъ вздохъ изъ невѣрной груди; иногда, но очень рѣдко кажется ей, что съ добрымъ, пламеннымъ Вержи была бы она щастливѣе, нежели съ холоднымъ своимъ супругомъ.— Скоро Рауль ѣдетъ — не извѣстно куда — и прощаясь съ красавицею, отдаетъ ей ключь отъ одной запертой комнаты. «Естьли не хочешь моей погибели, говоритъ онъ: естьли не хочешь сама погибнуть, то не будь любопытна!» Розалія клянется — въ чемъ иногда не клянутся милыя женщины? — клянется, и черезъ двѣ минуты . . . отпираетъ дверь . . . Вообразите ужасъ

ея! ... Она видитъ головы двухъ прежнихъ Раулевыхъ женъ, съ огненною надписью: *вотъ доля твоя!* (Раулю было пророчество, что любопытство жены погубитъ его; для того онъ испытывалъ супругъ своихъ, и умерщвлялъ ихъ за сію слабость, надѣясь спасти тѣмъ собственную жизнь) — Дюгазонъ представляетъ Розалію. Блѣдная, съ распущенными волосами, она бросается на кресли, и поетъ дрожащимъ голосомъ:

Ah! quel sort
Le barbare
Me prepare!
C'est la mort!
C'est la mort!

Въ сію минуту является Вержи, въ женскомъ платьѣ, подъ именемъ Розаліиной сестры. Какое свиданіе! Должно спасти погибающую; но какъ? Вержи безъ оружія, среди множества непріятелей. Одно средство остается: увѣдомить обо всемъ Розаліина брата. Вержи отправляетъ къ нему письмо съ конюшимъ своимъ. — Между тѣмъ Рауль возвращается; онъ знаетъ все, и грознымъ голосомъ велитъ Розаліи готовиться къ смерти. Ни слезы, ни жалобы не смягчаютъ его — нѣтъ избавленія! Тщетно любовникъ смотритъ въ поле, нетерпѣливо ожидая помощи —

Рѣки тамъ віясь сверкаютъ;
Солнца ясные лучи
Всю природу озлащаютъ:
Но булатные мечи
Не сіяютъ, не сверкаютъ.

Нѣтъ помощи! Не спѣшатъ рыцари избавить Розалію! Наконецъ отчаянный Вержи сказываетъ о себѣ Раулю, что онъ не женщина; что онъ любитъ его супругу, и хочетъ умереть вмѣстѣ съ нею: его ведутъ въ темницу. Розалія ожидаетъ смертоноснаго удара; острый мечь блистаетъ надъ ея головою . . . но вдругъ съ шумомъ отворяются двери; вооруженные рыцари нападаютъ на Рауля и воиновъ его, побѣждаютъ — и Розалія узнаетъ своего брата. Жестокій ея супругъ умираетъ; нѣжный Вержи падаетъ передъ нею на колѣни . . . занавѣсъ опускается. — Гретри сочинялъ музыку: она прекрасна. —

Въ мелодрамѣ Петръ Великій есть очень трогательныя сцены; по крайней мѣрѣ для Рускаго. Дѣйствіе происходитъ не далеко отъ границъ Россіи. — Государь съ другомъ своимъ ле-Фортомъ, живучи въ маленькой деревенькѣ на берегу моря, учится карабельному искусству, и всякой день, съ утра до вечера, трудится въ пристани. Всѣ почитаютъ его

обыкновеннымъ работникомъ, и называютъ добрымъ, смышленымъ, умнымъ Петромъ. Молодой, видный актеръ Мишю играетъ эту ролю: мнѣ казался онъ живымъ портретомъ нашего Императора. Можетъ быть и воображенie мое прибавило нѣчто къ сему сходству; но я не хотѣлъ чувствовать обмана — хотѣлъ имъ наслаждаться. Въ той же деревнѣ живетъ прелестная Катерина, молодая, добродѣтельная вдова, нѣжно любимая поселянами. Государь, пылкiй во всѣхъ своихъ склонностяхъ, скорый во всѣхъ движенiяхъ сердца, влюбляется въ ея красоту, въ милую душу, и открываетъ ей страсть свою. Катерина обожаетъ Петра: никогда еще глаза ея не видали такого прекраснаго, величественнаго, любезнаго человѣка, и никогда сердце ея столь охотно не слѣдовало за глазами. Она не таитъ своихъ чувствъ, и подаетъ ему руку; слезы восторга катятся по лицу ея. Государь клянется быть ей нѣжнымъ *супругомъ:* слово вылетѣло изъ устъ его — оно свято. Ле-Фортъ, оставшись на единѣ съ Монархомъ, говоритъ ему: «Бѣдная крестьянка будетъ «супругою моего Императора! Но ты во «всѣхъ своихъ дѣлахъ безпримѣренъ; ты «великъ духомъ своимъ; хочешь возвы«сить въ отечествѣ нашемъ санъ чело-

„вѣка, и презираешь суетную надмен-„ность людей; одно душевное благород-„ство достойно уваженія въ глазахъ тво-„ихъ; Катерина благородна душею — и „такъ да будетъ она супругою моего Го-„сударя, моего отца и друга!„ Второе дѣйствіе открывается сговоромъ. Столѣтніе старцы, опираясь на плечо внучатъ своихъ, приходятъ къ невѣстѣ; хладными, слабыми руками пожимаютъ ея руку, и съ радостными слезами желаютъ ей благополучія. Молодыя дѣвушки приносятъ розовые вѣнки, украшаютъ ими любезную чету, и поютъ свадебныя пѣсни. „Добрый Петръ! говорятъ старцы: люби всегда милую Катерину, и „будь другомъ нашей деревни!„ Государь тронутъ до глубины сердца. „Вотъ дру-„гая блаженная минута въ жизни моей!„ тихо говоритъ онъ ле-Форту: „первою „насладился я тогда, когда рѣшился въ „душѣ своей быть отцомъ и просвѣти-„телемъ милліоновъ людей, и далъ въ „томъ клятву Всевышнему.„ — Всѣ садятся вокругъ любовниковъ; всѣ веселы и щастливы! Старики знаютъ, что ле-Фортъ имѣетъ пріятный голосъ, и для того просятъ его спѣть какую нибудь старинную пѣсню; онъ думаетъ, беретъ цитру, играетъ и поетъ:

зываютЪ, что онЪ уЪхалЪ. Сердце ея хладЪетЪ. *ПетрЪ оставилЪ, обманулЪ меня!...* сіи слова умираютЪ на блЪдныхЪ устахЪ ея. Но когда она, послЪ жестокаго обморока, приходитЪ вЪ себя, ПетрЪ стоитЪ на колЪняхЪ передЪ нею, уже не вЪ платьЪ бЪднаго работника, но вЪ великолЪпной одеждЪ Царской, окруженный Вельможами. Катерина не видитЪ ничего, кромЪ своего милаго друга; оживаетЪ, восхищается и забываетЪ упреки. Государь открываетЪ ей все. »Я хотЪлЪ обладать нЪжнымЪ сердцемЪ, говоритЪ онЪ, которое любило бы во мнЪ не Императора, но человЪка: вотЪ оно!« — (обнимая Катерину) — »сердце и рука моя твои; прими же отЪ меня и корону! Не она, но ты будешь украшать ее.« — Удивленная Катерина не радуется вЪнцу Царскому; она хотЪла бы жить сЪ любезнымЪ ПетромЪ своимЪ вЪ бЪдной хижинЪ; но ПетрЪ и на тронЪ милЪ душЪ ея. Вельможи упадаютЪ передЪ нею на колЪни — весь Преображенскій полкЪ выходитЪ на сцену — радостныя восклицанія гремятЪ вЪ воздухЪ — восклицанія: *да здравствуетЪ ПетрЪ и Екатерина!* Государь обнимаетЪ супругу — занавЪсЪ опускается. Я отираю слезы свои — и радуюсь, что я Руской. АвторЪ піесы есть Г. Бульи. — Жаль только, что Фран-

цузы нарядили Государя, Менщикова и ле-Форта въ Польское платье, а Преображенскихъ солдатъ и Офицеровъ въ крестьянские зеленые кафтаны съ желтыми кушаками. Зрители вокругъ меня говорили, что Руские и нынѣ точно такъ одѣваются; а я, занимаясь драмою, не почелъ за нужное выводить ихъ изъ заблужденія.

На Театрѣ Графа Прованскаго (Théâtre de Monsieur) представляютъ по большой части Италіянскія комическія оперы, иногда же маленькія Французскія піесы. Говорятъ, что въ Италіи нѣтъ и не бывало подобной трупы: рѣдкіе таланты! Гж. Балетти есть первая пѣвица, и славна не только своимъ голосомъ, красотою, но и безпорочнымъ поведеніемъ. Парижская актриса и добродѣтель: чудная связь! и потому Англійскіе Лорды со вздохомъ говорятъ, что она Фениксъ. — Изъ пѣвцевъ славнѣйшіе Раффанелли, Мандини и Виганони.

Новый Театръ des Variétés огромнѣе всѣхъ здѣшнихъ Театровъ: великолѣпная зала, прекрасныя ложи, блестящая аванъ - сцена! — Тамъ представляются комедіи и драмы иногда очень хорошо, иногда посредственно. Извѣстный Мон-

вель, одинъ изъ первыхъ Парижскихъ актеровъ, второй ле-Кень, играетъ нынѣ въ Variétés. Онъ старъ, не имѣетъ ни голосу, ни фигуры; но всѣ сіи недостатки замѣняетъ искусствомъ и живостію игры. Всякое слово его впечатлѣвается въ душу зрителя; глаза его въ одну минуту и меркнутъ и воспламеняются; я боюсь смигнуть съ него, когда онъ выходитъ на сцену. Ла-Ривъ, Монвель, Моле — вотъ три актера, которые, можетъ быть, во всей Европѣ не найдутъ себѣ двухъ подобныхъ.

Кромѣ сихъ главныхъ пяти Театровъ есть въ Парижѣ множество другихъ въ Palais Royal, на *булеварахъ*, и для всякаго спектакля находятся особливые зрители. Не говоря уже о богатыхъ людяхъ, которые живутъ только для удовольствій и разсѣянія, самые бѣдные ремесленники, Савояры, разнощики, почитаютъ за необходимость быть въ Театрѣ два или три раза въ недѣлю; плачутъ, смѣются, хлопаютъ, свищутъ и рѣшатъ судьбу піесъ. Въ самомъ дѣлѣ между ими есть много знатоковъ, которые замѣчаютъ всякую щастливую мысль Автора, всякое щастливое выраженіе актера. A force de forger on devient forgeron — и я часто удивлялся вѣрному вкусу здѣшнихъ партеровъ, которые по большой

части бывают наполнены людьми низкаго состоянія. Англичанин торжествует в Парламентѣ и на биржѣ, Нѣмец в ученом кабинетѣ, Француз в Театрѣ.

Только на двѣ недѣли в году закрываются здѣсь спектакли, то есть, на Страстную и Святую недѣлю; но как Французам жить и 14 дней без публичных веселій? Тогда всякой вечер в оперном домѣ бывает духовный концерт, concert spirituel, гдѣ лучшіе Виртуозы на разных инструментах показывают свое искусство, и гдѣ провел я нѣсколько весьма пріятных и, можно сказать, сладких часов, слушая Гайденову Stabat Mater, Іомелліево Miserere, — и проч. Нѣсколько раз грудь моя орошалась жаркими слезами — я не отирал их — я их не чувствовал. — Небесная музыка! наслаждаясь тобою, возвышаюсь духом, и не завидую Ангелам. Кто докажет мнѣ, чтобы душа моя, удобная к таким святым, чистым, ѳирным радостям, не имѣла в себѣ чего нибудь божественнаго, нетлѣннаго? Сіи нѣжные звуки, вѣющіе как Зефир на сердце мое, могут ли быть пищею смертнаго, грубаго существа? — Но ничто в этом концертѣ не трогало меня так сильно, как один прекрасный *дуэт* Лаиса и

Руссо. Они пѣли — оркестрЪ молчалЪ — слушатели едва дышали. . . . . . несравненно!

ПАРИЖЪ, Апрѣля. . .

ОтЪ чего сердце мое страдаетЪ иногда безЪ всякой извѣстной мнѣ причины? ОтЪ чего свѣтЪ помрачается вЪ глазахЪ моихЪ тогда, какЪ лучезарное солнце сіяетЪ на небѣ? КакЪ изЪяснить сіи жестокіе, меланхолическіе припадки, вЪ которыхЪ вся душа моя сжимается и хладѣетЪ? . . . Не уже ли сія тоска есть предчувствіе отдаленныхЪ бѣдствій? Не уже ли она есть не что иное, какЪ задатокЪ тѣхЪ горестей, которыми Судьба намѣрена посѣтить меня вЪ будущемЪ? . . .

ЧасовЪ шесть бродилЪ я по окрестностямЪ Парижа, вЪ самомЪ грустномЪ расположеніи духа; пришелЪ вЪ Булонской лѣсЪ и увидѣлЪ передЪ собою готическій замокЪ МадритЪ, построенный вЪ 16 вѣкѣ, окруженный глубокими рвами и темными аркадами. Террасы его заросли высокою травою. Гдѣ ФранцискЪ I наслаждался всѣми пріятностями

любви и роскоши (*); гдѣ нѣжные звуки арфъ и гитаръ усыпляли его въ объятіяхъ богини сладострастія: тамъ нынѣ пустота и молчаніе царствуютъ.... Вокругъ меня бѣгали олени; солнце катилось къ западу; вѣтеръ шумѣлъ въ густотѣ лѣса. Я хотѣлъ видѣть внутренность замка... Барельефы крыльца, представляющіе разныя сцены изъ Метаморфозъ Овидіевыхъ, покрылись зеленымъ мохомъ; здѣсь, надъ пламеннымъ сердцемъ нѣжнаго Пирама, умирающаго отъ любви къ Тизбѣ, развѣвается хладная полынь; тамъ Время рукою своею изглаживаетъ картину Юнонина мщенія, превратившаго въ пепелъ злощастную Семелею.... Въ первой, второй, третьей залѣ все пусто и мрачно; въ четвертой, украшенной рѣзьбою и живописью, услышалъ я тяжелый вздохъ... осмотрѣлся кругомъ и... представьте себѣ мое удивленіе!... въ углу сей огромной залы, подлѣ мраморнаго камина, на большихъ креслахъ сидѣла старая женщина лѣтъ шестидесяти, блѣдная, сухая, въ раздранномъ рубищѣ... Она взглянула на меня, кивнула головою и тихимъ голосомъ сказала: *добрый вечеръ!*... Нѣсколько ми-

(*) Сей замокъ построенъ Франциском I по возвращеніи его изъ Гишпаніи.

нутъ стоялъ я неподвижно на одномъ мѣстѣ; наконецъ подошелъ, началъ говорить съ нею и узналъ, что она нищая, сбираетъ милостыню въ Парижѣ, въ окрестныхъ деревняхъ, и уже два года живетъ въ пустомъ замкѣ Мадритѣ. — Никто не тревожитъ тебя здѣсь? спросилъ я. — «Кому тревожить? Одинъ разъ пришелъ сюда Надзиратель, и увидѣлъ меня лежащую на соломѣ въ передней горницѣ. Я разсказала ему свою исторію, исторію моей дочери — онъ заплакалъ — далъ мнѣ три ливра, и велѣлъ жить въ этой залѣ, для того что въ ней цѣлы окончины; для того что въ ней не дуетъ вѣтеръ. Добрый человѣкъ!» — У тебя есть дочь? — «Была, была; теперь она тамъ, выше замка Мадрита. Ахъ! мы жили съ нею какъ въ раю: жили въ низенькой хижинѣ, спокойно и щастливо! Тогда и свѣтъ былъ лучше; тогда и всѣ люди были добрѣе. Знаешь ли, какъ у насъ въ деревнѣ называли ее? Мущины соловьемъ, а женщины малиновкой. Она любила пѣть, сидя подъ окномъ, или ходя въ рощѣ за цвѣтами; всѣ останавливались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда заимодавцы насъ не мучили. Луиза попроситъ, и всякой готовъ ждать. Луиза умерла, и меня выгнали изъ хижины, съ клюкою и котом-

кою. Ходи по міру и лей слезы на холодные камни!« — У тебя нѣтъ родни? — «Есть; да нынѣ всякой объ себѣ думаетъ. Кому до меня нужда? Я не люблю скучать собою. Слава Богу! нашла пристанище. Знаешь ли, что здѣсь живалъ Король Франсуа? я заступила его мѣсто. Иногда, по ночамъ, кажется мнѣ, будто онъ расхаживаетъ по горницамъ съ своими Министрами, Генералами, и разговариваетъ о старинѣ.« — И тебѣ здѣсь не страшно? — «Страшно? Нѣтъ, я уже давно перестала бояться.« — Что же будетъ съ тобою, добрая старушка, когда ты занеможешь, когда ноги твои отъ старости. . . . «Что будетъ? Я умру — меня погребутъ, и все дѣло съ концомъ.« — Мы замолчали.... Я подошелъ къ окну, и смотрѣлъ на заходящее солнце, которое тихими лучами своими освѣщало разнообразныя картины Парижскихъ окрестностей. Боже мой! сколько великолѣпія въ физическомъ мірѣ (думалъ я), и сколько бѣдствія въ нравственномъ! Можетъ ли нещастный, угнетенный бременемъ бытія своего, отверженный, уединенный среди множества людей, хладныхъ и жестокихъ, — можетъ ли онъ веселиться твоимъ великолѣпіемъ, златое солнце! твоею чистою лазурью, свѣтлое небо! вашею красотою, зеленые луга и рощи? Нѣтъ, онъ томится;

всегда, вездѣ томится, бѣдный страдалецъ! Темная ночь сокрой его! Шумящая буря унеси его. . . туда, туда, гдѣ добрые не тоскуютъ; гдѣ волны океана, океана вѣчности, прохлаждаютъ истлѣвшее сердце! . . .

Солнце закатилось. Я пожалъ руку бѣдной старушки — и возвратился въ Парижъ.

Парижъ, Маія. . .

Сей часъ получилъ отъ васъ письмо — и какъ обрадовался, нѣтъ нужды сказывать. Можно ли, что вы не писали ко мнѣ отъ 14 Февраля до 7 Апрѣля? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило ихъ молчаніе бѣдному Рускому путешественнику; иначе, безъ сомнѣнія, они не заставили бы его мучиться. Извините, естьли это похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: *слава Богу!* и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выѣду изъ Женевы; а естьли бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ стало тамъ скучно! Спросите, для чего же я тотчасъ не выѣхалъ оттуда? Единственно для того,

что всякой день ожидалъ вашихъ писемъ — и время проходило. Мнѣ очень хотѣлось возобновить свое путешествіе съ покойнымъ сердцемъ; чего однакожь не сдѣлалось.

Правда, любезный А. А. Парижъ есть городъ единственный. Нигдѣ, можетъ быть, не льзя найти столько матеріи для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ столько любопытныхъ предметовъ для человѣка, умѣющаго цѣнить Искусства; нигдѣ столько разсѣянія и забавъ. Но гдѣ же и столько опасностей для философіи, особливо для сердца? Здѣсь тысячи сѣтей разставлены для всякой его слабости. . . Шумный океанъ, гдѣ быстрое стремленіе волнъ мчитъ васъ отъ Харибды къ Сциллѣ, отъ Сциллы къ Харибдѣ! Сиренъ множество; и пѣніе ихъ такъ сладостно, усыпительно. . . Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда горестно — и первый предметъ, который явится глазамъ, будетъ пустой кошелекъ.

Однакожь не надобно себѣ воображать, что Парижская пріятная жизнь очень дорога для всякаго; напротивъ того здѣсь можно за небольшія деньги наслаждаться всѣми удовольствіями по своему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ*, и въ строгомъ смыслѣ позволенныхъ удовольствіяхъ.

Естьли же кто вздумаетъ *коротко* знакомиться съ пѣвицами и актрисами, или въ тѣхъ домахъ, гдѣ играютъ въ карты, не отказываться ни отъ какой партіи, тому надобно Англійское богатство. И домомъ жить дорого, то есть, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вотъ какъ можно весело проводить время и тратить не много денегъ:

Имѣть хорошую комнату въ лучшей *Отели* (*); поутру читать разные журналы, газеты, гдѣ всегда найдешь что нибудь занимательное, жалкое, смѣшное; и между тѣмъ пить кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; потомъ кликнуть парикмахера, говоруна, враля, который наскажетъ вамъ множество забавнаго вздору о Мирабо и Мори, о Бальи и Лафаетѣ; намажетъ вашу голову Прованскими духами и напудритъ самою бѣлою, легкою пудрою; а тамъ, надѣвъ чистой, простой фракъ, *бродить* по городу, зайти въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисейскія поля, къ извѣстному Писателю, къ художнику, въ лавки, гдѣ продаются эстампы и карти-

(*) Hôtel есть наемный домъ, гдѣ вы кромѣ комнаты и услуги ничего не имѣете. Кофе и чай приносятъ вамъ изъ ближайшаго кофейнаго дома, а обѣдъ изъ трактира.

ны, — къ Дидоту, любоваться его прекрасными изданіями классическихъ Авторовъ, обѣдать у Ресторатёра (*), гдѣ подадутъ вамъ за рубль пять или шесть хорошо приготовленныхъ блюдъ съ десертомъ; посмотрѣть на часы, и расположить время свое до шести, чтобы, осмотрѣвъ какую нибудь церковь, украшенную монументами, или галлерею картинную, или библіотеку, или кабинетъ рѣдкостей, явиться, съ первымъ движеніемъ смычка, въ Оперѣ, въ Комедіи, въ Трагедіи, плѣняться гармоніею, балетомъ, смѣяться, плакать — и съ томною, но пріятныхъ чувствъ исполненною душею отдыхать въ Пале-Рояль, въ Café de Valois, de Caveau, за чашкою *баваруаза* (**); взглядывать на великолѣпное освѣщеніе лавокъ, аркадъ, алей въ саду; вслушиваться иногда въ то, что говорятъ тамошніе глубокіе Политики; наконецъ возвратиться въ тихую свою комнату, собраться съ идеями, написать нѣсколько строкъ въ своемъ журналѣ, броситься на мягкую постелю, и (чѣмъ обыкновен-

---

(*) Ресторатёрами называются въ Парижѣ лучшіе трактирщики, у которыхъ можно обѣдать. Вамъ подадутъ роспись всѣмъ блюдамъ, съ означеніемъ ихъ цѣны; выбравъ, что угодно, обѣдаете на маленькомъ, особливомъ столикѣ.

(**) Ароматическій сиропъ съ чаемъ.

но кончится и день и жизнь) заснуть глубокимъ сномъ съ пріятною мыслію о будущемъ. — Такъ я провожу время, и доволенъ.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о главныхъ Парижскихъ зданіяхъ.

Луврь. Прежде былъ онъ не что иное, какъ грозная крѣпость, гдѣ жили потомки Кловисовы, и гдѣ, какъ въ государственной темницѣ, заключались возмутители, ослушные Бароны, которые часто возставали противъ своихъ Королей, Францискъ I, страстный охотникъ воевать, плѣнять красавицъ и строить великолѣпные замки, разрушивъ до основанія готическія башни, на ихъ мѣстѣ соорудилъ огромный дворецъ, украшенный лучшими художниками его вѣка, но необитаемый до временъ Карла IX. Лудовикъ XIV воцарился: съ нимъ воцарились Искусства, Науки — и Луврь, по его мановенію, увѣнчался великолѣпною своею колоннадою, лучшимъ произведеніемъ Французской Архитектуры, и тѣмъ болѣе удивительною, что строилъ ее не славный зодчій, а Докторъ Перро, обезславленный, разруганный насмѣшливымъ Буало въ его сатирахъ. Не льзя взглянуть безъ какого-то глубокаго почтенія

на ея перистили, портики, фронтоны, пиластры, столпы, которымъ вмѣсто крова служитъ терраса съ прекраснымъ балюстрадомъ. Я всякой разъ останавливаюсь противъ главныхъ воротъ, смотрю и думаю: «Сколько тысящелѣтій мелькнуло черезъ земный шаръ въ вѣчность между первымъ сплетеніемъ гибкихъ вѣтьвей, укрывшихъ дикаго Адамова сына отъ ненастья, и гигантскою колоннадою Лувра, дивомъ огромности и вкуса! Какъ малъ человѣкъ, но какъ великъ умъ его! Какъ медленны успѣхи разума, но какъ они многообразны и безконечны!» — Лудовикъ XIV долго жилъ въ Луврѣ; наконецъ предпочелъ ему Версалію, и мѣсто великаго Монарха занялъ Аполлонъ съ Музами. Тутъ всѣ Академіи (*); тутъ жили и славные Ученые, Авторы, Поэты, достойные Королевскаго вниманія. Лудовикъ, уступивъ свое жилище Генію, возвысилъ и его и себя.

Говоря о Луврѣ, не льзя не вспомнить о снѣжномъ обелискѣ, которой въ жестокую зиму въ 1788 году сдѣланъ былъ противъ его оконъ бѣдными людьми, въ знакъ благодарности къ нынѣшнему Ко-

---

(*) Тамъ, въ залѣ Академіи Художествъ, видѣлъ я четыре славныя ле-Брюневы картины: сраженія Александра Великаго.

ролю, покупавшему для нихъ дрова. Всѣ Парижскіе Стихотворцы сочиняли надписи для такого рѣдкаго памятника, и лучшая изъ нихъ была:

Мы дѣлаемъ Царю и другу своему
Лишь снѣжный монументъ; милѣе онъ ему,
Чѣмъ мраморъ драгоцѣнный,
Изъ дальнихъ странъ на счетъ убогихъ привезенный.

Въ память сего трогательнаго случая, одинъ богатый человѣкъ, Г. Жюбо, соорудилъ передъ своимъ домомъ, близь Тюльери, мраморной обелискъ, и вырѣзалъ на немъ всѣ надписи снѣжнаго монумента; я былъ у Г. Жюбо, читалъ ихъ, и вообразивъ, какъ нынѣ Французы обходятся съ Королемъ своимъ, подумалъ: »Вотъ памятникъ благодарности, который доказываетъ неблагодарность Французовъ!«

Тюльери. Имя произошло отъ tuile, т. е. черепицы, которую нѣкогда тутъ дѣлали. Сей дворецъ построенъ Катериною Медицисъ; состоитъ изъ пяти павильйоновъ съ четырьмя *коръ-де ложи;* украшенъ мраморными колоннами, фронтономъ, статуями, и наконецъ изображе-

ніемъ лучезарнаго солнца, девизомъ Лудовика XIV. Видъ зданія не величественъ, но пріятенъ; положеніе очень хорошо. Съ одной стороны рѣка Сена, а передъ главною фасадою Тюльерійской садъ съ высокими своими террасами, цвѣтниками, бассеинами, группами и (что всего лучше) древними густыми алеями, сквозь которыя вдали видна, на обширной площади, статуя Лудовика XV. Тутъ живетъ нынѣ Королевская фамилія. Я видѣлъ и внутренность дворца. Въ день Св. Духа Король вмѣстѣ съ Кавалерами главнаго Французскаго Ордена пошелъ въ церковь; за нимъ и Королева съ Дамами; первые въ рыцарскихъ мантіяхъ, съ распущенными волосами; вторыя въ богатыхъ робахъ. Въ ту самую минуту любопытные зрители бросились во внутреннія комнаты — я за ними — изъ залы въ залу, и до самой спальни. *Куда вы, господа? за чѣмъ?* спрашивали придворные лакеи. *Смотрѣть*, отвѣчали мои товарищи, и шли далѣе. Украшенія комнатъ составляютъ обои Гобелиновой фабрики, картины, статуи, гротески, бронзовые камины. Между тѣмъ глаза мои занимались не только вещами, но и людьми: Министрами и Экс-Министрами, придворными и старыми Королевскими слугами, которые, видя безчинство молодыхъ, съ величайшимъ небре-

женіемЪ одѣтыхЪ людей, шумящихЪ и бѣгающихЪ, пожимали плечами. Я самЪ сЪ какимЪ-то горестнымЪ чувствомЪ ходилЪ за другими. ТаковЪ ли былЪ прежде Французскій ДворЪ, славный своею блестящею пышностію? Видя двухЪ человѣкЪ, сидящихЪ рядомЪ и тихонько говорящихЪ между собою, думалЪ я: «Они «вѣрно говорятЪ о нещастномЪ состоя«ніи Франціи и будущихЪ ея возможныхЪ «бѣдствіяхЪ!» — Второй СынЪ Герцога Орлеанскаго игралЪ вЪ билліардЪ сЪ какимЪ-то почтеннымЪ старикомЪ. Молодой ПринцЪ очень хорошЪ лицомЪ; надобно, чтобы и душа его была прекрасна, — слѣдственно не похожа на душу отца его. — — Тюльери соединяется сЪ ЛувромЪ посредствомЪ галлереи, которая длиннѣе и огромнѣе всѣхЪ галлерей на свѣтѣ, и гдѣ долженЪ быть Королевскій МузеумЪ, или собраніе картинЪ, статуй, древностей, разсѣянныхЪ теперь по разнымЪ мѣстамЪ.

ЛюксанбурЪ принадлежитЪ нынѣ Графу Прованскому: величественный дворецЪ, построенный Маріею МедицисЪ, супругою великаго и матерію слабаго Короля, женщиною властолюбивою, но рожден-

ною безъ всякаго таланта властвовать; которая, бывъ долгое время Ксантиппою Генриха IV, заступила его мѣсто на тронѣ для того, чтобы расточить плоды Сюллїевой бережливости, завести междоусобную войну во Францїи, возвеличить Ришелье и быть жертвою его неблагодарности; которая, осыпавъ миллїонами недостойныхъ своихъ любимцевъ, кончила жизнь въ изгнанїи, въ бѣдности, едва имѣя кусокъ хлѣба для утоленїя голода и рубище для прикрытїя наготы своей. Игра судьбы бываетъ иногда ужасна. — Съ такими мыслями смотрѣлъ я на прекрасную архитектуру сего дворца, на его террасы и павильйоны. За нѣсколько гривенъ показали мнѣ и внутренность. Комнаты едва ли достойны примѣчанїя; но тутъ славная галлерея Рубенсова, въ которой сей Нидерландскїй Рафаэль истощилъ всю силу искусства и Генїя своего: 25 большихъ картинъ, представляющихъ Генриха IV и Королеву Марїю со множествомъ аллегорическихъ фигуръ. Какое разнообразїе въ видѣ супруговъ! На всякой картинѣ *они*, но всякая имѣетъ свой особенный характеръ. Марїя, изображенная въ родахъ, есть вѣнецъ Рубенсовой кисти. Глубокїе слѣды страданїя, томность, изнеможенїе; блѣдная роза красоты; радость быть матерїю Дофина;

чувство, что вся Франція ожидала сей минуты съ боязливымъ нетерпѣніемъ, и что милліоны будутъ торжествовать ея щастливое разрѣшеніе отъ бремени; нѣжность супруги, говорящей своими взорами Генриху: *я жива! у насъ есть сынъ!* все прекрасно, и съ трогательнымъ искусствомъ выражено. Видно, что главнымъ предметомъ живописца была Королева; она занимаетъ первое мѣсто на картинахъ: Генрихъ вездѣ *для нее.* Удивительно ли? Рубенсъ писалъ по ея заказу, послѣ Генриховой смерти; и льстецъ-живописецъ сдѣлалъ то, чего ни льстецъ-Историкъ, ни льстецъ-Поэтъ не могъ бы сдѣлать для Маріи: онъ умѣлъ искусствомъ своимъ подкупить сердца въ ея пользу; онъ заставляетъ меня любить Марію. — Между аллегорическими фигурами примѣтилъ я одно женское милое лицо, неоднократно изображенное. Ученикъ живописи, который показывалъ мнѣ галлерею, сказалъ: »Не дивитесь повторенію; это лицо Рубенсовой жены, славной красавицы Елены Форманъ. Рубенсъ былъ ея *любовникомъ-супругомъ*, и вездѣ, гдѣ только могъ, изображалъ свою Елену.« Я люблю тѣхъ, которые любить умѣли; и сердце мое еще сильнѣе прилѣпилось къ художнику.

Садъ Люксанбургской былъ нѣкогда любимымъ гульбищемъ Французскихъ Авторовъ, которые въ густыхъ и темныхъ его алеяхъ обдумывали планы своихъ твореній. Тамъ Мабли часто гулялъ съ Кондильякомъ; туда приходилъ иногда и печальный Руссо говорить съ своимъ краснорѣчивымъ сердцемъ; тамъ и Вольтеръ въ молодости не рѣдко искалъ гармоническихъ риѳмъ для острыхъ своихъ мыслей, а мрачный Кребильйонъ воображалъ себя злобнымъ Атреемъ. Нынѣ садъ уже не таковъ; многія алеи исчезли, вырублены или засохли. Но я часто пользуюсь остальною сѣнію тамошнихъ старыхъ деревъ; хожу одинъ, или, сидя на дерновомъ канапѣ, читаю книгу. Люксанбуръ не далеко отъ улицы Генего, въ которой живу.

Господинъ Д*, гуляя со мною третьягодни въ Люксанбурскомъ саду разсказалъ мнѣ забавной случай. Въ 1784 году, Іюля 8, собрался тамъ почти весь Парижъ, чтобы видѣть воздушное путешествіе Аббата Міолана, объявленное черезъ газеты. Ждутъ два, три часа: шаръ не поднимается. Публика спрашиваетъ, когда начнется экспериментъ? Аббатъ отвѣчаетъ: *въ минуту!* Но приходитъ вечеръ, а шаръ ни съ мѣста. Народъ теряетъ наконецъ терпѣніе, бро-

сается на аэростатъ, рветъ его въ клочки, а Міоланъ спасается бѣгствомъ. На другой день въ Пале-Рояль и на всѣхъ перекресткахъ Савояры кричатъ: «Кому надобно изображеніе славнаго путешествія, щастливо совершеннаго славнымъ Аббатомъ Міоланомъ, — за копѣйку, за копѣйку!» Аббатъ послѣ того умеръ гражданскою смертію, то есть, не смѣлъ казаться въ люди. Смѣшная исторія должна была кончиться новымъ смѣшнымъ анекдотомъ. Господинъ Д*, скоро послѣ Міоланова бѣдствія, былъ въ партерѣ Оперы и смотрѣлъ на балетъ. Вдругъ приходитъ высокой человѣкъ, Аббатъ, становится передъ нимъ, и мѣшаетъ ему видѣть сцену. «Посторонитесь, говорятъ ему: здѣсь довольно мѣста.» Гигантъ не слушаетъ, не трогается; смотритъ и не даетъ другимъ смотрѣть. Молодой Адвокатъ, который стоялъ подлѣ Господина Д*, сказалъ ему: «хотите ли, чтобы я выгналъ высокаго Аббата?» *Ахъ ради Бога! естьли можете.* — «Могу» — и тотчасъ началъ шептать на ухо всѣмъ, стоявшимъ вокругъ его: «вотъ Аббатъ Міоланъ, который обманулъ публику!» Вдругъ десять голосовъ повторили: «вотъ Аббатъ Міоланъ!» Чрезъ минуту весь партеръ закричалъ: «вотъ Аббатъ Міоланъ!» и всѣ указывали пальцомъ на

высокаго человѣка, который въ изумленіи, въ досадѣ, въ отчаяніи на право и на лѣво кричалъ: Государи мои! я не Аббатъ Міоланъ!« Но скоро и во всѣхъ ложахъ раздался голосъ: »вотъ Аббатъ Міоланъ!« такъ, что высокому человѣку, который назывался совсѣмъ не Міоланомъ, надлежало какъ преступнику бѣжать изъ театра. Господинъ Д*, умирая со смѣху, изъявлялъ благодарность молодому Адвокату, между тѣмъ какъ партеръ и ложи, заглушая музыку, кричали: »Вотъ Аббатъ Міоланъ!«

Графъ Прованскій живетъ во флигелѣ.

Пале-Рояль называется *сердцемъ*, *душею*, *мозгомъ*, *извлеченіемъ Парижа*. Ришельё строилъ и подарилъ его Лудовику XIII, надписавъ надъ воротами: Palais Cardinal! Эта надпись многимъ не полюбилась; одни называли ее гордою, другіе безсмысленною, доказывая, что по-Французски не льзя сказать: Palais Cardinal. Нѣкоторые вступились за Ришельё; писали, судились передъ публикою, и славный *щеголь* Французскаго языка (разумѣется, по тогдашнему времени) Бальзакъ игралъ отличную ролю въ семъ важномъ прѣніи: доказательство, что

Парижскіе умы издавна промышляютЪ мыльными пузырями! Королева Анна прекратила спорЪ, велѢвЪ стереть Cardinal, и написать Royal. ЛудовикЪ XIV воспитывался вЪ Пале-Рояль, и наконецЪ подарилЪ его Герцогу Орлеанскому.

Не буду описывать вамЪ наружности сего квадратнаго замка, который безЪ всякаго сомнѢнія есть огромнѢйшее зданіе вЪ ПарижѢ, вЪ которомЪ соединены всѢ Ордены Архитектуры; скажу только, что собственно принадлежитЪ кЪ отличному его характеру. Фамилія Герцога Орлеанскаго занимаетЪ самую малую часть главнаго этажа; все остальное посвящено удовольствію публики, или прибытку хозяина. ТутЪ спектакли, клубы, концертныя залы, магазины, кофейные домы, трактиры, лавки; тутЪ богатые иностранцы нанимаютЪ себѢ комнаты; тутЪ живутЪ блестящія первокласныя Нимфы; тутЪ гнѢздятся и самыя презрительныя. Все, что можно найти вЪ ПарижѢ, (а чего вЪ ПарижѢ найти не льзя?) есть вЪ Пале-Рояль. ТебѢ надобенЪ модный фракЪ: поди туда, и надѢнь. Хочешь, чтобы комнаты твои черезЪ нѢсколько минутЪ были украшены великолѢпно: поди туда, и все готово. Желаешь имѢть картины, эстампы лучшихЪ мастеровЪ, вЪ рамахЪ, за стеклами: поди

туда, и выбирай. Разныя драгоцѣнныя вещи, серебро, золото, все можно найти за серебро и золото. Скажи, и вдругъ очутится въ кабинетѣ твоемъ отборная библіотека на всѣхъ языкахъ, въ прекрасныхъ шкапахъ. Однимъ словомъ, приходи въ Пале-Рояль *дикимъ Американцемъ*, и через полчаса будешь одѣтъ наилучшимъ образомъ, можешь имѣть богато-украшенный домъ, экипажъ, множество слугъ, 20 блюдъ на столѣ, и естьли угодно, цвѣтущую Лаису, которая всякую минуту будетъ умирать отъ любви къ тебѣ. Тамъ собраны всѣ лекарства отъ скуки и всѣ сладкія отравы для душевнаго и тѣлеснаго здоровья, всѣ средства выманивать деньги и мучить безденежныхъ, всѣ способы наслаждаться временемъ и губить его. Можно цѣлую жизнь, и самую долголѣтнюю, провести въ Пале-Рояль какъ волшебный сонъ, и сказать при смерти: *я все видѣлъ, все узналъ!*

Въ срединѣ замка садъ, еще не давно разведенный; и хотя планъ его очень хорошъ, но Парижскіе жители не могутъ забыть густыхъ, сѣнистыхъ деревъ, которыя прежде тутъ были и вырублены немилосердымъ Герцогомъ для новыхъ правильныхъ алей. «Теперь, говорятъ не-»довольные, одно дерево кличетъ другое, »и ни которое воробья не укроетъ; а

„прежде — то ли дѣло? Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, „въ самой жаркой день наслаждались мы „здѣсь прохладою, какъ въ самомъ дре- „мучемъ, дикомъ лѣсу. Славное *Краков- „ское дерево* (arbre de Cracovie) какъ царь „возвышалось между другими; въ непро- „ницаемой тѣни его собирались наши „старые Политики, и сидя кругомъ, за „чашею лимонада, на деревянномъ канапѣ, „сообщали другъ другу *газетныя тайны*, „глубокія знанія, остроумныя догадки. „Молодые люди приходили слушать ихъ, „чтобы послѣ къ своимъ родственникамъ „въ провинціяхъ написать: *Такой-то Ко- „роль скоро объявитъ войну такому-то „Государю. Новость несомнительная! Мы „слышали ее подъ вѣтьвями* Краковскаго „*дерева*. Тотъ, кто не пощадилъ его, по- „щадитъ ли какую нибудь святыню? „Герцогъ Орлеанскій запишетъ имя свое „въ исторіи какъ Геростратъ: Геній его „есть злой духъ разрушенія.„

Однакожь новый садъ имѣетъ свои красоты. Зеленые павильйоны вокругъ бассеина и липовый храмъ пріятны для глазъ. Всего же пріятнѣе Сиркъ, зданіе удивительное, единственное въ своемъ родѣ: длинный параллелограмъ, занимающій середину сада, украшенный Іоническими колоннами и зеленью, въ которой бѣлѣются мраморныя изображенія вели-

кихъ мужей Франціи. Снаружи кажется онъ вамъ низенькою бесѣдкою съ портиками; войдите, и увидите внизу, подъ вашими ногами, великолѣпныя залы, галлереи, манежъ; можете сойти туда по любому крыльцу, и вы будете въ гостяхъ у Короля Гномовъ, въ подземельномъ царствѣ, однакожь не въ темнотѣ: свѣтъ льется на васъ сверху, сквозь большія окна; и вездѣ, въ блестящихъ зеркалахъ, повторяются видимые вами предметы. Въ залахъ бываютъ всякой вечеръ или концерты или балы; освѣщеніе придаетъ внутренности Сирка еще болѣе красоты. Тутъ ко всякой дамѣ, сколько бы брилліантовъ ни сіяло на головѣ ея, можно смѣло подойти, говорить, шутить; ни которая не разсердится, хотя всѣ очень хорошо играютъ ролю знатныхъ госпожъ. Тутъ же и славные Парижскіе фехтмейстеры показываютъ свое искусство, которому я нѣсколько разъ удивлялся. — Изъ комнатъ Герцога Орлеанскаго сдѣланъ ходъ въ манежъ или, лучше сказать, подземельная дорога, по которой онъ можетъ пріѣзжать туда верьхомъ или въ коляскѣ. Прекрасная терраса, усѣянная цвѣтами, усаженная ароматическими деревьями, составляетъ кровлю зданія, и напоминаетъ вамъ древніе сады Вавилонскіе. Взошедши туда, гуляете

среди цвѣтниковъ, выше земли, на воздухѣ, въ царствѣ Сильфовъ, и через минуту сходите опять въ глубокія нѣдра земли, въ царство Гномовъ, гдѣ съ пріятностію думаете: „тысячи людей шумятъ и движутся теперь надъ моею головою.“

Вся нижняя часть Пале-Рояль состоитъ изъ галлерей съ 180 портиками, которые, будучи освѣщены ревербераии, представляютъ ночью блестящую иллюминацію,

Комнаты, занимаемыя фамиліею Герцога Орлеанскаго, украшены богато и со вкусомъ. Тамъ славная картинная галлерея, едва ли уступающая Дрезденской и Диссельдорфской; кабинетъ Натуральной Исторіи, собраніе Антиковъ, гравированныхъ камней и моделей всякаго рода художественныхъ произведеній, вмѣстѣ съ изображеніемъ всѣхъ ремесленныхъ орудій.

Время кончить мое длинное историческое письмо, и пожелать вамъ, друзья мои, пріятной ночи.

Парижъ, Маія. . . . 1790.

Нынѣшній день молодой Скиѳъ К*, въ Академіи Надписей и Словесности, имѣлъ щастіе узнать Бартелеми-Платона.

Меня обѣщали съ нимъ познакомить; но какъ скоро я увидѣлъ его, то, слѣдуя первому движенію, подошелъ и сказалъ ему: « Я Руской; читалъ Анахарсиса; умѣю « восхищаться твореніемъ великихъ, без- « смертныхъ талантовъ. И такъ, хотя « въ нескладныхъ словахъ, примите жертву « моего глубокаго почтенія! » — Онъ всталъ съ креселъ, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи, и наконецъ отвѣчалъ: *я радъ вашему знакомству; люблю сѣверъ; и герой, мною избранный, вамъ не чужой.* — « Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Я въ Академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса (*). » — *Вы молоды, путешествуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства!* —

(*) Анахарсисъ, пріѣхавъ въ Аѳины, нашелъ Платона въ Академіи. Il me reçut, говоритъ Молодой Скиѳъ, avec autant de politesse que de simplicité, et me fit un si bel éloge du Philosophe Anacharsis, dont je descends, que je rougissois de porter le même nom. — Anach. vol. 2. ch. VII.

„Будетъ еще болѣе, естьли вы дозволите мнѣ иногда видѣть и слушать васъ, съ любопытнымъ умомъ, съ ревностнымъ желаніемъ образовать вкусъ свой наставленіями великаго писателя. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ.“ — *Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и Музъ наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожь дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите мое разсужденіе о Самаританскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скучно*, comme de raison; *извините: мои товарищи займутъ васъ пріятнѣйшимъ образомъ.* — Между тѣмъ засѣданіе Академіи открылось. Бартелеми сѣлъ на свое мѣсто; онъ старшій въ Академіи, le Doyen. Въ собраніи было около 30 человѣкъ, да столько же зрителей — не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ диссертація Аббата Бартелеми, въ которой дѣло шло о медаляхъ Іонаѳановыхъ, Антигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать меня; за то мало слушая, я много смотрѣлъ на Бартелеми. Совершенный Вольтеръ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокой, худой, съ проницательнымъ взоромъ, съ тонкою Аѳинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе 70 лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Слѣдственно отъ ученыхъ тру-

довѣ люди не старѣются. Не сидячая, но бурная жизнь страстей пестритѣ морщинами лице наше. Бартелеми чувствовалѣ вѣ жизни только одну страсть: любовь ко славѣ, и силою Философіи своей умѣрялѣ ее. Подобно безсмертному Монтескьё онѣ былѣ еще *влюбленѣ вѣ дружбу,* имѣлѣ щастіе доказать великодушную свою привязанность кѣ изгнанному Министру Шуазёлю, и дѣлилѣ сѣ нимѣ скуку уединенія. Ему и супругѣ его, подѣ именемѣ Арсама и Федимы, приписалѣ онѣ Анахарсиса такѣ мило и трогательно, говоря: «Сколько разѣ имя «ваше готово было изѣ глубины моего «сердца излиться на бумагу! Сколь лу«чезарно сіяло оно предо мною, когда «мнѣ надлежало описывать какое нибудь «великое свойство души, благодѣянія, «признательность! Вы имѣете право на «сію книгу: я сочинялѣ ее вѣ тѣхѣ мѣ«стахѣ, которыя всего болѣе украшались «вами; и хотя кончилѣ оную далеко отѣ «Персіи, но вѣ глазахѣ вашихѣ: ибо вос«поминаніе минутѣ, сѣ вами проведен«ныхѣ, никогда не можетѣ загладиться. «Оно составитѣ щастіе остальныхѣ дней «моихѣ; а по смерти желаю единствен«но того, чтобы на гробѣ моемѣ глубоко «вырѣзали слова: *онѣ заслужилѣ благосклон«ность Арсама и Федимы!*»

Тутъ же узналъ я Левека, Автора *Россійской Исторіи*, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Рускихъ, но и чужестранцовъ. Родословная Князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Рускаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ — свой Людовикъ XI: Царь Іоаннъ — свой Кромвель:

Годуновъ — и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей Исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель Анджело. — Левекъ, какъ Писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ; соображаетъ довольно хорошо, разсказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Рускихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Руской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго (есть ли посредственный Французскій Писатель можетъ унизить нашего славнаго Монарха) говоря: on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples (*). Я слыхалъ такое мнѣ-

(*) То есть: „Его, можетъ быть, по справедливо„сти не хотятъ назвать великимъ умомъ: ибо „онъ, желая образовать народъ свой, только что „подражалъ другимъ народамъ.“

ніе даже отъ Рускихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Рускихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше либъ было Рускимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Рускими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другова? и не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти?* «Однакожь, говорятъ, начто подражать рабски? начто перенимать вещи, совсѣмъ ненужныя?» Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-Нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить. . . . «Но въ немъ теплѣе!» . . . У насъ есть шубы. . . . «За чѣмъ же имѣть два платья?» . . . За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ

холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильной жаръ! сколько неудобности и зимою, носить на лице иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Рускому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Естьли бы Петръ родился Государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Руской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: « смотрите; срав-

няйтесь сЪ ними, и потомЪ, естьли можете, превзойдите ихЪ!» Нѣмцы, Французы, Англичане, были впереди РускихЪ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулЪ насЪ своею мощною рукою, и мы вЪ нѣсколько лѣтЪ почти догнали ихЪ. ВсѢ жалкія *Іеремiады* обЪ измѣненіи Рускаго характера, о потерѣ Руской нравственной физіогноміи, или не что иное какЪ шутка, или происходятЪ отЪ недостатка вЪ основательномЪ размышленіи. Мы не таковы, какЪ брадатые предки наши: тѣмЪ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихЪ долею вЪ самомЪ вышшемЪ состояніи: для насЪ открыты всѣ пути кЪ утонченію разума и кЪ благороднымЪ душевнымЪ удовольствіямЪ. Все *народное* ничто передЪ *человѣческимЪ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетЪ быть дурно для РускихЪ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое*, ибо я человѣкЪ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable, говоритЪ ЛевекЪ, que si Pierre n'avoit pas régné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть: хотя бы Петръ Великій и не училЪ насЪ, мы бы выучились! КакимЪ же образомЪ? сами собою? но сколько трудовЪ стоило Монарху побѣ-

дить наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно Рускіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Рускихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть Царя Рускаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сообщеніе наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

Между тѣмъ, друзья мои, вы все еще сидите со мною въ Академіи Надписей. Читали разсужденіе о Греческой живописи, похвальное слово одному изъ умершихъ Членовъ; и я замѣтилъ то же, что нѣсколько разъ замѣчалъ въ Спектакляхъ: ни одна хорошая мысль, ни одно щастливое выраженіе не укрывается отъ тон-

каго вкуса здѣшней Публики — *браво!* и рукоплесканіе. Всего болѣе нравятся здѣсь нравственныя мысли или *сентенціи*, иногда самыя обыкновенныя. На примѣръ, въ похвальномъ словѣ умершему, Авторъ сказалъ: « Вотъ доказательство, что « нѣжныя души предпочитаютъ тихое « удовольствіе совѣсти шумнымъ успѣ- « хамъ честолюбія! » и всѣ слушатели захлопали. — Засѣданіе кончилось предложеніемъ задачь для Антикваріевъ. Надобно было познакомиться съ Гм. Левекомъ и сказать ему комплиментъ на счетъ его добраго мнѣнія о Рускихъ, у которыхъ онъ, по своей благосклонности, не отнимаетъ природнаго ума, ни способности къ Наукамъ. Бартелеми подарилъ меня еще двумя учтивыми фразами, и мы разстались какъ знакомые.

Я видѣлъ Автора прекрасныхъ сказокъ, который въ самомъ, кажется, легкомъ, въ самомъ обыкновенномъ родѣ сочиненій, умѣетъ быть единственнымъ, неподражаемымъ: Мармонтеля. Не довольно видѣть, надобно его узнать короче; надобно поговорить съ нимъ о щастливыхъ временахъ Французской Литтературы, которыя прошли и не возвра-

тятся! Вѣкъ Вольтеровъ, Жанъ-Жаковъ, Энциклопедіи, Духа Законовъ, не уступаетъ вѣку Расина, Буало, ла-Фонтена; и въ домѣ Гжи. Неккеръ, Барона Ольбаха, шутили столь же остроумно, какъ въ домѣ Нинона Ланкло. Физіогномія Мармонтелева очень привлекательна; тонъ его доказываетъ, что онъ жилъ въ лучшемъ Парижскомъ обществѣ. Вообразите же, что одинъ Нѣмецкій Романистъ, котораго имени не помню, въ журналѣ своего путешествія описываетъ его почти мужикомъ, то есть, самымъ грубымъ человѣкомъ! Какъ врали могутъ быть нахальны! — Мармонтелю болѣе шестидесяти лѣтъ; онъ женился на молодой красавицѣ, и живетъ съ нею щастливо въ сельскомъ уединеніи, изрѣдка заглядывая въ Парижъ. — Лагарпъ, въ улицѣ Генего, мой сосѣдъ. Талантъ, слогъ, вкусъ и критика его давно награждены всеобщимъ уваженіемъ. Онъ лучшій Трагикъ послѣ Вольтера. Въ твореніяхъ его мало огня, чувствительности, воображенія, но стихи всѣ хороши, и много сильныхъ. Теперь занимается онъ литтературною частію Французскаго Меркурія, вмѣстѣ съ Шанфоромъ, также Членомъ Академіи. — Мерсье и Флоріанъ въ Парижѣ; но мнѣ по сіе время не удалось ихъ видѣть.

Парижъ, Мая.....

Бывшая актриса Дервье, актриса посредственная, но прелестница славная, упражняясь лѣтъ двадцать въ доходномъ своемъ искусствѣ, и наживъ милліоны, вздумала построить такой домъ, который обратилъ бы на себя вниманіе Парижа. Чего хотѣла, то и сдѣлалось. Сей домъ смотрятъ всѣ какъ диво. Надобно имѣть билетъ, чтобы видѣть его. Господинъ П*, мой землякъ, доставилъ мнѣ это удовольствіе. Что за комнаты! что за приборы! Живопись, бронза, мраморъ, дерево: все блеститъ, привлекаетъ глаза. Домъ не великъ; но Умъ чертилъ планъ его, Искусство было архитекторомъ, Вкусъ украшалъ, а Богатство выдавало деньги. Тутъ нѣтъ ничего *не-прекраснаго;* и съ прекраснымъ для глазъ вездѣ соединена удобность или ловкость для употребленія. Прошедши комнатъ пять, вошли мы во святилище — въ спальню, гдѣ живопись изобразила на стѣнахъ Геркулеса, стоящаго на колѣняхъ передъ Омфалою; пять или шесть Эротовъ, ѣдущихъ верьхомъ на его палицѣ; Армиду, которая смотрится въ зеркало, гораздо болѣе восхищаясь своею красотою, нежели обожаніемъ сидящаго подлѣ нее Ринальда; Венеру, которая, снявъ съ себя

поясъ, подаетъ его . . . не видно кому, но вѣрно хозяйкѣ. Глаза ищутъ . . . . догадаетесь, чего. Ложе удовольствій, осыпанное неувядаемыми, то есть, искусственными розами безъ терній, возвышается на нѣсколькихъ ступеняхъ; тутъ безъ сомнѣнія всякой Адонисъ долженъ преклонять колѣна свои. Позади спальни, въ небольшой залѣ, сдѣланъ мраморный бассеинъ для купанья, а вверху хоры для музыкантовъ, чтобы красавица, слушая гармоническую игру ихъ, могла въ тактъ полоскаться. Изъ сей комнаты дверь въ Гесперидской садъ, гдѣ всѣ тропинки опушены цвѣтами; гдѣ всѣ дерева осѣняя благоухаютъ. Лужки и лѣсочки живописные; кажется, будто всякая травка и всякой листокъ выбраны изъ тысячи. Дорожки извиваясь приводятъ васъ ко мшистой скалѣ, къ дикому гроту, гдѣ читаете надпись: *Искусство ведетъ къ Натурѣ; она дружески подаетъ ему руку;* а въ другомъ мѣстѣ: *Здѣсь я наслаждаюсь задумчивостію.* Молодой Англичанинъ, который былъ съ нами, взглянувъ на послѣднюю надпись сказалъ: grimace, grimace, Mademoiselle Dervieux! — Хозяйка живетъ во второмъ этажѣ, который мы также осматривали, и гдѣ комнаты хотя со вкусомъ прибраны, однакожь не имѣютъ очаровательности перваго. Я любо-

пытствовалъ видѣть Нимфу; но ей угодно было играть ролю невидимки. На диванѣ лежалъ корсетъ, доказательство ея тонкаго стана, чепчикъ въ розовыми лентами и черепаховой гребень. Зеленый тафтяный занавѣсъ отдѣлялъ отъ насъ славную прелестницу; но мы не смѣли отдернуть его. —

Новая Нинонъ вздумала продавать волшебный свой храмъ. Одинъ богатый Американецъ, изъ числа ея любимцевъ, покупаетъ его за половину цѣны, за 600,000 ливровъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, какъ сказываютъ, чтобы за ужиномъ, который онъ хочетъ дать въ новокупленномъ домѣ, подарить его прежней хозяйкѣ. Взоръ благодарнаго удивленія долженъ быть наградою Американца.

Академіи.

Работать соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему плану, есть предметъ всѣхъ Академій. Выдумка благословенная для пользы Наукъ, Искусствъ и всѣхъ людей! Пріятная мысль быть участникомъ въ достохвальныхъ трудахъ, соревнованіе между Членами, нераздѣлимость общей славы съ личною,

взаимное усердное вспоможеніе, окриляютъ разумъ человѣческій. Надобно отдать справедливость Парижскимъ Академіямъ: онѣ были всегда трудолюбивѣе и полезнѣе другихъ ученыхъ обществъ.

Собственно такъ называемая *Французская Академія*, учрежденная Кардиналомъ Ришельё для обогащенія Французскаго языка, утверждена Парламентомъ и Королемъ. Девизъ ея: *Безсмертію!* Жаль, что она обязана бытіемъ своимъ такому жестокому Министру! Жаль, что всякой новый Членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалить его! Жаль, что половина Членовъ состоитъ изъ людей едва не безграмотныхъ, для того единственно, что они знатные! Такіе Академики, ни мало не возвышая себя ученымъ титуломъ, унижаютъ только Академію. *Всякой знай свое мѣсто и дѣло*, есть мудрое правило, но рѣже всего исполняется. Правда, что *Господа-сорокъ*, messieurs les quarante (*), наблюдаютъ въ своихъ засѣданіяхъ точное равенство. Прежде всѣ они сидѣли на стульяхъ; одинъ изъ знатныхъ Членовъ потребовалъ для себя креселъ: чтожь сдѣлали другіе? сами сѣли на кресла. C'est toujours quelque chose. Главный плодъ сего Ака-

(*) Ихъ всегда 40, ни болѣе, ни менѣе.

демическаго дерева есть Лексиконъ Французскаго языка, чистый, правильный, строгій, но не полный, такъ что въ первомъ изданіи господа Члены забыли даже слово *Академія!* На примѣръ, Англійскій Лексиконъ Джонсоновъ и Нѣмецкій Аделунговъ гораздо совершеннѣе Французскаго. Вольтеръ болѣе всѣхъ чувствовалъ недостатки его, хотѣлъ дополнить, украсить; но смерть помѣшала (*). Академія занималась и критикою, только рѣдко и мало; въ угожденіе своему основателю Ришельё доказывала, что Корнелевъ *Сидъ* не достоинъ славы; но Парижскіе любители Театра, на зло ей, тѣмъ болѣе хвалили Сида. Она могла бы конечно быть гораздо полезнѣе, издавая на примѣръ Журналъ для критики и Словесности: чего бы не произвели соединенные труды лучшихъ Писателей? Однакожь польза ея не сомнительна. Множество хорошихъ піесъ написано для славы быть Членомъ Академіи, или заслужить ея хвалу. Всякой годъ избираетъ она два предмета для Стихотворства и краснорѣчія, вызываетъ всѣхъ Авторовъ обработывать ихъ, въ день Св. Лудовика

(*) Остроумный Ривароль давно обѣщаетъ новый Философическій Словарь языка своего; но чрезмѣрная лѣность, какъ сказываютъ, мѣшаетъ ему исполнить обѣщаніе.

торжественно объявляетъ, кто побѣдитель, чье твореніе достойно награды, и раздаетъ золотыя медали. Спрашивается, для чего ла-Фонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Батистъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Дидротъ, Доратъ и многіе другіе достойные Писатели не были ея Членами? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда славнѣе не быть, нежели быть Академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды: есть публика, есть потомство. Главное дѣло не *получать*, а *заслуживать*. Не *Писатели*, а *маратели* всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ. Французская Академія, боясь, чтобы кто нибудь изъ Авторовъ не оскорбилъ ея гордости и не вздумалъ отвергнуть предлагаемаго ею патента, утвердила закономъ выбирать въ Члены единственно тѣхъ, которые сами запишутся въ кандидаты. Злѣйшій непріятель ея былъ Пиронъ. Извѣстна его насмѣшка: messieurs ces quarante ont de l'esprit comme quatre, и забавная эпитафія:

Ci-git Piron; il ne fut rien,
Pas même Académicien.

Но вотъ что дѣлаетъ честь Академіи: въ залѣ ея, между многими изображеніями Славныхъ Авторовъ, стоитъ Пироновъ бюстъ! Мщеніе великодушное!

Академія Наукъ учреждена Лудовикомъ XIV, состоитъ изъ 70 Членовъ, и занимается Физикою, Астрономіею, Математикою, Химіею, стараясь *открывать новое*, или *доводить до совершенства* извѣстное, по девизу: invenit et perfecit. Каждый годъ выдаетъ она большой томъ сочиненій своихъ, полезныхъ для Ученаго, пріятныхъ для любопытнаго. Они составляютъ подробнѣйшую Исторію Наукъ со временъ Лудовика XIV. Иностранцы считаютъ за великую славу быть Членами Парижской Академіи; число ихъ опредѣлено закономъ: 8, не болѣе. Нигдѣ нѣтъ теперь такихъ Астрономовъ и Химиковъ, какъ въ Парижѣ. Нѣмецкій Ученый снимаетъ колпакъ, говоря о Лаландѣ и Лавуазье. Первый, забывая все земное, болѣе 40 лѣтъ безпрестанно занимается небеснымъ, и открылъ множество новыхъ звѣздъ. Онъ есть Талесъ нашего времени, и прекрасную эпитафію Греческаго мудреца (*) можно будетъ вырѣзать на его гробѣ;

Когда отъ старости Талесовъ взоръ затмился;
Когда уже и звѣздъ не могъ онъ различить,
Мудрецъ на небо переселился,
Чтобъ къ нимъ поближе быть.

(*) Смот. Діогена Лаэрція въ жизни Талеса.

Кромѣ своей учености, Лаландъ любезенъ, живъ, веселъ какъ самый любезнѣйшій молодой Французъ. Онъ воспитываетъ дочь свою также совершенно *для неба*, учитъ Математикѣ, Астрономіи, и въ шутку называетъ Ураніею; ведетъ переписку со всѣми знаменитыми Астрономами Европы, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Берлинцѣ Боде. — Лавуазье есть Геній Химіи, обогатилъ ее безчисленными открытіями, и (что всего важнѣе) полезными для жизни, для всѣхъ людей. Бывъ передъ Революціею Генеральнымъ Откупщикомъ, имѣетъ конечно не одинъ милліонъ; но богатство не прохлаждаетъ ревностной любви его къ Наукамъ: оно служитъ ему только средствомъ къ размноженію ихъ благотворныхъ дѣйствій. Химическіе опыты требуютъ иногда большихъ издержекъ: Лавуазье ничего не жалѣетъ; а сверхъ того любитъ дѣлиться съ бѣдными: одною рукою обнимаетъ ихъ какъ братій, а другою кладетъ имъ кошелекъ въ карманъ. Его сравниваютъ съ Гельвеціемъ, который также былъ Генеральнымъ Откупщикомъ, также любилъ Науки и благодѣтельность; но Философія послѣдняго не стоитъ Химіи перваго. Товарищъ мой Беккеръ не можетъ безъ восхищенія говорить о Лавуазье, который дружески

обласкалЪ его, слыша, что онЪ ученикЪ Берлинскаго Химика Клапрота. Я всегда готовЪ плакать отЪ сердечнаго удовольствія, видя, какЪ Науки соединяютЪ людей, живущихЪ на сѣверѢ и югѢ; какЪ они, безЪ личнаго знакомства, любятЪ, уважаютЪ другЪ друга. Что ни говорятЪ Мизософы, а Науки святое дѣло! — Слава Лавуазьерова пристрастила многихЪ здѣшнихЪ ДамЪ вЪ Химіи, такЪ что года за два передЪ симЪ красавицы любили изЪяснять нѣжныя движенія сердецЪ своихЪ химическими операціями. — Бальи есть также одинЪ изЪ знаменитыхЪ ЧленовЪ Академіи, и болѣе всего прославилЪ себя Исторіею Древней и Новой Астрономіи. Жаль, что онЪ вдался вЪ Революцію, и мирную тишину кабинета промѣнялЪ можетЪ быть на эшафотЪ (*)!

Академія Надписей и Словесности учреждена также ЛудовикомЪ XIV, и болѣе ста лѣтЪ ревностно трудится для обогащенія Исторической Литтературы; нравы, обыкновенія, монументы древности, составляютЪ предметЪ ея любопытныхЪ изысканій. Она по сіе время выдала болѣе 40 томовЪ, которые можно назвать золотою миною Исторіи. Вы не знаете, что были Египтяне, Персы,

(*) Лавуазье и Бальи умерщвлены РобеспьеромЪ.

Греки, Римляне, естьли не читали Записокъ Академіи; читая ихъ, живете съ Древними; видите, кажется, всѣ ихъ движенія, малѣйшія подробности домашней жизни въ Аѳинахъ, въ Римѣ и проч. Девизъ Академіи есть Муза Исторіи, которая въ правой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, а лѣвою указываетъ вдали на пирамиду, съ надписью: *не даетъ умирать*, vetat mori.

Наименую вамъ еще Академію Живописи, Ваянія, Архитектуры, которыя всѣ помѣщены въ Луврѣ, и всѣ доказываютъ любовь къ Наукамъ Лудовика XIV, или великаго Министра его Кольберта.

Парижъ, Мая. . . .

Нынѣшній день — угадайте, что я осматривалъ? Парижскія улицы; разумѣется, гдѣ что нибудь случилось, было или есть примѣчанія достойное. Забывъ взять съ собою планъ Парижа, которой бы всего лучше могъ быть моимъ путеводителемъ, я страшнымъ образомъ кружилъ по городу, и въ скверныхъ фіакрахъ цѣлый день проѣздилъ. Въ 10 часовъ утра началось мое путешествіе. Кучеру данъ былъ приказъ везти меня — къ *источнику любви*.

Онъ не читалъ Сент-Фуа, слѣдственно не понималъ меня, но хотѣлъ угадать и не угадывалъ. Надлежало сказать яснѣе: Eh bien, dans la rue de la Truanderie! — »A la bonne heure. Vous autres étrangers, vous ne dites le mot propre qu'à la fin de la phrase!« — И такъ мы отправились въ Трюандери. Вотъ анекдотъ:

Агнеса Геллебикъ, прекрасная молодая дѣвушка, дочь главнаго Конюшаго при Дворѣ Филиппа Августа, любила и страдала. Отъ Парижа далеко до мыса Левкадскаго: что же дѣлать? броситься въ колодезь на улицѣ Трюандери, и концемъ дней своихъ прекратить любовную муку. Лѣтъ черезъ 300 послѣ того другой случай. Одинъ молодой человѣкъ, приведенный въ отчаяніе жестокостію своей богини, также бросился въ этотъ колодезь, но весьма осторожно и весьма щастливо: не утонулъ, не зашибся; и красавица, свѣдавъ, что ея любовникъ сидитъ въ водѣ, прилетѣла на крыльяхъ Зефира, спустила къ нему веревку, вытащила рыцаря, наградила его своею любовію, сердцемъ и рукою. Желая изъявить благодарность колодезю, онъ перестроилъ его, украсилъ, и готическими буквами написалъ:

L'amour m'a refait
En 1525 tout-à fait.

Въ 1525 году вновь
Меня перестроила Любовь.

Весь Парижъ узналъ о семъ происшествіи. Молодые люди и дѣвушки, начали тамъ сходиться при свѣтѣ луны, пѣть нѣжныя пѣсни, плясать, увѣрять другъ друга въ любви, и колодезь обратился въ жертвенникъ Эротовъ. Наконецъ одинъ славный проповѣдникъ тогдашняго времени съ великимъ жаромъ представилъ родителямъ возможныя слѣдствія такихъ сходбищъ, и набожные люди немедленно засыпали *источникъ любви*. Показываютъ мѣсто его: тутъ выпилъ я стаканъ Сенской воды, остатками оросилъ землю, и сказалъ: à l'amour! *въ жертву Венерѣ-Ураніи.*

Нынѣшняя *Павильйонная улица* называлась прежде именемъ Діаны, не Греческой богини, а прекрасной, милой Діаны дю-Пуатье, которую знаю и люблю по запискамъ Брантома. Она имѣла всѣ прелести женскія, до самой старости сохранила свѣжесть красоты своей, и владѣла сердцемъ Генриха II. Ростъ Минервинъ, гордый видъ Юноны, походка величественная, темно-русые волосы, которые до земли доставали; глаза черные огненные; лице нѣжное лилейное, съ двумя розами на щекахъ; грудь Венеры Медицисской, и,

что еще милѣе, чувствительное сердце и просвѣщенный умъ: вотъ ея портретъ! Король хотѣлъ, чтобы Парламенты торжественно признали дочь ея законною его дочерью: Діана сказала: «Имѣвъ право «на твою руку, я требовала единственно «твоего сердца, для того, что любила «тебя; но никогда не соглашусь, чтобы «Парламентъ объявилъ меня твоею на«ложницею.» — Генрихъ слушалъ ее во всемъ и дѣлалъ только хорошее. Она любила Науки, Поэзію, и была Музою остроумнаго Маро. Городъ Ліонъ посвятилъ ей медаль съ надписью: Omnium victorem vici (*). «Я видѣлъ Діану шестидесяти «пяти лѣтъ, говоритъ Брантомъ, и не «могъ надивиться чудесной красотѣ ея; «всѣ прелести сіяли еще на лицѣ сей «рѣдкой женщины.» Какая изъ нынѣшнихъ красавицъ не позавидуетъ Діанѣ? Имъ остается слѣдовать образу ея жизни. Она всякой день вставала въ шесть часовъ, умывалась самою холодною ключевою водою, не знала притираній, никогда не румянилась, часто ѣздила верьхомъ, ходила, занималась чтеніемъ и не терпѣла праздности. Вотъ рецептъ для сохраненія красоты! — Діана погребена въ Анетѣ; не имѣя надежды видѣть

(*) Я побѣдила побѣдителя всѣхъ.

могилу ея, я бросилъ цвѣтокъ на то мѣсто, гдѣ жила прелестная.

Въ улицѣ *писателей* или *копистовъ* (des écrivains) хотѣлъ я видѣть домъ, гдѣ въ 14 вѣкѣ жилъ Николай Фламель съ женою своею Перниліею, и гдѣ еще по сіе время на большомъ камнѣ видны ихъ рѣзныя изображенія, окруженныя готическими надписями и гіероглифами. Вы не знаете, кто былъ Николай Фламель: не правда ли? Онъ былъ не что иное, какъ бѣдный копистъ; но вдругъ, къ общему удивленію, сдѣлался благотворителемъ неимущихъ, и началъ сыпать деньги на бѣдныхъ отцовъ семейства, на вдовъ и сиротъ; завелъ больницы, выстроилъ нѣсколько церквей. Пошли въ городѣ разные толки: одни говорили, что Фламель нашелъ кладъ; другіе думали, что онъ знаетъ тайну философскаго камня и дѣлаетъ золото; иные подозрѣвали даже, что онъ водится съ Духами; а нѣкоторые утверждали, что причиною богатства его есть тайная связь съ Жидами, выгнанными тогда изъ Франціи. Фламель умеръ, не рѣшивъ спора. Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытные вздумали рыть землю въ его погребѣ, и нашли множество угольевъ, разныхъ сосудовъ, урнъ, съ какимъ-то жесткимъ, минеральнымъ веществомъ. Алхимическое суевѣріе

обрадовалось новому лучу безумной надежды, и многіе, желая разбогатѣть подобно Фламелю, превратили въ дымъ свое имѣніе. Прошло нѣсколько вѣковъ: Исторія его была уже забыта; но Павелъ Люкасъ, славный путешественникъ, славный лжецъ, возобновилъ ее слѣдующею сказкою. Будучи въ Азіи, познакомился онъ съ однимъ Дервишемъ, который говорилъ *всѣми* языками, казался молодымъ человѣкомъ, а прожилъ на свѣтѣ болѣе ста лѣтъ. „Сей Дервишъ, говоритъ Люкасъ, увѣрилъ меня, что Николай Фламель еще живъ; что онъ, боясь сидѣть „въ тюрьмѣ за тайну философскаго „камня, вздумалъ скрыться; подкупилъ „Доктора и приходскаго священника, „чтобы они разгласили о его смерти, а „самъ ушелъ изъ Франціи. Съ того времени, сказалъ мнѣ Дервишъ, Николай „Фламель и жена его Пернилія ведутъ „философскую жизнь въ разныхъ частяхъ свѣта; онъ сердечный другъ мой, „и я недавно видѣлся съ нимъ на берегу „Гангеса.„ — Удивительно не то, что Павелъ Люкасъ выдумалъ романъ, а то, что Лудовикъ XIV посылалъ такого человѣка странствовать для обогащенія Наукъ историческими свѣдѣніями. — Я стоялъ нѣсколько минутъ передъ домомъ Фламеля, копалъ въ землѣ своею тростью,

но не нашелъ ничего, кромѣ камней совсѣмъ не философскихъ.

Я не хотѣлъ бы жить въ улицѣ *Ферронери:* какое ужасное воспоминаніе! Тамъ Генрихъ IV палъ отъ руки злодѣя — seul roi de qui le peuple ait gardé la mémoire, говоритъ Вольтеръ. Герой великодушный, Царь благотворительный! ты завоевалъ не чужое, а свое государство, и единственно для щастія завоеванныхъ! — Слова незабвенныя, простыя, но сильныя: *Я не хочу умереть безъ того, чтобы всякой крестьянинъ въ Королевствѣ моемъ не ѣлъ курицы по Воскресеньямъ!* и другія, сказанныя имъ Гишпанскому Министру: *Вы не узнаете Парижа: мудрено ли? Отецъ семейства былъ прежде въ отлучкѣ; теперь онъ дома, и печется о своихъ дѣтяхъ!* — Въ бѣдствіяхъ образовалась душа Генрихова; въ собственномъ нещастіи научился онъ дорожить щастіемъ другихъ людей и дружбою, которая раждается и торжествуетъ въ бурныя времена. Онъ былъ любимъ! Нѣкоторые изъ добрыхъ Французовъ отъ горести послѣдовали за нимъ во гробъ; между прочими ле-Викъ, Парижской Губернаторъ. — Кучеръ мой остановился и кричалъ: »вотъ улица де-ла-Ферронери!« *Нѣтъ,* отвѣчалъ я: *ступай далѣе!* Я боялся выйти и ступить

на ту землю, которая не провалилась подъ гнуснымъ Равальякомъ.

Улица храма, rue du Temple, напоминаетъ бѣдственный жребій славнаго Ордена Тампліеровъ, которые въ бѣдности были смиренны, храбры и великодушны; разбогатѣвъ, возгордились и вели жизнь роскошную. Филиппъ *Прекрасный* (но только не душею), и Папа Климентъ V, по доносу двухъ злодѣевъ, осудили всѣхъ главныхъ рыцарей на казнь и сожженіе. Варварство достойное 14 вѣка! Ихъ мучили, терзали, заставляя виниться въ ужасныхъ нелѣпостяхъ; на прим. въ томъ, будто они покланялись деревянному болвану съ сѣдою бородою, отрекались отъ Христа, дружились съ дьяволомъ, влюблялись въ чертовокъ, играли младенцами какъ мячемъ, то есть, бросали ихъ изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ умерщвляли. Многіе рыцари не могли снести пытки, и признавали себя виновными; другіе же, въ страшныхъ мукахъ, на кострѣ, въ пламени, восклицали: *Есть Богъ! Онъ знаетъ нашу невинность!* Моле, Великій Магистеръ Ордена, выведенъ былъ на эшафотъ, чтобъ всенародно изъявить покаяніе, за которое обѣщали простить его. Одинъ ревностный Легатъ въ длинной рѣчи описалъ всѣ мнимыя злодѣянія Кавалеровъ Храма, и

заключилъ словами: «вотъ ихъ началь-«никъ! слушайте: онъ самъ откроетъ «вамъ богомерзкія тайны Ордена.» . . . *Открою истину*, сказалъ нещастный старецъ, выступивъ на край эшафота, и потрясая тяжкими своими цѣпями: *Всевышній, милосердый Отецъ человѣковъ! внемли клятвѣ моей, которая да оправдаетъ меня предъ Твоимъ небеснымъ судилищемъ! . . . Клянусь, что рыцарство невинно; что Орденъ нашъ былъ всегда ревностнымъ исполнителемъ Христіанскихъ должностей, правовѣрнымъ, благодѣтельнымъ; что однѣ лютыя муки заставили меня сказать противное, и что я молю Небо простить человѣческую слабость мою. Вижу яростную злобу нашихъ гонителей; вижу мечь и пламя. Да будетъ со мною воля Божія! Готовъ все терпѣть въ наказаніе за то, что я оклеветалъ моихъ братій, истину и святую Вѣру!* — Въ тотъ же день сожгли его. Старецъ, пылая на кострѣ, говорилъ только о невинности рыцарей, и молилъ Спасителя подкрѣпить его силы. Народъ, проливая слезы, бросился въ огонь, собралъ пепелъ нещастнаго и унесъ его какъ драгоцѣнную святыню. — Какія времена! какіе изверги между людьми! Хищному Филиппу надобно было имѣніе Ордена.

чѣмъ загладить въ мысляхъ страшныя воспоминанія? Куда теперь ѣхать? Въ *Иль де-Нотръ Дамъ*, гдѣ, во время Карла V, передъ глазами всѣхъ именитыхъ жителей Парижа, рыцарь Макеръ сражался . . . съ другимъ рыцаремъ, думаете? Нѣтъ, съ собакою, которая могла служить примѣромъ для рыцарей. Донынѣ показываютъ тамъ мѣсто сего чуднаго поединка. Выслушайте исторію. Обри Мондидье, гуляя одинъ въ лѣсу не далеко отъ Парижа, былъ зарѣзанъ и схороненъ подъ деревомъ. Собака нещастнаго, которая оставалась дома, побѣжала ночью искать его, нашла въ лѣсу могилу, узнала, кто погребенъ тутъ, и нѣсколько дней не сходила съ мѣста. Наконецъ голодъ заставилъ ее возвратиться въ Парижъ. Она пришла къ Обріеву другу, Ардильеру, и жалкимъ воемъ давала ему чувствовать, что общаго друга ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Ардильеръ накормилъ ее, ласкалъ: но горестная собака не переставала визжать, лизала ему ноги, брала его за кафтанъ, тащила къ дверямъ. Ардильеръ рѣшился итти за нею — изъ улицы въ улицу, за городъ, въ лѣсъ, къ высокому дубу. Тутъ начала она визжать еще сильнѣе и рыть лапами землю. Другъ Обріевъ съ горестнымъ предчувствіемъ видитъ могилу; велитъ слугѣ своему

копать, и находитъ тѣло нещастнаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ собака встрѣчается съ убійцею, котораго всѣ Историки называютъ рыцаремъ Макеромъ; бросается на него (*), лаетъ, грызетъ, такъ что съ великимъ трудомъ могли оттащить ее. Въ другой, въ третій разъ то же; собака, всегда смирная, только противъ одного человѣка дѣлается злобнымъ тигромъ. Люди удивляются, говорятъ; вспомнили ея привязанность къ господину; вспомнили, что Макеръ въ разныхъ случаяхъ оказывалъ ненависть къ покойнику. Другія обстоятельства умножаютъ подозрѣніе. Доходитъ до Короля. Онъ желаетъ видѣть собственными глазами — и видитъ, что собака, ласкаясь ко всѣмъ придворнымъ, съ визгомъ кусаетъ Макера. Въ тогдашнія времена поединокъ рѣшилъ судьбу обвиняемыхъ, естьли доказательства были не ясны. Карлъ назначаетъ день, мѣсто; Рыцарю даютъ булаву, и пускаютъ собаку. Жестокій бой начинается. Макеръ заноситъ руку, хочетъ разить; но собака увертывается, хватаетъ его за горло — и злодѣй, падая на землю, признается Королю

(*) Спрашивается, какъ она узнала его? Можетъ быть, имѣя тонкое обоняніе, почувствовала на немъ кровь господина своего.

вѣ своемѣ злодѣяніи. Карлѣ V, желая для потомства сохранить память вѣрной собаки, которая столь чудесно открыла тайное убійство, велѣлѣ вѣ Бондійскомѣ лѣсу соорудить ей мраморный монументѣ и вырѣзать слѣдующую надпись: *Жестокія сердца! стыдитесь: безсловесное животное умѣетѣ любить, и знаетѣ благодарность. А ты, злодѣй! вѣ минуту преступленія бойся самой тѣни своей!* — И такѣ Карлѣ справедливо названѣ *Мудрымѣ.* — Когда *Исторія людей*, наполненная злодѣяніями, выпадетѣ изѣ рукѣ моихѣ, я стану читать *исторію собакѣ*, и утѣшусь!

Отѣ чего вѣ Парижѣ назвали одну улицу *адскою?* Лудовикѣ Святый, добрый Государь (естьли бы онѣ только не ѣздилѣ воевать вѣ Азію и вѣ Африку) подарилѣ ученикамѣ Бруновымѣ (*) небольшой домикѣ сѣ садомѣ, близь старинкаго дворца, построеннаго Королемѣ Робертомѣ, и давно уже оставленнаго. Скоро разнесся вѣ Парижѣ слухѣ, что нечистые духи живутѣ вѣ Робертовыхѣ палатахѣ, шумятѣ, стучатѣ цѣпями и воютѣ страшнымѣ образомѣ; что одно зеленое *чудовище*, сверху человѣкѣ, а снизу змѣя, ходитѣ по комнатамѣ, ночью

(*) Бруно основалѣ Картезіанской Орденѣ.

выбѣгаетъ на улицу и бросается на людей. Лудовикъ, слыша такіе ужасы, разсудилъ за благо отдать сей дворецъ Картезіанцамъ, съ условіемъ, чтобы они выгнали оттуда злыхъ духовъ. Зеленое чудовище вдругъ скрылось, и добрые монахи жили покойно въ своемъ огромномъ домѣ; но улица и донынѣ называется *адскою*.

Я проѣхалъ оттуда въ улицу *Милькёръ*, гдѣ Франциксъ I жилъ нѣсколько времени въ маленькомъ домикѣ, чтобъ быть сосѣдомъ прекрасной Герцогини д'Этампъ, которая владѣла его нѣжнымъ сердцемъ. Онъ украсилъ свои комнаты живописью, эмблемами, надписями, въ честь и славу любви. «Я видѣлъ еще многіе изъ сихъ «девизовъ, говоритъ Соваль, но помню «только одинъ: пламенное сердце, изо«браженное между *альфы* и *омеги*; что «безъ сомнѣнія значило: *оно будетъ все«гда пылать.*» Бани Герцогини д'Этампъ служатъ нынѣ конюшнею. Шляпный мастеръ варитъ себѣ кушанье въ спальнѣ Франциска I, а въ *кабинетѣ его восторговъ* (cabinet de délices) живетъ сапожникъ.

Старинный законъ не велитъ во Франціи выпускать на улицу свиней. Любопытны ли вы знать причину? Въ улицѣ *Мальтуа* вамъ скажутъ ее. Тамъ молодой Король Филиппъ, сынъ Лудовика *Толстаго*,

ѣхалъ верьхомъ. Вдругъ откуда ни взялась свинья и бросилась подъ ноги лошади его: лошадь споткнулась, Филиппъ упалъ и на другой день умеръ.

Шотланецъ Ла (Law) прославилъ улицу Кенкампуа: тутъ раздавались билеты его Банка. Страшное множество людей всегда тѣснилось вокругъ бюро, чтобы мѣнять луидоры на ассигнаціи. »Тутъ »горбатые торговали своими горбами; »то есть, позволяли ажіотёрамъ писать »на нихъ, и въ нѣсколько дней обогащались. »Слуга покупалъ экипажъ господина сво»его; демонъ корыстолюбія выгонялъ »Философа изъ ученаго кабинета и за»ставлялъ его вмѣшиваться въ толпу иг»роковъ, чтобы покупать мнимыя ассиг»націи. Сонъ исчезъ, осталась простая »бумага, и авторъ сей нещастной си»стемы умеръ съ голоду въ Венеціи, бывъ »за нѣсколько времени передъ тѣмъ рос»кошнѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ» — *Мерсье въ Картинѣ Парижа.*

Путешествіе мое кончилось улицею *Арфы,* de la Harpe, гдѣ я видѣлъ остатки древняго Римскаго зданія, извѣстнаго подъ именемъ Palais des Thermes: огромную залу съ круглымъ сводомъ, вышиною въ 40 футовъ. Историки думаютъ, что это зданіе древнѣе временъ Іуліановыхъ; по крайней мѣрѣ Іуліанъ жилъ въ

немЪ, когда Гальскіе Легіоны назвали его РимскимЪ ИмператоромЪ. Великолѣпные сады, бассеины, водоводы, о которыхЪ говорятЪ старинныя лѣтописи, все стерто и заглажено рукою времени. ТутЪ жили Французскіе Цари Кловисова поколѣнія; тутЪ заключены были любезныя дочери Карла Великаго за ихЪ нѣжныя слабости; тутЪ, при КороляхЪ втораго поколѣнія, знатныя Парижскія дамы видались сЪ своими обожателями; тутЪ нынѣ выкармливаютЪ голубей для продажи. Кстати, подумалЪ я: голубь есть Венерина птица.

ВЪ этой же улицѣ славился пирожникЪ Миньйо, котораго воспѣлЪ Буало вЪ Сатирѣ своей.

. . . Mignot, c'est tout dire, et dans le monde entier
Jamais empoisonneur ne sut mieux son métier. . . .

ПирожникЪ разсердился на Сатирика, жаловался вЪ судѣ; но будучи только осмѣянЪ судьями, вздумалЪ мстить Поэту инымЪ образомЪ: уговорилЪ Аббата Коттеня сочинить сатиру на Буало, напечаталЪ ее и разослалЪ сЪ пирогами по всему городу.

Оперное знакомство.

Я пришелъ въ Оперу съ Нѣмцомъ Реинвальдомъ. Entrez dans cette loge, Messieurs! — Въложѣ сидѣли двѣ дамы съ Кавалеромъ Св. Лудовика. „Останьтесь здѣсь, государи мои,“ сказала намъ одна изъ нихъ: „видите, что у насъ нѣтъ ничего на головахъ; въ другихъ ложахъ найдете женщинъ съ превысокими уборами, которые совсѣмъ закроютъ отъ васъ театръ.“ Мы васъ благодаримъ, отвѣчалъ я, и сѣлъ позади ее. Учтивость ея возбудила мое вниманіе: я съ обѣихъ сторонъ заглядывалъ ей въ лицо. Между тѣмъ товарищъ мой началъ говорить со мною по-Руски: и дамы и кавалеръ посмотрѣли на насъ, услышавъ неизвѣстные звуки. Я имѣлъ удовольствіе найти въ учтивой дамѣ бѣлокурую молодую красавицу. Черный цвѣтъ платья оттѣнивалъ бѣлизну лица; голубая ленточка извивалась въ густыхъ, свѣтлыхъ, ненапудренныхъ волосахъ; букетъ розъ алѣлъ на лилеяхъ груди. — „Хорошо ли вамъ?“ спросила у меня съ улыбкою любезная незнакомка. — *Не льзя лучше, сударыня.* — Но кавалеръ, который сидѣлъ рядомъ съ нею, безпрестанно повертываясь съ стороны въ сторону, безпокоилъ Реинвальда. „Я здѣсь ни за что не останусь,“ сказалъ мой

Нѣмецъ: «проклятый Французъ натретъ мнѣ на колѣняхъ мозоли» — сказалъ, и ушелъ. Бѣлокурая незнакомка посмотрѣла на дверь и на меня. «Вашъ товарищъ не доволенъ нашею ложею?»

Я. Ему хочется быть прямо противъ сцены.

Незнакомка. А вы съ нами?

Я. Естьли позволите.

Незнакомка. Вы очень милы.

Кавалеръ Св. Лудовика. Я только теперь примѣтилъ, что у васъ на груди розы: вы ихъ любите?

Незнакомка. Какъ не любить? онѣ служатъ эмблемою нашего пола.

«Отъ нихъ совсѣмъ нѣтъ запаха,» сказалъ онъ, распуская и сжимая свои ноздри.

Я. Извините — я далѣе, а чувствую.

Незнакомка. Вы далѣе? да чтожь вамъ мѣшаетъ быть поближе, естьли розы для васъ пріятны? Здѣсь есть мѣсто. . . . Вы Англичанинъ?

Я. Естьли Англичане имѣютъ щастіе вамъ нравиться, то мнѣ больно назваться Рускимъ.

Кавалеръ. Вы Руской? Видите, что я угадалъ, сударыня! j'ai voyagé dans le nord; je me connois aux accens; je vous l'ai dit dans le moment.

Незнакомка. Я право думала, что вы Англичанинъ. Je raffole de cette nation.

Кавалеръ. Не льзя ошибиться тому, кто, подобно мнѣ, былъ вездѣ, и знаетъ языки. У васъ въ Россіи говорятъ Нѣмецкимъ языкомъ?

Я. Рускимъ.

Кавалеръ. Да, Рускимъ; все одно.

»Всѣ мѣста заняты,« сказала красавица, взглянувъ на партеръ: »тѣмъ лучше! я люблю людей.«

Кавалеръ. Иначе вы были бы неблагодарны.

Какъ досадно! думалъ я: онъ сорвалъ у меня съ языка это слово.

Кавалеръ. Только по Моисееву закону вамъ надобно ненавидѣть женщинъ.

Незнакомка. Почему же?

Кавалеръ. Любовь за любовь, ненависть за ненависть.

Незнакомка (съ усмѣшкою). Я Христіянка. Однакожь это правда: женщины не любятъ другъ друга.

Для чего же? спросилъ я съ величайшею невинностію.

Красавица. Для чего?)...

Тутъ она понюхала свои розы, взглянула опять на меня, и спросила, давно ли я въ Парижѣ? долго ли пробуду?

Когда розы увянутЪ вЪ саду, меня уже здѣсь не будетЪ — отвѣчалЪ я самымЪ жалкимЪ голосомЪ.

Красавица (посмотрѣвЪ на свой букетЪ). Онѣ у меня цвѣтутЪ и зимою.

Я. Чего не дѣлаетЪ искусство, сударыня? Однакожъ Натура не теряетЪ своихЪ правЪ: ея цвѣты милѣе.

Красавица. Не сѣверному жителю хвалить Природу: она у васЪ печальна.

Я. Не всегда, сударыня: у насЪ также есть весна, цвѣты и прекрасныя женщины.

Незнакомка. Любезныя?

Я. По крайней мѣрѣ *любимыя.*

Незнакомка. Да, я думаю, что у васЪ лучше умѣютЪ любить, нежели нравиться. Во Франціи напротивЪ: чувство пылаетЪ здѣсь только вЪ романахЪ.

Я. У насЪ, сударыня, у насЪ оно пылаетЪ вЪ сердцахЪ.

Кавалеръ. Чувствительность вездѣ романЪ. Я путешествовалЪ, и знаю.

Красавица. О несносные Французы! вы всѣ атеисты вЪ любви. Не мѣшайте ему говорить. ОнЪ намЪ скажетЪ, какЪ вЪ Россіи обожаютЪ женщинЪ —

Кавалеръ. РоманЪ!

Красавица. КакЪ мущины нѣжны, примѣчательны —

Кавалеръ (Зѣвая). РоманЪ!

Красавица. Какъ они смотрятъ женщинамъ въ глаза, не скучая, не *зѣвая.*

Кавалеръ (засмѣявшись). Романъ! Романъ!

Тутъ весь театръ освѣтился плошками, и зрители захлопали въ знакъ удовольствія. Красавица сказала съ улыбкою: »мущины рады свѣту, а мы боимся его. Посмотрите, на примѣръ, какъ вдругъ стала блѣдна молодая дама, которая сидитъ противъ насъ!«...

Кавалеръ. Отъ того, что она, подражая Англичанкамъ, не румянится.

Я. Блѣдность имѣетъ свою прелесть, и женщины напрасно румянятся.

Красавица обернулась къ партеру... Ахъ! она была нарумянена! Я сказалъ неучтивость, прижался бокомъ къ стѣнѣ, и молчалъ. Къ щастью оркестръ заигралъ, и началась опера. Музыка Глукова Орфея восхитила меня такъ, что я забылъ и красавицу; за то вспомнилъ Жанъ-Жака, который не любилъ Глука, по слыша въ первый разъ Орфея, плѣнился, молчалъ — и когда Парижскіе знатоки при выходѣ изъ театра окружили его, спрашивая, какова музыка? запѣлъ тихимъ голосомъ: j'ai perdu mon Euridice; rien n'égale mon malheur — отеръ слезы свои, и не сказавъ болѣе ни слова, ушелъ.

Такъ великіе люди признаются въ несправедливости мнѣній своихъ!

Занавѣсъ опустился. Незнакомка сказала мнѣ: «Божественная музыка! а вы, кажется, не аплодировали?»

Я. Я чувствовалъ, сударыня.

Незнакомка. Глукъ милѣе Пиччини.

Кавалеръ. Объ этомъ въ Парижѣ давно перестали спорить. Одинъ славится гармоніею, другой мелодіею; одинъ всегда равно удивителенъ, другой великъ порывами; одинъ никогда не падаетъ, другой встаетъ съ земли, чтобы летѣть къ облакамъ; въ одномъ болѣе характера, въ другомъ болѣе оттѣнокъ. *Мы* давно согласились.

Незнакомка. Я не умѣю дѣлать ученыхъ сравненій; а вы, государь мой?

Я. Согласенъ съ вами, сударыня.

Незнакомка. Etes-vous toujours bien Mr.?

Я. Parfaitement bien, Madame, auprès de vous.

Тутъ Кавалеръ Св. Лудовика сказалъ ей что-то на ухо. Она засмѣялась, посмотрѣла на часы, встала, подала ему руку, и сказавъ мнѣ: je vous salue, Monsieur! ушла вмѣстѣ съ другою дамою. Я изумился.... Не дождаться прекраснаго балета *Калипсы* и *Телемака!* странно!... Мнѣ стало въ ложѣ просторнѣе и — скучнѣе. Я взглядывалъ на дверь, какъ

будто бы ожидая возвращенія прелестной незнакомки. Кто она? благородная, почтенная, или . . . Какая мысль! Важныя Парижскія дамы не говорятъ такъ вольно съ незнакомыми; однакожъ можетъ быть исключеніе изъ правила. Воображеніе мое не преставало заниматься ею во время балета, находя въ разныхъ танцовщицахъ сходство съ бѣлокурою незнакомкою. Я пришелъ домой — и все еще объ ней думалъ.

«Исторія кончилась,» вы скажете: а можетъ быть и *нѣтъ*. Что, естьли я опять гдѣ нибудь встрѣчусь съ красавицею, въ *Елисейскихъ поляхъ*, въ Булонскомъ лѣсу; избавлю ее отъ разбойниковъ, или вытащу изъ Сены, или спасу отъ огня? . . . Предвижу вашу усмѣшку. «Романъ! романъ!» повторите вы съ Кавалеромъ Св. Лудовика. Боже мой! какъ люди стали нынѣ недовѣрчивы! Это отнимаетъ охоту путешествовать и разсказывать анекдоты. Хорошо; я замолчу.

Парижъ, Мая...

Солиманъ Ага, Турецкій Посланникъ при Дворѣ Лудовика XIV въ 1669 году, первый ввелъ въ употребленіе кофе. Нѣкто Паскаль, Армянинъ, вздумалъ завести кофейный домъ; новость полюбилась, и Паскаль собралъ довольно денегъ. Онъ умеръ, и мода на кофе прошла, такъ что къ его наслѣдникамъ никто уже не ходилъ въ гости. Черезъ нѣсколько лѣтъ Прокопъ Сициліянецъ открылъ новый кофейный домъ близь *Французскаго театра*, украсилъ его со вкусомъ, и нашелъ способъ заманивать къ себѣ лучшихъ людей въ Парижѣ, особливо Авторовъ. Тутъ сходились Фонтенель, Жанъ Баптистъ Руссо, Соренъ, Кребильйонъ, Пиронъ, Вольтеръ; читали прозу и стихи, спорили, шутили, разсказывали новости. Парижане ходили отъ скуки слушать ихъ. Имя сохранилось донынѣ; но теперешній Прокоповъ кофейный домъ не имѣетъ уже славы прежняго.

Что можетъ быть щастливѣе этой выдумки? Вы идете по улицѣ, устали, хотите отдохнуть: вамъ отворяютъ дверь въ залу, чисто прибранную, гдѣ за нѣсколько копѣекъ освѣжитесь лимонадомъ, мороженымъ; прочитаете газеты; слушаете сказки, разсужденія; сами

говорите, и даже кричите, естьли угодно, не боясь досадить хозяину. Люди не богатые, осенью, зимою, находять тут приятное убѣжище отъ холода, каминъ, свѣтлый огонь, передъ которымъ могутъ сидѣть какъ дома, не платя ничего; и еще пользоваться удовольствіемъ общества. Vive Pascal, vive Procope! vive Soliman Aga!

Нынѣ болѣе 600 кофейныхъ домовъ въ Парижѣ (каждый имѣетъ своего Корифея, умника, говоруна), но знаменитыхъ считается 10, изъ которыхъ пять или шесть въ Пале-Рояль: Café de Foi, du Cavot, du Valois, de Chartres. Первый отмѣнно хорошо прибранъ; а второй украшенъ мраморными бюстами музыкальныхъ сочинителей, которые своими Операми плѣняютъ слухъ здѣшней публики: бюстомъ Глука, Саккини, Пиччини, Гретри и Филидора. Тутъ же на мраморномъ столѣ написано золотыми буквами: On ouvrit deux souscriptions sur cette table: la premiere le 28 Juillet, pour répeter l'experience d'Annonay; la deuxieme le 29 Août, 1783, pour rendre hommage par une médaille à la decouverte de MM. de Montgolfier. На стѣнѣ прибитъ медальйонъ, который изображаетъ обоихъ братьевъ Монгольфье. — Жанъ-Жакъ Руссо прославилъ одинъ кофейный домъ, le Café

de la Régence, тѣмъ, что всякой день игралъ тамъ въ шашки. Любопытство видѣть великаго Автора привлекало туда столько зрителей, что Полицеймейстеръ долженъ былъ приставить къ дверямъ караулъ. И нынѣ еще собираются тамъ ревностные Жанъ-Жакисты, пить кофе въ честь Руссовой памяти. Стулъ, на которомъ онъ сиживалъ, хранится какъ драгоцѣнность. Мнѣ сказывали, что одинъ изъ почитателей Философа давалъ за него 500 ливровъ; но хозяинъ не хотѣлъ продать его.

Смѣсь.

Я желалъ видѣть, какъ веселится Парижская чернь, и былъ нынѣшній день въ *Генгетахъ:* такъ называются загородные трактиры, гдѣ по Воскресеньямъ собирается народъ обѣдать за 10 *су* и пить самое дешевое вино. Не можете представить себѣ, какой шумный и разнообразный спектакль! Превеликія залы наполнены людьми обоего пола; кричатъ, пляшутъ, поютъ. Я видѣлъ двухъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, важно танцующихъ менуетъ съ двумя старухами; молодые хлопали въ ладоши, и кричали: *браво!* Нѣкоторые шатались отъ дѣйствія винныхъ паровъ, а также хотѣли

шанцовашь, и шолько что не падали; не узнавали дамъ своихъ, и вмѣсто извиненія говорили: diable! peste! — C'est l'empire de la grosse gaieté, царство грубаго веселья! — И шакъ не одинъ Руской народъ обожаетъ Бахуса! Розница та, что пьяный Французъ шумитъ, а не дерется.

У дверей всякой *Генгеты* стоятъ женщины съ цвѣтами, берутъ васъ за руку и говорятъ: *Господинъ милой, господинъ прекрасный! я дарю васъ букетомъ розъ.* Надобно непремѣнно взять подарокъ, отблагодарить шестью копѣйками (*), и еще сказать учтивое слово, un mot de politesse, d'honneteté. Парижскія *цвѣтошницы* одного разбора съ *рыбными торговками* (les poissardes); страшно не понравиться имъ; онѣ въ состояніи замешать васъ грязью. Но естьли вы держите въ рукѣ букетъ цвѣтовъ, то вамъ уже не предлагаютъ другова. Однажды, на *Королевскомъ мосту*, двѣ *цвѣтошницы* остановили меня съ Барономъ В*, и требовали . . . поцѣлуя! Мы смѣялись, хотѣли итти: но жестокія Вакханты насильно поцѣловали насъ въ щеку, хохотали во все горло, и кричали намъ въ слѣдъ: *еще, еще одинъ поцѣлуй!*

(*) Une piece de 6 sous.

Идучи по *Дофинскому берегу*, увидѣлъ я на рѣкѣ два Китайскіе павильйона; узналъ, что это бани; сошелъ внизъ, заплатилъ 24 *су* и вымылся холодною водою въ прекрасномъ маленькомъ кабинетѣ. Чистота удивительная. Во всякой кабинетъ проведена изъ рѣки особливая труба, въ которой вода течетъ сквозь песокъ. Тутъ же учатъ плавать; урокъ стоитъ 30 *су*. При мнѣ плавали три человѣка съ отмѣнною легкостію. Въ Парижѣ есть и теплыя бани, въ которыя часто посылаютъ Медики больныхъ своихъ. Самыя лучшія и дорогія называются Рускими, bains Russes, de vapeurs ou de fumigations, simples et composés. Надобно заплатить рубли два, и васъ вымоютъ, вытрутъ губками, обкурятъ ароматами, какъ у насъ въ Грузинскихъ баняхъ.

Я былъ въ Hôtel-Dieu, главной Парижской Гошпитали, въ которую принимаютъ всякой вѣры, всякой націи, всякаго рода больныхъ, и гдѣ бываетъ ихъ иногда до 5000, подъ надзираніемъ 8 Докторовъ и ста лекарей. 130 Монахинь Августинскаго Ордена служатъ нещастнымъ и пекутся о соблюденіи чистоты; 24 свя-

щенника безпрестанно исповѣдываютъ умирающихъ, или отпѣваютъ мертвыхъ. Я видѣлъ только двѣ залы, и не могъ итти далѣе; мнѣ стало дурно; и до самаго вечера стонъ больныхъ отзывался въ моихъ ушахъ. Не смотря на хорошій присмотръ, изъ 1000 всегда умираетъ 250. Какъ можно заводить такія больницы въ городѣ? Какъ можно пить воду изъ Сены, въ которую стекаетъ вся нечистота изъ Hôtel-Dieu? Ужасно вообразить! Щастливъ, кто выѣдетъ изъ Парижа здоровый! — Я спѣшу въ театръ, чтобы разсѣять свою меланхолію и начало лихорадки.

Здѣшняя Королевская Библіотека есть первая въ свѣтѣ; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ мнѣ Библіотекарь. Шесть превеликихъ залъ наполнены книгами. Мистическіе Авторы занимаютъ пространство въ 200 футовъ длиною и въ 20 вышиною, Схоластики 150 футовъ, Юриспруденты 40 саженъ, Историки вдвое. Поэтовъ считается 40,000, Романистовъ 6000, путешественниковъ 7000. Все вмѣстѣ составляетъ болѣе 200,000 томовъ, къ которымъ надобно еще прибавить 60,000 рукописныхъ. Порядокъ рѣдкій.

Наименуйте книгу, и черезъ нѣсколько минутъ она у васъ въ рукахъ. Мнѣ, какъ Рускому, показывали Славянскую Библію и Наказъ Императрицы. — Карлъ V получилъ въ наслѣдство послѣ Короля Іоанна 20 книгъ; любя чтеніе, умножилъ ихъ до 900, и былъ основателемъ сей библіотеки. Тутъ же, въ Кабинетѣ древнихъ и новыхъ медалей, съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ я два щита славнѣйшихъ изъ древнихъ полководцевъ: Аннибала и Сципіона Африканскаго (*). Какими пріятными воспоминаніями обязаны мы Исторіи! Мнѣ было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, когда я въ первый разъ читалъ Римскую, и воображая себя маленькимъ Сципіономъ, высоко поднималъ голову. Съ того времени люблю его какъ своего Героя. Аннибала я ненавидѣлъ въ щастливыя времена славы его, но въ рѣшительный день, передъ стѣнами Карѳагенскими, сердце мое едва ли не ему желало побѣды. Когда всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли; когда онъ, укрываясь отъ злобы мстительныхъ Римлянъ, скитался изъ земли въ землю: тогда я былъ нѣжнымъ другомъ хотя нещастнаго, но великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ Республикан-

(*) Доказывается надписью.

цевъ. — Еще хранятся въ Библіотекѣ двѣ стрѣлы дикихъ Американцевъ, намазанныя такимъ сильнымъ ядомъ, что естьли проколешь ими до крови какое нибудь животное, то оно черезъ нѣсколько минутъ оцѣпенѣвъ умретъ. — Въ залѣ нижняго этажа стоятъ два глобуса чрезмѣрной величины, такъ что верхняя часть ихъ выходитъ, черезъ отверстіе потолка, въ другой этажъ. Они сдѣланы монахомъ Коронелли. — Собраніе эстамповъ въ Библіотекѣ также достойно примѣчанія.

Здѣсь много и другихъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ, отворенныхъ въ назначенные дни для всякаго. Читайте, выписывайте, что вамъ угодно. Нѣтъ въ свѣтѣ другова Парижа ни для ученыхъ, ни для любопытныхъ; все готово — только пользуйся.

Королевская Обсерваторія, обращенная углами къ четыремъ главнымъ пунктамъ горизонта, построена безъ дерева и безъ желѣза. Въ большой залѣ перваго этажа проведенъ Меридіанъ, который идетъ черезъ всю Францію, на сѣверъ и на югъ, отъ Коліура до Динкирхена. Тамъ одна комната называется *тайною*, la salle des

Secrets, и представляетъ любопытный феноменъ. Естьли вы приложите губы къ пиластру и тихонько скажете нѣсколько словъ, то человѣкъ, стоящій напротивъ у другова пиластра, слышитъ ихъ; а люди, которые стоятъ между вами, ничего не слышатъ. Монахъ Киркеръ писалъ изъясненіе сей механической странности. — Кто хочетъ сойти въ подземельный лабиринтъ Обсерваторіи, служащій для разныхъ метеорологическихъ опытовъ, тому надобно непремѣнно взять вожатаго и факелы: 360 ступеней ведутъ васъ въ эту бездну; темнота страшная; густой, сырой воздухъ почти останавливаетъ дыханіе. Мнѣ разсказывали, что два монаха, сошедши туда вмѣстѣ съ другими любопытными, отстали — хотѣли догнать товарищей, но факелъ ихъ угасъ — они искали выхода изъ темныхъ переходовъ, но тщетно. Черезъ 8 дней нашли ихъ въ лабиринтѣ мертвыхъ.

Лудовикъ XIV построилъ самой великолѣпнѣйшій въ Европѣ *Инвалидный домъ* для изувѣченныхъ и престалѣлыхъ воиновъ, желая доказать имъ Царскую благодарность, и часто бывалъ у нихъ въ гостяхъ, безъ всякой стражи, кромѣ

испытаннаго усердія своихъ Ветерановъ. Печальное зрѣлище для Философа, трогательное для всякаго чувствительнаго! Многіе Инвалиды не могутъ ходить; многіе не могутъ даже ѣсть сами: ихъ кормятъ. Одни молятся передъ олтарями; другіе сидятъ подъ тѣнію густыхъ деревъ, разговаривая о побѣдахъ, купленныхъ ихъ кровію. Какъ охотно снимаю шляпу передъ сѣдымъ воиномъ, который носитъ на себѣ незагладимые знаки храбрости и печать славы! Война бѣдственна, но храбрость есть великое свойство души. »Робкой человѣкъ можетъ быть »добрымъ: но всякой дурной человѣкъ »непремѣнно долженъ быть трусомъ,« говоритъ Стерновъ Капралъ Тримъ. — Петръ Великій, осматривая Парижскій Инвалидный домъ въ то время, какъ почтенные воины сидѣли за обѣдомъ, налилъ себѣ рюмку вина, и сказавъ: *ваше здоровье, товарищи!* выпилъ до капли.

Архитектура и живопись прекрасны.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ
въ Четвертой Части.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
9	2	géros	héros
13	16	Rogan	Rohan
—	17	geurre	guerre
36	15	компаній	кампаній
58	18	stubbrun	stubborn
—	20	subdn'd	subdu'd
59	11	reing	ring
—	23	whad	what
82	2	дѣлалъ	дѣлахъ
—	16	забылъ	забывъ
85	26	сожалѣнія,	сожалѣнія
87	12	пономарь	понамарь
101	19	въ одномъ	въ водномъ
109	11	вьѣдите	вьѣдеше
122	5	древнаго	древняго
133	2	de l'esprits	de l'esprit
142	9	Vauntz couriers	Vaunt-couriers
188	23	Монарха	Монарха)
200	23	ces	les
206	4	дѣвушки,	дѣвушки
223	28	Euridice	Eurydice

